МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО»

На правах рукописи

Березин Александр Алексеевич

СТАНОВЛЕНИЕ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ В СССР В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (1920–1990 гг.)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
доцент А.М. Абидулин

Нижний Новгород - 2026

Оглавление

Введение…..……..С. 3
ГЛАВА I. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДИКИ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР (1920 – 1940 гг.)…..…….…….…….…….…..…….С.50
1.1. Роль государственных структур (ЭПРОН, АН СССР) в становлении подводной археологии (1920–1930 гг.)…….…….....С.50
1.2. Институциональные формы и методические новации в морских подводно-археологических исследованиях …….....С.67
ГЛАВА II. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ОБЛАСТИ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ СССР (1950–1990 гг.)
2.1. Организация и практика подводных исследований на внутренних водоемах СССР: региональный аспект.....С.118
2.2. Проблемы институционализации подводной археологии в СССР: опыт количественно-качественного анализа …….....С.145
Заключение.....С.167
Список сокращений.....С.176
Список источников и литературы С.177
Приложения…….…….....…С.220

Введение

В течении XX столетия тематически, концептуально и организационно оформилось особое научное направление – подводная археология, располагающая к настоящему моменту необходимым научным, техническим и кадровым потенциалом, а главное разработанными не только весьма эффективными методиками исследований, но и результативными методами сохранения, музеефикации и исторической интерпретации подводно-археологических объектов. Перспективность изучения подводного культурного наследия является одним из приоритетных направлений развития отечественной исторической науки в целом[1].

Актуальность исследования определяется комплексом взаимосвязанных обстоятельств, лежащих в плоскости развития отечественной исторической науки, ее источниковой базы, институциональной истории и методологии. Обращение к истории становления и развития подводной археологии в Советском Союзе позволяет не только восполнить существенную лакуну в истории развития отечественной исторической науки, но и поставить ряд принципиальных вопросов о путях формирования новых научных направлений в условиях советской государственной системы, о механизмах взаимодействия академической науки с прикладными структурами (водолазными, военно–морскими, производственными, спасательными, студенческими и т.д.), а также о судьбе интеллектуального наследия, оказавшегося на периферии официального дисциплинарного канона.

[1] *Массон В.М.* Морская археология, как научное направление // Изучение памятников морской археологии. – 1993. – №1. – С.7.

История этапов развития, становление направлений исследовательского поиска, формирование научно–технического, эмпирического, и концептуально–теоретического арсенала, зарождения, апробации и утверждения основных методов подводных раскопок и интерпретации подъёмного материала, складывание научных биографий и судеб учёных, чей профессиональный интерес определил развитие дисциплины в пространстве и во времени – вопросы формирующие актуальность исследования. Несмотря на более чем столетнюю историю подводно-археологических изысканий в России, до настоящего времени специальное академическое исследование, рассматривающее процесс развития подводной археологии в СССР как научного направления, вписанного в общую логику развития советской исторической науки, не создано. Для восполнения обозначенного пробела, в предлагаемом исследовании, впервые в отечественной истории предпринята попытка не ограничиться перечислением подводных раскопок, а сформировать научно – историческую реконструкцию процесса, включающего:

— периодизацию этапов развития подводно-археологических исследований в СССР;

— анализ эволюции методологических подходов (от фиксации случайных находок к целенаправленным раскопкам и интерпретации);

— изучение институциональных форм (организации при ИА АН СССР, отряды аквалангистов в составе комплексных экспедиций, специализированные секции в музеях и высших учебных заведениях);

— выявление ведущей роли отдельных ученых (Р.А. Орбели, В.Д. Блаватского, Б.Г. Петерса, В.И. Кузищева, К.К. Шилика, и др.) в развитии дисциплины;

— анализ взаимоотношений с государственными структурами, общественными организациями и партийными органами (ЭПРОН, ВМФ, ДОСААФ, ЦК ВЛКСМ).

История подводной археологии в СССР представляет собой уникальный кейс для изучения механизмов институционализации новой научной дисциплины в условиях централизованного планирования науки, идеологического контроля и ресурсных ограничений.

В последние десятилетия в отечественной истории наблюдается устойчивый интерес к истории советской науки как части национального интеллектуального наследия. Подводная археология в СССР – это не только технологические достижения (первые отечественные акваланги, методы консервации мокрого дерева, опыт подводных раскопок на десятках объектов), но и человеческие судьбы: Р.А. Орбели – ученый энциклопедических знаний, основоположник «гидроархеологии»; В.Д. Блаватский – создатель первой в стране подводно-археологической группы, воспитавший целое поколение исследователей; Б.Г. Петерс – выпускник экспериментальной группы подводной археологии исторического факультета МГУ 1960 года.

Изучение этой истории – это и дань уважения предшественникам, и способ формирования корпоративной идентичности современных российских подводных археологов, осознания ими собственной традиции, которая, несмотря на все прерывы, имеет глубокие корни и может служить основой для развития дисциплины. Таким образом, актуальность диссертационного исследования определяется рядом критериев:

– с *научно-историографической* стороны вопроса, отсутствием в отечественной библиографии комплексного историко-научного труда, системно рассматривающего историю подводно-археологических исследований в СССР в контексте развития отечественной исторической науки.

– с точки зрения *источниковедения* – введением в оборот значительного массива новых архивных документов, позволяющих

реконструировать институциональную историю дисциплины и научные биографии ключевых участников.

Методологически – охарактеризовать в одной работе весь известный арсенал методов ведения исследовательского поиска советскими археологами для всестороннего изучения затопленных памятников истории.

Практически – востребованностью опыта предыдущих поколений специалистов для решения современных проблем охраны, изучения и музеефикации подводного культурного наследия РФ.

Мемориально-просветительски – необходимостью сохранения и осмысления научного наследия советских подводных археологов как части национальной интеллектуальной традиции.

Объектом исследования является деятельность советских государственных учреждений, академических институтов и общественных организаций по регулированию, методическому обеспечению и кадровому сопровождению подводно–археологических исследований как части культурной и научной политики СССР.

Предметом исследования является попытка синхронизации институционального оформления подводно–археологических исследований в СССР, нивелирующая противоречие между научно-практическим потенциалом направления и системными ограничениями, обусловленными ведомственной разобщенностью, кадровым дефицитом, правовой неопределенностью и идеологическими приоритетами советской государственной системы.

Целью диссертационного исследования является комплексная историко-научная реконструкция процесса становления и развития подводной археологии в Советском Союзе, и установления объёма вклада дисциплиной новых знаний в отечественную историческую науку.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

Изучить и систематизировать разнотипные архивные материалы и другие опубликованные источники с целью создания источниковой базы для исследования истории подводных работ на памятниках археологии в отечественной науке в целом, так и в отдельных аспектах в частности.

– Разобрать полученные данные в рамках определения места и роли исследований в области изучения подводно-археологических памятников с точки зрения развития организационных форм, эволюции их научной методологии и методики, установления периодизации, и кооперации с иными научными дисциплинами.

– Произвести аналитический обзор деятельности отдельных экспедиций и учёных, академических институтов СССР и АН отдельных союзных республик, с точки зрения достигнутых результатов на уровне подводных полевых, камеральных и интерпретационных исследований, и их вклада в изучение подводных археологических памятников.

– Дать объяснение исторических условий и причин, воспрепятствовавших в итоге, несмотря на достигнутый потенциал и количество исследованных памятников, складыванию отечественной подводной археологии как самостоятельной дисциплины, обладающей своим объектом исследований, базой данных, специализированным инженерно-техническим обеспечением и инструментарием, организационными формами научно-исследовательских организаций, правовым обеспечением, объектом, предметом, методологией и методикой, а также разнообразными познавательными средствами.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется уровнем накопленных знаний о подводной археологии как об особой ветви археологической науки в структуре разнообразных организационных форм институтов АН СССР и России, высшего

образования и культуры. Несмотря на ряд попыток, остались без внимания моменты зарождения и складывания потребности к исследованию разнотипных памятников, к их разведке, локализации и полномасштабному исследованию в самых разнообразных контекстах, включая сюда и их историческую интерпретацию как полноценных и информативных источников.

Отправной точкой, предопределившей рост научного интереса к археологическому наследию страны традиционно считается вхождение Крыма в состав Российской империи. По мнению академика М.Б. Пиотровского, благодаря богатому археологическому наследию полуострова, русский народ приобрел собственную античность и (даже) право считаться частью европейской цивилизации[2]. Всплеск административных преобразований повлёк за собой и высокий интерес к историческим памятникам региона. В процессе формирования органов власти на местах, ряд чиновников в силу собственной социальной ответственности инициировали создание общественных историко-культурных и образовательных организаций. Получила распространение положительная тенденция фиксации наблюдений в периодической специализированной литературе с описанием ранее фактически рассмотренных археологических памятников. Придание гласности проблемам сохранения затопленного историко – архитектурного наследия способствовали формированию научного интереса к открытым вопросам данной области археологического знания[3].

Сказанное предполагает выполнение серьезной работы не только по сбору, классификации и систематизации изученных памятников в отечественной археологии советского периода, но и исследование

[2] Экспедиции. Археология в Эрмитаже: сб.науч.тр.под ред. *М.Б. Пиотровского* – СПб.: Славия. – 2014. – С.6.

[3] *Березин А.А*. Изучение памятников подводно-культурного наследия в дореволюционной России // Вестник ТГПУ. – 2016. – №9. – С.59.

проблематики, связанной с историей становления самих подводно–археологических исследований в СССР с акцентом на первостепенное значение вопросов методологии и методики подводных раскопок и развития исследований в данном направлении на эмпирическом (разведки, раскопки, консервация, реставрация памятников), конкретно-научном (историческая интерпретация и анализ) и теоретическом уровнях (условия формирования археологических памятников, разработка междисциплинарных вопросов и их комплексного изучения). Особую важность приобретает необходимость осмысления результатов исследований в ракурсе знакомства с историей применения инженерно–технических приспособлений, систем поиска и иных технологий, использовавшихся как в полевых, так и в лабораторных исследованиях, способствовавших их введению в научный оборот.

Изучение подводно–археологических памятников в отечественной археологии советского периода уровнем взаимоотношения официальной науки к организации самого процесса работ под водой. Проблемы действительно заслуживали рассмотрения: как обнаружить памятник, как обеспечить безопасность раскопок и наконец, как сохранить артефакт, долгое время находящийся в водной среде. П.А. Боровиков в одной из своих работ достаточно обосновано пресёк подобный скептицизм, сводящийся к трем постулатам «что», «где» и «как» *искать* под водой[4]. Автор схематично показал, что зачастую уровень сохранности материалов, лишенных воздействия кислорода, а, следовательно, и микроорганизмов, разрушающих артефакт, несравненно лучше, чем у объектов, долгое время находящихся в земле. Технологический прогресс, позволивший человеку проникнуть в недоступную подводную среду и обеспечить при этом сохранность

[4] *Боровиков П.А*. О методах поиска древних затонувших судов // Советская археология. – 1984. – № 4. – С.256.

изучаемого объекта материальной культуры предопределил развитие подводной археологии как самостоятельной исторической дисциплины.

Специфика археологического источниковедения объясняется особым характером источника и трехэтапной системой исследования: полевой, камеральной и кабинетной[5]. В процессе первого этапа производится поиск, обнаружение и накопление предметов материальной культуры. Следом осуществляешься в полевых условиях первичная обработка исследуемых образцов: устанавливается материал производства артефакта, технология изготовления, первичная датировка. Производится обязательное шифрование и описание памятника с целью его дальнейшей идентификации при лабораторных исследованиях. Третий этап производится в кабинетных условиях с использованием специального оборудования. Проводимые исследования нацелены на выявление соответствия артефакта с иными однородными памятниками, для более емкой классификации и наделения четкими характеристиками при введении выводов исследований в научный оборот.

В современной науке до сих пор нет устойчивого определения сущности археологических источников[6]. С 1970 гг. не утихает полемика вокруг вопроса: является ли археологический источник историческим, или он сугубо самостоятелен, поскольку с одной стороны археологический источник не даст исчерпывающий ответ на проблему датировки и интерпретации, с другой стороны использование только археологических источников игнорируя исторические (письменные) факты даст материал слишком однобокий и сырой[7].

---

[5] *Лопатин В.А., Малов Н.М., Малышев А.Б., Четвериков И.С.* Основы археологии (методика полевых исследований и археологическая практика): учебно-методическое пособие – Саратов, «Научная книга», 2006. – С.5.

[6] *Бунин Д. С.* Археология. Методы археологического исследования. Классическая археология.: учеб. пособие. – Владимир.: Изд-во ВлГУ им. Столетовых, 2016. – С.6.

[7] *Пучкова О.С.* Археологический источник: состояние проблемы // Вестник Омского университета – 2001. – № 4. – С.68.

Следует учитывать также то влияние, которое оказывает на получаемые выводы с одной стороны, фрагментарность и эпизодичный характер искомой информации неоднородных и исходных данных, а с другой – различные оценки отдельных специалистов или целых научных сообществ, отображающие разное понимание (чаще всего меру понимания), которое выражается в итоговых оценках, взглядах и концепциях. С этой точки зрения они представляют собой весьма важный предмет научного анализа.

Наполнение **источниковой базы** осуществлено с привлечением широкого рядя опубликованных документов и архивных данных о полевых раскопках разнотипных и хронологически разновременных подводных памятников материальной культуры, вариативность и качественно–количественные характеристики которых обеспечиваются реализацией поставленных перед исследованием целей и задач. Объём изученных источников отличается репрезентативностью и является вполне достаточным по своему научному содержанию для решения поставленных перед диссертацией задач.

Широкий охват архивных материалов позволяет впервые в отечественной истории реконструировать процесс институционализации подводной археологии в СССР, выявить механизмы взаимодействия научных учреждений и государственных структур, проследить эволюцию методики и технического оснащения. Мемуарные источники вносят «живую» субъективную составляющую, фиксируя неформальные аспекты истории подводной археологии. Большинство архивных материалов, особенно полевые дневники и переписка, вводятся в научный оборот впервые. Отчеты экспедиций ранее использовались лишь фрагментарно. Личные фонды ученых привлекались эпизодически, преимущественно в биографических исследованиях. Комплексный анализ всей совокупности источников предпринимается впервые.

Источниковая база скомпонована из ряда смежных видов данных.

1. Официальные документы, регламентирующие и обеспечивающие подводно–археологическую деятельность в СССР (приказы, справки, распоряжения, финансовая подотчетность, выписки, личные дела и т.д.).

– Фонды научно–отраслевых архивов Института Археологии РАН[8], Института Истории материальной культуры[9], государственного архива ВМФ[10], и других научно–исследовательских организаций, сфера деятельности которых формируется изучением затопленных памятников истории[11].

– Личные дела руководителей экспедиций, популяризаторов подводно–археологической деятельности, активных участников исследований и изучения затопленных памятников истории (Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им.Пушкина (личное дело В.Д. Блаватского)[12]; Санкт–Петербургский филиал архива РАН (личное дело Р.А.Орбели).[13]

– Документооборот между администрацией образовательных и культурно–просветительских организаций, инициировавшие экспедиции и учеными – руководителями экспедиций, в которых фиксируется сама история организации археологических исследований[14].

---

[8] Научно-отраслевой архив Института Археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях // под редакцией *Н.А.Макарова, П.Г.Гайдукова*. – М.: ИА РАН, 2010. – С.352.

[9] Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150–летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия // Науч.ред.– сост. *А.Е.Мусин*. Под общей ред. *Е.Н.Носова*. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. – С.1192.

[10] Каталог изданий Российского государственного архива Военно-Морского Флота. 1944–2023. К 300-летию архива и 80-летию отдела научных публикаций. Под ред. В.*Г.Смирнова*. – СПб.; ФАА РГА ВМФ, 2023. – С.56

[11] Труды Архива востоковедов Института Восточных рукописей РАН // под редакцией *И.Ф.Поповой*. – М.: издательство Восточная литература, 2011. – С.235.

[12] *Александрова Н.В*. Организация археологической работы ГМИИ в 1920-30 гг. в переписке Л.П.Харко (по материалам Отдела рукописей ГМИИ им.Пушкина) // Российская археология. – 2015. – № 3. – С.163–175.

[13] *Орбели Р.А*. Автобиография ученого. // Санкт–Петербургский филиал архива РАН. – Фонд 1104. – Опись 1. – Дело 126. – Лист 50.

[14] Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного Исторического музея. – М.: ГИМ. – 1967. – С.387.

2. Научные отчеты руководителей экспедиций, публикация участниками экспедиций материалов в научных сборниках и специализированной периодической литературе. Материалы тематических выставок и научных конференций.

– Отчеты держателей Открытых листов, хранящиеся в научных учреждениях, занимающихся изучением материальной культуры[15], скомпонованные как отдельными документами, так и специализированными каталогами.

– Отчеты руководителей отрядов в организации, на базе которых формировались экспедиции: музеи[16], институты[17], филиалы АН и иные научно–образовательные и просветительские учреждения[18].

– Опубликованные материалы в научных сборниках по изучению определенного памятника подводной археологии[19], либо об отдельно разработанном методе проведения работ[20].

– Отчёты эксплуатационников водолазного снаряжения и подводного оборудования, из числа уполномоченных к осуществлению подводно–прикладной деятельности организаций: институт Океанологии (Москва), Университет Морского и речного флота им.Макарова, Ломоносовский НИИ № 40 (Санкт–Петербург) и др[21].

3. Документы личного характера.

---

[15] *Блаватский В.Д.* Отчет о подводных раскопках Фанагории в 1959 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1937.

[16] *Захаров А.А.* Отчет о работе морского клуба «Волна» по поиску колоколов Соловецкого монастыря за 1977 год. – Архив СГИАПМЗ. – Т.II, шифр 55.6/77.

[17] *Березин А.А*. Отчет о прохождении археологической практики студентами Исторического факультета, в составе подводного отряда Патрейского отделения Фанагорийской экспедиции в 2014 году. – Архив МГГУ им.Шолохова. М. – 2015. – С. 36.

[18] *Зинько В.Н*. Отчет о работе комплексной постоянно действующей охранно-археологической экспедиции в 1991 году. – Научный архив КИКЗ. – опись 2. – Ед. хр. 1075.

[19] *Сорокин П.Е.* Изучение памятников морской археологии в Финском заливе и на Ладожском озере в 2003 г. // ИПМА. – 2004. – №5. – С. 24–42.

[20] *Лебединский В.В., Пронина Ю.А*. Подводно-археологическая разведка у берегов Абхазии с применением ГБО // Вопросы подводной археологии. – 2011. – №2. – С. 21–41.

[21] Комплексные исследования Мирового океана. Проект «Меридиан»// Сборник под ред. д.б.н. *М.В.Флинт*. – М.: Наука, 2008. – С.56

– Автобиографии ученых[22], мемуары участников экспедиций, личная переписка, воспоминания. Частная, субъективная оценка рассматриваемых процессов, освобожденная от официальной идеологии[23].

Отечественную **историографию** изучения затопленных памятников надлежит рассматривать в контексте истории общей археологической науки. Со второй половины XIX в. фиксируется систематическое накопление научного фонда, формирование которого заложили труды академика П.С. Палласа[24], и целой плеяды сподвижников археологической науки на юге России: И.Н. Березин[25], И.П. Бларамберг, П.А. Дебрюкс[26], И.М. Муравьева–Апостол[27], А.Л. Бертье–Делагард[28], А.С. Уваров[29] и др. Популяризация изучения исторического наследия южных регионов страны, к сожалению, предопределило распространение дилетантского отношения к памятникам, что в свою очередь способствовало возникновению организации охранной археологии. В 1827 г. адъютант Новороссийского губернатора И.А. Стемпковский, в работе посвященной историческому наследию региона, резюмирует: «…многие, описанные Палласом, Вакселем и другими памятники ныне уже не существуют в тех местах, где были ими видены»[30].

---

[22] *Орбели Р.А*. Автобиография ученого. – Санкт–Петербургский филиал архива РАН. – Фонд 1104. – Опись 1. – Дело 126. – Лист 50.

[23] *Блаватский А.В*. Из истории одного КБ // ВПА. – 2012. – №3. – С.90.

[24] *Паллас П.С*. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг. – М.: Наука, 1999. – С.245.

[25] *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань, Университетская типография, 1850. – С.210.

[26] *Дебрюкс П.А.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив, близ Еникальского маяка от горы Опук включительно, при Черном море // Записки Одесского Общества истории и древностей. – 1858. – №4. – С.3–85.

[27] *Муравьев–Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году – СПб.: Издательство канцелярии МВД, 1823. – С.172.

[28] *Бертье–Делагард А.Л*. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – 1886. – №14. – С.77.

[29] *Уваров А.С*. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1851. – С.36.

[30] *Стемпковский И.А*. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае – СПб.: типография Карла Крайя. – 1827. – С.35.

На ряду с историческими исследованиями заслуживают внимания работы, посвященные изменению палеографической ситуации на Черноморском побережье. В 1828 г. в Москве был напечатан труд академика П.И. Кёппена, где в т.ч. указывается на существенное изменение берегового рельефа в результате землетрясений 70-80 гг. XVIII в., что не могло не сказаться на сохранении культурного слоя[31]. Параллельно Кёппен опубликовал свои наблюдения на немецком языке, что позволило западным ученым ознакомится с текущим состоянием дел в Северном Причерноморье.

В 1858 г. директор Эрмитажа Ф.А. Жиль, обследуя останки античной Фанагории, сообщил о наблюдаемых фундаментах каменного мола, длиной порядка 200 м., уходящих в море[32]. Профессор истории искусств МГУ К.К. Гёрц констатировал разрушение памятника зафиксированного Жилем, и нанёс упомянутый мол на археологический план городища[33]. Оригинал плана сегодня хранится в архиве ИИМК в Петербурге, где он послужил отправной точкой для привязки многих археологических объектов Таманского залива[34].

В рассматриваемый период на фоне организации Императорского Археологического общества, к полевым изысканиям подключились и исследовательские партии университетов. Дебютные работы сопровождались некоторыми фактическими находками, однако существенного воздействия на целенаправленное и систематическое изучение не оказали, что выглядит вполне закономерно, т.к. описываемое время определятся в истории археологии периодом первоначального накопления зна-

[31] *Кеппен П.И*. Древности Серного берега Понта. – М.: Университетская типография, 1828. – С.175.

[32] *Кузнецов В.Д.,* Ольховский С.В. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том IV.: сб.науч.тр. – М.: ИА РАН, 2016. – С.325.

[33] *Виноградов Ю.А.* К.К. Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. – 2023. – № XLVII. – С.320.

[34] Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 50 об.

ний и становления системного научного подхода к археологическим исследованиям[35].

В начале XX в. полноценные работы развернулись в порту Феодосии, под руководством директора местного музея Л.П. Колли, в ходе которых водолазы обследовали уцелевшие фрагменты сооружений, идентифицированных, как мол античной эпохи[36]. С промежуточными итогами исследований мировая общественность была ознакомлена на международной выставке Древностей в Милане в 1906 г., где Л.П. Колли представил наглядный материал (более полусотни чертежей, гравюр и фотографий), а также сделал обобщающий научный доклад[37]. Необходимо заметить, что деятельность команды Л.П. Колли в Феодосийском порту традиционно считается на территории нашей страны первой подводно-археологической экспедицией.

Фактически, до начала советского периода истории России направление и тенденции изучения затопленных памятников истории не претерпели каких-либо существенных изменений[38]. Они вписывались в практику накопления конкретных фактов. Вместе с тем, следует отметить, что с образованием РАИМК (ГАИМК) положение стало изменяться в лучшую сторону. Отличительной особенностью ГАИМК со второй половины 1920 гг., выступало объединение учёных естественных и гуманитарных наук с ориентацией на коллективные методы разработки научной проблематики.

Установки руководства ГАИМК ориентировали научный коллектив на освоение методов исследования разнотипных источников и памятников материальной культуры, на формирование комплексного под-

---

[35] Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия // Науч. ред. – сост. *А.Е.Мусин*. Под общей ред. *Е.Н. Носова*. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. – С. 1192

[36] *Колли Л. П*. Следы древних культур на дне морском // ИТУАК. – 1909. – №43. – С.171–226.

[37] *Петрова Э.Б*. Памяти Л. Колли // Культура народов Причерноморья. – 2002. – №33. – С. 107.

[38] *Березин А.А.* Изучение памятников подводно-культурного наследия в дореволюционной России // Вестник ТГПУ. – 2016. – №9. – С.62.

хода в обработке материалов и анализе выводов по изучаемой проблематики на разных этапах и уровнях исследовательского поиска[39]. В данный период еще не фиксируются соображений в пользу организации целенаправленного и систематического исследования памятников подводной археологии, однако, отдельные факты с единичными находками и их анализом свидетельствует о постепенно вызревавшей в недрах советской археологической науки к концу 1930 гг. потребности в производстве специализированных подводных исследований[40].

Определяющим шагом в накоплении теоретического и практического материала стала деятельность ЭПРОНа в интересах науки. Куратор Экспедиции по линии ОГПУ комиссар Л.Н. Захаров–Мейер, под редакцией А.М. Горького работал над монографией «Темно–голубой мир». Труд представлял собой архив очерков и фотодокументов о деятельности сотрудников ЭПРОНа. После ареста автора, рукопись оказалась невостребованной и погибла в октябре 1941 г. в Москве[41]. В 1959 г., журнал «Советский моряк» опубликовал, переданную сестрой Л.Н. Захарова чудом уцелевшую главу из погибшей рукописи, посвященную подъёму английской субмарины “L–55” со дна Балтики[42].

В 1934 г., когда научный отдел ЭПРОНа возглавил Р.А. Орбели, поменялся и качественный уровень подаваемого материала. Разобравшись в текущем положении дел, Р.А. Орбели сконцентрировал внимание на главной проблеме: не поиск и подъем артефакта, а его сохранность в условиях соприкосновения материалов с воздухом. Попутно разрабатывалась сопутствующие темы: проработка источниковедческой базы, оценка компетенции специалистов, перспективы развития научного

---

[39] *Свешников А.В., Свешникова О.С.* Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930 гг.// Диалог со временем. – 2010.– № 10.– С.236–256.

[40] *Чаиркина Н. М.* Археологическое исследование VI разреза Горбуновского торфяника на Среднем Урале в 1927 году (по материалам раскопок Д. Н. Эдинга) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – № 13 (3). – С.58–67.

[41] *Леонтьева Т.А*. Над старыми фотографиями // Родина. – 1996. – №3. – С.51.

[42] *Сорокина М.Ю*. В поисках затонувших кораблей // Природа. – 2001. – №1. – С.63.

направления[43]. Происходит формирование понятийного аппарата: «Подводная археология», «гидроархеология», «консервация мокрого археологического материала» и т.д. Р.А. Орбели очень внимательно относился к ведению терминологии в научный оборот. Термин «подводная археология» в отечественной науке появился с подачи Орбели, впоследствии заменившего его на «гидроархеология», объяснив решение более прагматичным с лингвистической т.з. значением[44]. В научно–популярной литературе присутствует точка зрения, что международное обозначение дисциплины было заменено ученым на «гидроархеологию» в силу политической конъектуры, с целью освобождения от буржуазного влияния[45]. В статье в газете «Водный транспорт» профессор планирует проследить хронологию судоподъёмных работ начиная с эпохи Петра I[46].

В 1939 г., журнал «Наука и жизнь» опубликовал обзорную статью Р.А. Орбели «Подводная археология», в которой автор с учительской терпеливостью объясняет широкой публике цели и задачи новой, но перспективной дисциплины[47]. Параллельно ученым объясняется почему в оборот введен тот или иной термин, рассматривая их не только с точки зрения исторической целостности и универсальности, но и с позиций грамотности русского языка[48]. Наконец Р.А. Орбели публикует общий план фундаментального труда под названием «Введение в гидроархеологию», состоявший из следующих глав: 1. Определение, 2. Терминология, 3. История, 4. Проведенные опыты, 5. Методика работы, 6. Организация, 7. Правовые вопросы, 8. Личный состав работников, 9. Археологическая карта: а) рекогносцировка, б) разведка, в) исследования в воде,

---

[43] *Мельник А.Н.* Предисловие к фрагментам из социально – богословского наследия проф. Р.А. Орбели // Социологические исследования. – 1991. – №12. – С.93.

[44] *Следков А.Ю., Мандрик М.В.* Рубен Абгарович Орбели: к 140–летию со дня рождения // ВПА. – 2019. – № 10. – С.88.

[45] *Следков А.Ю.* Рубен – Ольга – Анна – Русадана – СПб.: Страта, 2020. – С.144.

[46] *Орбели Р.А.* Прадед «ЭПРОНа» // Водный транспорт № 134 (1044) от 02.10.1935.

[47] *Орбели Р.А.* Подводная археология // Наука и жизнь. – 1939. – №8. – С. 8–9.

[48] *Березин А.А.* ЭПРОН на службе гуманитарной науки СССР // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – №1. – С.39.

г) исследование материала. 10. Гидрографическая организация, 11. Подводная фотография, 12. Археолог и водолаз, 13. Авиация, гидрогеология, гидробиология, 14. Пропаганда: актив, краеведческие музеи[49].

Ни одна серьезная монография, посвященная затопленным памятникам, не обошлась без базиса, подведенного Р.А. Орбели. В 1947 г. вышло издание, оформленное как самостоятельный труд Р.А. Орбели, и несущее в себе задачу увековечить память об ученом и соратнике, не пережившего блокаду[50]. В монографии прослеживается хронология развития водолазного ремесла; намечаются перспективные направления развития; освещается научная биография Р.А. Орбели и наиболее весомые результаты деятельности; уделяется место лирике и поэзии. Двумя годами ранее, сотрудники журнала «Судоподъем», отредактировав незавершенную статью Р.А. Орбели, опубликовали хранящиеся в портфеле редакции материалы[51], в которых автором на примере проведенных дебютных разведочных изысканий дается определение терминологии, характеризуется методика исследований и изучение артефактов в лабораторных условиях.

Техническая сложность осуществления погружений в описываемый период объясняет доминирующую тенденцию к исследовательской деятельности на известных прибрежных объектах, в ущерб разведочным погружениям в перспективных районах кораблекрушений. Историко–архитектурные объекты, затепленные с течением времени, отличаются исследованием значительных по площади территорий и комплексными раскопками памятника, одновременно находящегося и под водой, и на суше[52]. При этом есть категория памятников, которые систематически

[49] *Орбели Р.А*. Архив ученого. – СПбФ АРАН. – Фонд 1104. – Опись 1.– Дело 70. – Лист 6.

[50] *Орбели Р.А*. Исследования и изыскания – М.: РечИздат, 1947. – С.210.

[51] *Орбели Р.А*. Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древнегреческих городов на Черноморском побережье // Судоподьем. – 1945. – № 1(29). – С.140 – 176.

[52] *Копейкин М.Л., Кухтерин С.А.* Кирьясская Барка. Опыт раскопок, извлечения и транспортировки // ВПА. – 2015.– №6.– С.60.

могут обнажаться из-под воды, а потом скрываться вновь, в момент приливов, или сезонного изменения течений. Археология погибших кораблей нацелена на восстановление биографии судна и соотнесения с известными однотипными памятниками[53]. Специалисты, уделяющие внимание истории отечественной подводной археологии подчеркивают, что благодаря научному наследию Р.А. Орбели удалось проанализировать историю переосмысления выводов, полученных благодаря изучению затопленных памятников, и проследить этапы исторического осмысления данных археологии[54].

Объёмный пласт систематизированного материала результатов подводной археологии связан с научно–практическим наследием профессора В.Д. Блаватского. С ростом опыта и накоплением фактического материала, реализовалась идея о публикации монографии, посвященной рассматриваемой дисциплине, с выдержанным в символических тонах названием[55]. Год издания монографии, принято считать порубежным, т.к. именно с данного момента археологи под водой опытным путем формируют принципы исследований затонувших памятников. Совместный труд В.Д. Блаватского и Г.А. Кошеленко продолжительное время оставался единственным методическим пособием по организации подводно-археологических исследований с легководолазным снаряжением[56]. И если статья Р.А. Орбели в «Науке и жизнь» несла в себе цель объяснить, что такое «подводная археология» вообще, то вышедший почти через 20 лет материал В.Д. Блаватского со звучным названием пред-

[53] *Кисельников А.Б.* Античное кораблекрушение, как археологический комплекс // Античный мир и археология. – 2011. – №15. – С.379.

[54] ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923–1931): архивные документы и материалы // Сост.: Н.А. Гоц, Р.А. Лазуткин, И.В. Талыпин и др. – М.: Граница, 2015. – С. 664.

[55] *Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А*. Открытие затонувшего мира. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С.35.

[56] *Березин А.А*. Особенности периодизации в современной отечественной историографии подводной археологии // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т.XVI. – № 3. – С. 122.

ставлял из себя работу, нацеленную обучить историков базовым принципам подводно–археологической деятельности[57].

Отдавая должное педагогическим компетенциям профессора Блаватского, необходимо отметить его традицию в написании монографий и очерков для широкой аудитории в соавторстве со своими учениками, формируя тем самым научную преемственность. Целая плеяда прекрасных подводных археологов: В.И. Кузищин, Б.Г. Петерс, С.С. Прапор; более молодые исследователи: В.Д. Кузнецов, А.А. Масленников и др. приобрели бесценный опыт в публикациях наукоемких и критически выдержанных материалов в тандеме с маститым ученым[58]. С получением практических навыков, команда В.Д. Блаватского вносила корректировки в приемы и методы работ, апробировала известный международный опыт, тем самым расширяя методический фонд, посвященный раскопкам на затопленных объектах[59].

Мода на подводное плавание, интерес к изучению древностей, и возможность администрации институтов обеспечить необходимый технический и бытовой минимум экспедиций привели к серьезному росту общественного интереса к подводной археологии[60]. В крупных городах, чаще на базе институтов или музеев, создается ряд центров по привлечению волонтерских ресурсов к исследованию затопленных памятников, привлекаются мощности региональных отделений ДОСААФ для обучения студентов–историков подводному плаванию, привлекается шефская помощь крупных промышленных предприятий[61].

---

[57] *Блаватский В.Д.* О подводной археологии // СА. – 1958. – №3. – С.34–40.

[58] *Таскаев В.Н., Блаватский А.В.* Методологическая основа подводной археологии // ВПА. – 2015. – №5. – С.53.

[59] *Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.* Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения // Вестник АН СССР. – 1962.– №4.– С.80–86.

[60] *Капица С.П.* Мои воспоминания. – М.: АСТ, 2016. – С.17.

[61] *Горн Д.И.* Самодеятельные студенческие подводные экспедиции, как эффективный путь всестороннего воспитания молодежи: методы и концептуальные подходы // Подводное наследие – 2013.: сб.науч.тр. – М. 2012. – С.104.

Рост фактического материала, вводимого в научный оборот, и достижения научно–технического прогресса позволили использовать результаты изысканий при написании диссертационных исследований. В 1968 г. Б.Г. Петерс защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морское дело в Древней Греции», в которой достаточно широко использовал материалы изучения кораблекрушений, якорных полей и затопленных фрагментов пристаней[62]; в 1975 г. К.К. Шилику была присуждена степень кандидата географических наук за работу по проблемам изменения уровня Черного моря на основе материалов геоморфологических и археологических исследований[63]. В 1984 г. в МГУ прошла защита М. В. Агбунова, в работе один из параграфов выделен под анализ подводно–археологических источников[64]. В 1993 г. А.В. Окороков устно защитил диссертационное исследование по проблемам изучения и охраны отечественных памятников гидроархеологии[65]; в 2001 г. в Воронеже состоялась защита докторской диссертации Н.П. Писаревского, в которой значительное внимание уделяется истории изучений кораблекрушений[66]. В 2002 г. В.В. Лебединский защитил диссертацию по подводно–археологическому наследию Египта[67], в 2003 г. в Петербурге С.Ю. Курносову присвоили степень кандидата культурологи, диссертант в своей работе пользовался в т.ч. и данными подводной археологии. В 2004 г. в Краснодарском университете Культуры состоялась защита дис-

[62] *Петерс Б.Г.* Морское дело в Древней Греции: дисс. канд. истор. наук: 07.00.06/ Петерс Борис Георгиевич. – М., 1968. – С.200.

[63] *Шилик К.К.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене, по материалам геоморфологических и археологических исследований в западной части бассейна: дисс. канд. георг. наук: 25.00.07/ Шилик Константин Константинович. – Л., 1975. – С.129.

[64] *Агбунов М. В*. Античная география северо-западного Причерноморья: дисс. канд. истор. наук: 07.00.02/ Агбунов Михаил Васильевич. – М., 1984. – С.250.

[65] *Окороков А. В*. История изучения и охраны отечественных памятников гидроархеологии. – М., РИК ЦКПИ, 1993. – С.135.

[66] *Писаревский Н.П*. Морской флот античных государств Северного Причерноморья: дисс. доктора истор. наук: 07.00.03/ Писаревский Николай Петрович. – Воронеж, 2001. – С.420.

[67] *Лебединский В.В*. Новые методы изучения истории. Письменные и изобразительные источники по истории Египта и подводная археология: дисс. канд. истор. наук: 07.00.03 / Лебединский Виктор Владимирович. – М.: 2000. – С.299.

сертации Л.А. Степко, чья сфера научных интересов опирается на изучении памятников судостроения[68]. В 2009 г. в Саратове А.Б. Кисельников защитил кандидатскую диссертацию по проблемам судоходства в античную эпоху в Средиземноморье, в которой широко используются данные подводной археологии[69].

В 2014 г. в ВШЭ прошла защита кандидатской диссертации по юридическим наукам И.О. Анисимова, затрагивающая проблемы международного опыта охраны подводных памятников истории[70]. В Уральском отделении РАН состоялась защита докторской работы Чаиркиной Н.М., посвященная анализу изучения торфяниковых памятников Зауралья, где уделяется некоторое внимание необходимости подводных исследований в регионе в интересах археологии[71]. В 2021 г. в Саратове состоялась защита кандидатской работы В.М. Петровского, посвященная торговому флоту античной Греции, в которой подчеркивается особая роль подводной археологии в пополнении корпуса источников[72].

Популяризация изучения затопленных памятников принесла вполне ожидаемые результаты среди широких слоёв научной общественности. Растущий практический опыт позволил пересмотреть методологические принципы проведения работ и адаптировать методику к существующим условиям с учетом достижений техники в вопросах освоения мирового океана. Издаваемая методическая литература, опираясь на растущее совершенство подводного оборудования и международный опыт, до сих пор не потеряла своей актуальности, а налаженные

---

[68] *Степко Л.А.* Музейная коллекция морских якорей, как носитель историко-культурного наследия народов Азово–Черноморского бассейна: дисс. канд.культурологии: 24.00.03 / Степко Лев Александрович – Краснодар. – 2004. – С.261.

[69] *Кисельников А.Б.* Грузовые суда и организация морских перевозок в Средиземноморье в античную эпоху: дисс. канд. истор. наук: 07.00.03 / Кисельников Алексей Борисович – Саратов, 2009. – С.206.

[70] *Анисимов И.О*. Международно-правовая охрана объектов подводно-культурного наследия: дисс..канд.юр.наук: 12:00:10 / Анисимов Игорь Олегович. – М., 2014. – С.212.

[71] *Чаиркина Н.М*. Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация: диссертация ... доктора истор. наук: 07.00.06/ Чаиркина Надежда Михайловна. – Екатеринбург, 2015. – С.362.

[72] *Петровский В.М.* Греческие торговые суда от архаики до эллинизма: дис. канд. истор.наук: 07.00.03 / Петровский Василий Михайлович – Саратов, 2021. – С.205.

коммуникативные связи позволяют своевременно реагировать на появление новых примеров ведения раскопок и лабораторных исследований. Успешным примером сказанному может служить научное наследие московских исследователей А.В. Окорокова и В.Н. Таскаева, в своих работах соавторы достаточно успешно подкрепляют приводимые теоретические разработки собственными примерами практической реализации методов раскопок под водой[73].

Серьезную работу по обобщению и анализу разрозненного материала, освещающего историческое наследие Причерноморья провел профессор Харьковского университета В.И. Кадеев. Расширяя сферу научных интересов, исследователь достаточно аргументировано и своевременно вводит в оборот данные подводной археологии[74]. Работая над монографией посвященной развитию ремесел в античную эпоху, руководитель экспедиции ИА АН СССР Н.И. Сокольский[75], в частности опирался на практические выводы своих коллег, сделанных в ходе изучения частично затопленного полиса Кепы, что позволило автору ввести в научный оборот ряд существенных дополнений[76]. В дальнейшем доводы ученого послужили для формирования определенных выводов в истории развития региона[77].

Фундаментальную работу по истории подводно–археологическому наследию Крыма проделал преподаватель Киевского государственного университета С.М. Зеленко[78]. Автору удалось обобщить опыт различных научных организаций, осуществляющих археологические работы на

---

[73] *Окороков А.В., Таскаев В.Н*. Подводные раскопки памятников истории и культуры. Методические рекомендации – М.: ВНИИР, 1987. – С.180.

[74] *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. – Харьков, Бизнес Информ, 2000. – С.392.

[75] *Панферов В.Н*. Глоток свободы (немного о быте археологических экспедиций в 70–80 гг.) // История и историческая память. – 2016. – №13/14. – С.341.

[76] *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Наука, 1971. – С.285.

[77] *Толстыкин П.В*. Античный полис Кепы – памятник подводной археологии Тамани // ВПА. – 2013. – №4. – С.59–70.

[78] *Зеленко С.М*. Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.270.

шельфе Крымского полуострова. В 2015 г. была опубликована монография О.Н. Золотарева посвященная подводной археологии в акватории Тарханкута, и приуроченная десятилетнему юбилею обнаружения 66-ти пушечного корабля «Св.Александр» близ берегов полуострова исследовательской экспедицией из Тулы[79]. В настоящее время историческая область акватории Крыма входит в сферу изучения сотрудников Черноморского центра подводных исследований[80].

История Древнего мира по праву считается одним из ключевых направлений в отечественной исторической науке. В 2010 г. в Москве вышла монография В.Н. Таскаева, в которой автор на основе своей двадцатипятилетней практической деятельности существенно дополняет имеющиеся данные о подводных раскопках античных памятников археологии[81].

Фанагорийская комплексная экспедиция ИА РАН, где подводной археологией занимаются с середины XX в., к настоящему времени является прекрасным примером качественной научно–административной организации археологических исследований. Заинтересованная общественность имеет возможность ознакомится с итогами деятельности подводных археологов в специализированных очерках[82], и в периодической научно – популярной литературе[83]. С 2012 г. под редакцией профессора В.Д. Кузнецова запущен регулярный выпуск сборника «Материалы по археологии и истории Фанагории», издававшийся под эгидой ИА РАН совместно с фондом «Вольное Дело», в котором заметное внимание уделяется затопленной части памятника.

---

[79] *Золотарев О.А.* Тарханкут – полуостров кораблекрушений – Тула.: Борус, 2015. – С.176.

[80] Соловьев С.Л. Крым на историческом перекрёстке культур и народов // Российская история. – 2016.– №1.– С.203.

[81] *Таскаев В.Н*. Античная подводная археология Северного Причерноморья – М.: Воронцовка-21, 2010 – С.170.

[82] *Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О*. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 годах // Древности Боспора. – 2003. – №6. – С.153–175.

[83] *Степанов А.В., Ольховский С.В*. Комплексное обследование затопленной части Фанагории в 2013 году // Подводное наследие – 2013: сб.науч.тр. – М., 2014. – С.15–18.

Исследования северо–западной части Причерноморья ассоциируются с древнегреческим полисом Ольвия, где история археологических исследований насчитывает более ста лет[84]. Объективную необходимость проведения подводных работ на памятнике сформулировал ещё Б.В. Фармаковский[85]. Систематизации выводов полевых исследований рассматриваемого античного памятника большое профессиональное внимание уделял доктор архитектуры С.Д. Крыжицкий, широко использующий данные подводной археологии[86]. Первых подводников Ольвия встречала в годы деятельности Р.А. Орбели, а со второй половины XX в. принимала комплексную экспедицию К.К. Шилика, которому в 1964 г. удалось апробировать использование звукового георадара при подводном поиске[87]. Ученику С.Д. Крыжицкого – киевлянину В.В. Назарову, частично удалось создать карту известных памятников подводной археологии Черноморского бассейна[88]. О необходимости выпуска подобной карты говорил еще Р.А. Орбели, однако целесообразность реализации данного проекта в наше время вызывает не однозначную оценку и требует решения на государственном уровне.

Святилище Ахилла на острове Змеиный входит в сферу научного интереса сотрудников Одесского государственного археологического музея. В 1993 году С.Б. Охотников и А.С. Островерхов опубликовали совместную монографию, в которой значительное внимание уделяется подводно–археологической деятельности ОГАМ[89]. В последствии со-

---

[84] *Карасев А.Н.* Оборонительные сооружения Ольвии // Краткие сообщения ИИМК – 1948. – №22. – С.25–38.

[85] *Фармаковский Б.Ф.* Раскопки в Ольвии – СПб.: Главная тип. Управления Уездов, 1906 – С.110.

[86] *Крыжицкий С.Д.* Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях – Симферополь, Деметра, 2012. – С.124.

[87] *Шилик К.К.* Подводная археология помогает восстанавливать прошлое океана // Природа. – 1976. – №12. – С.11.

[88] *Назаров В.В.* Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины – Киев, Стилос, 2003. – С.160.

[89] *Охотников С.Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) – Киев, Наукова Думка, 1993. – С.140.

кращенный вариант монографии был переведен на немецкий язык и опубликован в Германии[90].

Научный интерес к подводно–культурному наследию Восточного Причерноморья проявляться в начале XX столетия. В 1907 г. сотрудник Русского музея А.А. Миллер, в отчете Императорской Археологической комиссии зафиксировал наличие затопленных развалин в бухте Сухуми[91]. Краеведу В.И. Чернявскому, инициировавшему проведение разведочных спусков на наблюдаемые с лодки архитектурные сооружения, в 1892 г., удалось обнаружить обломок плиты с надписью, подтверждающей пребывание в городе римского легата Флавия Ариана[92].

В 1968 г. В.П. Пачулиа переработал накопленный за полувековую практику материал и дополнив выводы краеведов археологическими данными, опубликовал научно–популярный труд[93]. В 1967 г. издательство «Алашара» выпустило в свет монографию доктора искусствоведения Л.А. Шервашидзе, в которой скомпонованы основные результаты комплексных археологических исследований в Сухуми[94]. На фоне растущего общественного интереса к изучению затопленных памятников истории в регионе, ученым было инициировано создание подводного музея, и тренировочного лагеря для археологов–аквалангистов, под патронажем дирекции Абхазского НИИ им. Гулиа[95]. Однако по объективным причинам идея осталась не реализованной. В 1990 г. В Центре археологических исследований Грузинской АН была опубликована небольшая по объему, но качественно проработанная монография

---

[90] *Ochotnikov S.B.* Achilleus auf der Insel Levke // Internationale Archäologie. – Band 94. – 2006. – S.49.

[91] Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия // Под общей ред. Е.Н.Носова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – С.686.

[92] *Чернявский В.И.* Из исследований в Юго-западном Закавказье. Доказательства колебаний западного прибрежья Кавказа в течении исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах // Известия РГО. – 1877. – №5. – С.340–360.

[93] *Пачулиа В.П.* В краю золотого руна – М.: Наука, 1968. – С.136.

[94] *Шервашидзе Л.А.* Повесть о городе, взятом волнами – Сухуми, Алашара, 1967. – С.64.

[95] *Дзидзария Г.А.* Восстановить утраченные страницы // Техника молодежи.– 1968. – №10. – С.28.

Г.А. Гамкрелидзе, освещающая результаты исследований в акватории города Поти[96].

Систематическое изучение затопленных архитектурных сооружений на Каспийском море фиксируется с начала XX в.[97] Но библиографический аппарат начал формироваться значительно раньше, благодаря углубленным исследованиям К.Ф. Спасского, возглавлявшего Бакинский таможенный карантин[98], статьям гидрографа К.М. Бэра[99], сотрудника Русского Географического общества Н.М. Филиппова[100] и др.

В предвоенное время удалось провести ряд полевых исследований, проанализировать данные, полученные в ходе первых погружений[101], и провести соответствие письменных памятников с материалами археологии, уточнив перспективные направления развития[102]. В 1948 г. археолог И.М. Джафарзаде опубликовал статью, освещающею результаты погружений на «Баиловские камни» – архитектурный комплекс ушедший под воду в Бакинской бухте[103]. История Баку составляла сферу научных интересов доктора исторических наук С.Б. Ашурбейли, которая высоко оценивает вклад советских подводных археологов в изучении региона[104]. В 1968 г. сотрудники республиканского музея Истории Азербайджана приступили к регулярным подводным исследованиям[105], при практической поддержке аквалангистов московского клуба «Катран»[106].

---

[96] *Гамкрелидзе Г.* Подводная археология на побережье Колхиды – Тбилиси, Центр археологических исследований, 1990.– С.12.

[97] *Михалевский А.И.* Развалины караван–сарая в Бакинской бухте // Известия Азербайджанского Государственного Университета – 1930. – Том IX. – С.119.

[98] *Спасский–Автономов К.Ф.* Описание подводных зданий, находящихся на Бакинском рейде // Записки Кавказского отделения РГО. – 1853. – Том II. – С.242.

[99] Каспийская экспедиция К. М. Бэра, 1853–1857 гг.: Дневники и материалы // Составитель Т. А. Лукина. – Л.: Наука, 1984. – С.557.

[100] *Филиппов Н.М.* Об изменении уровня Каспийского моря. – СПб.: типография АН, 1890. – С.113.

[101] *Пахомов А.Е.* Обследование развалин крепости в Бакинской бухте // Известия Азербайджанского филиала АН. – 1940. – №6. – С.116–117.

[102] *Джафарзаде И.М.* Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте // Известия Азербайджанского филиала АН. – 1947. – №7. – С. 3–12.

[103] *Джафарзаде И.М.* Краткие данные об археологических исследованиях на территории Нахичеванской АССР // Известия АН Азербайджанской ССР. – 1949. – №5. – С. 16.

[104] *Ашурбейли С.Б.* История города Баку. – Баку, Азернешр, 1992 – С.408.

[105] *Ганджи И.А.* Подводная одиссея Виктора Квачидзе // Подводная археология – 40 лет:

В 1840 г. профессор Казанского университета И.Н. Березин результаты собственных полевых исследований систематизировал и опубликовал циклом тематических статей, а позднее издал отдельной специализированной монографией, дополненной картами и схемами[107]. Профессор интересовался культурным наследием Дербента, одного из старейших на территории нашего государства археологических комплексов, частично оказавшегося погруженным в Каспий[108]. Занимаясь измерением крепостных стен, И.Н. Березин лично убедился, что они уходят в море, попутно исследователь приводит данные английского путешественника XVI в., утверждающего, что дербентские стены уходили в море не менее чем на пол мили, а арабский географ Ильдриси, описывая город в XII в., пишет, что стены формировали собой защищенную гавань. В 1961 г. Эрмитаж организовал разведочные погружения на затопленную часть Дербентской крепости под руководством Л.Н. Гумилева. Несмотря на краткосрочность проведения экспедиции, результаты исследования позволили Л.Н. Гумилеву в дальнейшем использовать их в самостоятельной работе[109].

В период 1970-1995 гг. систематические исследования памятника проходили под руководством А.А. Кудрявцева. Ученый подчеркивает, что благодаря археологическому материалу удалось освятить ряд узловых проблем становления и развития одного из древнейших городов нашей страны. Основные результаты научной деятельности отображены в совместной монографии А.А. Кудрявцева и Е.А. Кудрявцева[110].

сб.науч.тр. – Баку, 2008. – С.7–11.

[106] *Квачидзе В.А., Багдасаров Р.С.* Подводные находки в районе гибели старой шхуны // Спортсмен–подводник. – 1974. – №37. – С.71–76.

[107] *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань, Университетская типография, 1850. – С.210.

[108] *Валеева Ю.Н.* Исторические труды профессора И.Н. Березина // Приволжский научный вестник. – 2015. – №2. – С.30.

[109] *Гумилев Л.Н.* Хазария и Каспий // Вестник ЛГУ. – 1964. – №6. – С.83–95.

[110] *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Феодальный город Северного Кавказа (средневековый Дербент в VI–XIII веках) – Ставрополь, Издательство СКФУ, 2015. – С.307.

Балтика долгое время оставалось недоступной для подводных исследований[111]. Есть ряд отрывочных упоминаний о подъеме останков кораблей, обнаруженных в 1880 г. в ходе модернизации порта Ревеля. Корабли удалось идентифицировать, как погибшие в ходе шторма в ноябре 1716 года российские линкоры «Антоний» и «Фортуна». В музей Военно–Морского флота были переданы фрагменты такелажа и парусного вооружения поднятые в ходе проведенной спасательной операции[112]. В лучшую сторону ситуация стала исправляться после Великой Отечественной войны, когда стали массово выпускать аквалангии[113].

В 1983 г. сотрудники Эстонского морского музея анонсировали проведение подводно–археологических работ в регионе на постоянной основе[114]. В 1990 г. в Ленинграде, адмирал К.А. Шопотов организовал подводно-археологическое общество «Память Балтики», с целью локализации и исследования памятников Выборгского морского сражения[115]. В 2013 году К.А. Шопотов опубликовал обзорную монографию, где изложил не только хронологию археологических исследований, но и освятил ряд социальных проектов, реализованных обществом[116].

Архипелаг Соловецких островов, со своей уникальной историей стал олицетворением применения методов подводной археологии при изучении памятников Русского Севера. В 1973 г. была проведена экспедиция на Большом острове силами участников подводного клуба воронежского авиазавода и аквалангистов клуба «Волна» МАИ[117]. В 1980 г.

---

[111] *Голенцов А.С., Плюснин И.А., Эриксон Т.* Опыт работы российско-шведской морской археологической экспедиции «Аврора» // ИПМА. – 1995. – №2. – С.40–48.

[112] *Широкорад А.Б.* Северные войны России – М.: АСТ, 2001. – С.124.

[113] *Сивков В.В., Дорохов Д.В., Дорохова Е.В., Александронец Ю.А.* Палеографические предпосылки подводно-археологических исследований в российском секторе Юго-Восточной Балтики // Подводное наследие – 2013: сб.науч.тр. – М., 2014. – С.134.

[114] *Петренко В.П., Эфендиев Э.Ф.* Работы на территории Эстонии и Ленинградской области // АО'1983 – М.: Наука, 1985. – С.453.

[115] *Шопотов К.А.* Музей подводной археологии подводно-археологической экспедиции общества «Память Балтики» // Октопус. – 2002. – №3. – С.12.

[116] *Шопотов К.А.* Подвиги первых русских навигаторов – СПб.: «Элексис», 2013. – С.80.

[117] *Сержантов А.К.* Отчет по результатам обследования подводной части набережной Святого озера

Арктическая группа ИА, возглавляемая В.Ф. Старковым, провела на Шпицбергене подводные исследования[118], результаты которых позволили привлечь к сотрудничеству Географическое общество и НИИ Культуры РСФСР. С целью оптимизации, вызванной разобщенностью ведомственного подчинения, был создан Центр комплексных подводных исследований, под руководством научного сотрудника НИИ Культуры А.В. Окорокова[119]. Разрозненная информация по истории региона в последние годы аккумулируется на страницах ежегодника «Альманах «Соловецкое море», запущенному в 2002 г., в котором значительное внимание уделяется истории изучения материальной культуры архипелага[120].

Особой методикой исследований характеризуется изучение археологического наследия внутренних водоёмов страны. В полевой сезон 1888–1889 гг. известный русский археолог В.А. Городцов частично осушил одно из озёр близ Рязани[121]. В 1902 г. в западной части Чудского озера были проведены изыскания В.Н. Глазковым[122]. Предвоенный период отметился рядом статей об обнаружении в акватории рек древних плавательных средств – лодок, челнов и т.д[123].

В 1956 году, в честь юбилея победы дружины Александра Невского, в Новгородской области были проведены масштабные поисковые исследования с целью локализации места проведения Ледового побоища. Руководил экспедицией генерал Г.Н. Карев[124].

Соловецкого монастыря в 1973 году. – Архив СГИАПМЗ. – Фонд 9. – Д.11.

[118] *Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю., Дубровин Г.Е.* Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген – М.: Научный мир, 2002. – С.152.

[119] *Окороков А.В., Скворцов А.П.* К вопросу об истории северного судостроения // Памятниковедение. Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. – 1989. – №1. – С.70.

[120] *Мартынов А.А*. Археологическое прошлое Соловецкого архипелага: материк–море–острова // Соловецкое море – 2002. – №1. – С.27.

[121] *Окороков А.В*. Стеклышки мозаики, которых нет на земле // Охраняется государством. – 2017. – №5. – С.8.

[122] *Лебединский В.В*. Новые методы изучения истории. Письменные и изобразительные источники по истории Египта и подводная археология : дисс.. канд. истор. наук: 07.00.03 / Лебединский Виктор Владимирович. – М., 2000. – С.15.

[123] *Журавлева Ю.Б., Чубур А.А*. Средневековое судостроение в Юго-Восточной Руси // ВПА. – 2010. – №1. – С.25–44.

[124] *Караев Г.Н*. Новые данные о месте Ледового побоища 1242 г.// ВИЖ. – 1959. – №3. – С.47.

В Карелии осуществляет систематическую деятельность экспедиция ИЯЛИ КарНЦ РАН, участники которой без малого полвека исследуют петроглифы Онежского озера. В 2015 г. научный сотрудник Института Н.В. Лобанова в своей монографии проанализировала итоги экспедиционной деятельности, провела аналогии с однотипными памятниками, исследуемые зарубежными коллегами, поделилась современными методами идентификации наскальных рисунков в условиях плохой видимости[125]. А.Н. Мазуркевич возглавляет Северо–западную экспедицию Эрмитажа, занимающуюся раскопками свайных поселений в водоемах Смоленской и Псковской областей[126].

Проводя аналогию с Крымом, когда вслед за административным устройством новых территорий, разрабатывались вопросы культурного характера, подобная ситуация наблюдалась и в Среднеазиатском регионе[127]. В первой половине XIX в многие путешественники указывали на обнаруживаемые ими старинные развалины под водами озера Иссык – Куль[128]. С конца 1950 гг., после прохождения курса подводного пловца в команде В.Д.Блаватского, исследованиями на озере руководил археолог Д.Ф. Винник[129]. Академик В.М. Плоских, за полвека научно–организационной деятельности создал Киргизскую национальную археологическую школу. Основные выводы полуторавековой истории археологических исследований скомпоновал в 2013 г. в монографии на основе диссертации молодой ученый В.В. Плоских[130].

---

[125] *Лобанова Н.В*. Петроглифы Онежского озера – М.: Университет Пожарского, 2015. – С.440.

[126] *Зайцева Г.И., Лозовская О.В., Выборнов А.А., Мазуркевич А.Н.* Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. – Смоленск, Свиток, 2016. – С.456.

[127] *Березин А.А.* Перспективы изучения подводно-культурного наследия на примере музейного комплекса КРСУ им.Ельцина // Культурное Наследие России. – 2018. – №1. – С.43–48.

[128] *Венюков М.И*. Замечания об озере Иссык–Куль и реки Кошкар // Вестник РГО. – 1860. – №30. – С.22–24.

[129] *Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Кольченко В.А.* Дмитрий Федорович Винник // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – 2008. – №3. – С.98.

[130] *Плоских В.В.* Затонувшие памятники Иссык – Куля. Исследования «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути. – Бишкек, КРСУ, 2013. – С.200.

В советский период наиболее масштабные работы проводились на Днепре, силами Экспедиции подводно-археологических работ Запорожского музея. Известные по древнерусским летописям днепровские пороги стали могилой для многих речных судов начиная от первых караванов «из варяг в греки» и заканчивая экземплярами парового флота XIX в. С кораблями на дно уходили и сопутствующие мореходству предметы. Руководитель экспедиции, профессор Г.И. Шаповалов своевременно освещал в периодических изданиях хронологию изысканий и результаты[131].

На фоне роста источников по изучению памятников кораблестроения, уместно выделить отдельную группу исследователей, специализирующихся на истории мореплавания. В 1982 г., корифей подводной археологии, Б.Г. Петерс опубликовал монографию, снабженную обширным статистическим и сравнительным материалом[132]. Дискуссионность ряда положений, приводимых автором позволили развить затрагиваемые вопросы в отдельных научных статьях историков и археологов более детально. На сегодняшний момент отечественная историография обладает отдельным фондом материалов по изучению истории портов, якорей, морской эпиграфики, военному или торговому флоту и т.д.

Монографии, способствующие формированию базовых знаний в рассматриваемой отрасли в полной мере соответствуют работы исследователя гидросферы М.В. Агбунова[133], историка водолазного ремесла П.А. Боровикова[134], популяризатора подводно–прикладной деятельности А.М. Кондратова[135]; преподавателя Воронежского университета Н.П. Писаревского, сфера научных интересов которого формируется на

---

[131] *Шаповалов Г.И.* Подводная археология Запорожья. Достижения и перспективы // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2010. – №2. – С.4–14.

[132] *Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Наука, 1982. – С.110.

[133] *Агбунов М.В.* Новый этап развития подводной археологии // СП. – 1984. – №71. – С.57–63.

[134] *Боровиков П.А.* Водолазное дело России. – М.: Мысль, 2005. – С.171.

[135] *Кондратов А.М.* Атлантиды ищите на шельфе – Л.: Гидрометеоиздат, 1988. – С.224.

изучении истории мореплавания[136]. Ретроспективные работы историка флота Л.Н. Скрягина[137], занимающегося изучением морских катастроф.

В 1978 г. «Наука» выпустила совместный труд Г.А. Разумова и М.Ф. Хасина, посвящённый известным архитектурным комплексам, оказавшимся с течением времени полностью, или частично затопленными. Поскольку монография в итоге представляла собой профессиональный интерес для действующих гидроинженеров, она была переведена на ряд иностранных языков, и несколько раз переиздавалась[138]. Позднее была опубликована монография А.А. Чернова, где рассматривались многоплановые исследования на месте затонувших приморских городов[139].

Отдельного внимания заслуживают монографии освещающие законодательную основу проведения изысканий. М.М. Богуславский особое внимание уделял широкому кругу вопросов юридического сопровождения подводно-археологической деятельности с учетом всевозрастающих международных требований[140]. Современные тенденции подталкивают вывести в отдельную группу работы, освещающие проблемы сохранения памятников в обнаруженном состоянии – in situ (как есть)[141]. В 2016 г. в институте Природного наследия приступили к публикации фундаментального «Свода объектов подводного культурного наследия», к 2020 г. удалось сформировать четыре тома документов[142].

Специального рассмотрения заслуживают однотомники, где дается современная оценка состояния дел в дисциплине. В 1965 г. издательство «Наука» выпустила сборник «Археология и естественные науки»,

---

[136] *Писаревский П.Н.* Археология моря. Города–корабли–поиск. – Воронеж, Издательство ВГУ, 1996. – С.136.

[137] *Скрягин Л.С.* Затонувшие сокровища – М.: Транспорт, 2002. – С.123.

[138] *Разумов Г.А., Хасин М.Ф.* Тонущие города – М.: Стройиздат, 1991. – С.250.

[139] *Чернов А.А*. Загадки затонувших городов. – М.: Вече, 2004. – С.480.

[140] *Богуславский М.М.* Международная охрана культурных ценностей. – М.: Международные Отношения, 1979. – С.192.

[141] *Анисимов И.О.* Проблемы охраны подводного культурного наследия в РФ // Право. Журнал Высшей школы Экономики. – 2014. – №3. – С.137.

[142] *Окороков А.В*. Свод объектов подводного культурного наследия России – М.: Институт Наследия, 2019. – С.224.

где дебютный раздел изучения подводного наследия был представлен статьями В.Д. Блаватского, Б.П. Петерса, К.К. Шилика, В.И. Кадеева и других[143]. В 1969 г. под патронажем Океанографической комиссии вышел обобщающий сборник «Морские подводные исследования», в котором основным наполнением выступают материалы, посвященные исследованиям в морских акваториях, и анализируется опыт международных экспедиций[144]. В 2002 г. в институте Востоковедения вышел сборник «Подводная археология. Сто лет исследований», обобщающий опыт практикующих археологов, с целью ввода новых данных в научный оборот[145]. В 2007 г. в Новгороде опубликовали сборник «Подводное культурное наследие: перспективы изучения и сохранения», сформированный на основе докладов участников международной конференции[146]. Более пятидесяти статей легли в основу сборника, посвященного полувековому юбилею Конфедерации подводной деятельности России «Подводная археология: прошлое, настоящее, будущее», в котором представлены материалы освещающие историю исследований затопленных памятников истории[147]. В 2012 г. Институт Культурологии опубликовал сборник под редакцией профессора А.В. Окорокова «Юридических и методических вопросов изучения и сохранения подводного культурного наследия», куда вошли статьи освещающие проблемы сохранения и музеефикации объектов подводно-культурного значения[148]. Следующая знаковая для отрасли конференция прошла в Туле, итогом которой следует рассматривать публикацию сборника «Подводное наследие-

[143] Археология и естественные науки: сб.науч.тр.под. ред. Б.А. Колчина. – М.: Наука, 1965. – С.346.

[144] Морские подводные исследования: сб.науч.тр.под ред. Б. П. Мантейфельда. – М.: Наука, 1969. – С.380.

[145] Подводная археология. Сто лет исследований: сб.науч.тр.под ред. В.В.Лебединского – М.: РАН, 2002. – С.107.

[146] Подводное культурное наследие: перспективы изучения и сохранения: сб.науч.тр.под ред. Д.В. Поспелова и А.В. Степанова. – Новгород, КПДР, 2007. – С.70.

[147] Подводная археология: прошлое, настоящее, будущее: сб.науч.тр.под ред. С.М. Фазлуллина – М.: КПДР, 2008. – С.326.

[148] Юридические и методические вопросы изучения и сохранения подводного культурного наследия: сб.науч.ст. под ред. Окорокова А.В. – М.: Рыбинский Дом печати, 2012. – С.214.

2013»[149]. В сборнике были представлены статьи освещающие последние результаты исследований в области подводной археологии, истории флота, методам проникновения на затопленные объекты с использованием современного оборудования и т.п. Весной 2018 г. в Феодосии прошел форум «Подводная археология – основные направления исследований», по результатам которого осуществили выпуск сборника статей и докладов[150]. В том же году Институт природного наследия выпустил сборник материалов, посвященных подводным музеям и паркам[151]. С 2012 г. в Москве ежегодно проходит международная научно-практическая конференция «Морские исследования и образование. MARESEDU», где вопросам сохранения подводно-культурного наследия посвящена отдельная секция, участники которой на регулярной основе соотносят свои выводы с данными советской науки.

Серьезной составляющей для изучения истории науки являются периодические издания. В 1936 году вышел в свет первый номер «Советской археологии», являющийся по праву основным публичным источников о текущем состоянии дел в археологии. С 1959 г. и до настоящего времени в Эрмитаже издается «Археологический сборник», где уделяется внимание и проблемам подводно-археологического наследия[152]. Начиная с 1960 гг. практически во всех историко-археологических научных журналах появляются статьи о подводной археологии, в т.ч. «Курьер ЮНЕСКО» регулярно выпускал тематические номера целиком посвященные рассматриваемой теме[153]. В 1962–1992 гг.,

[149] Подводное наследие – 2013: сб.науч.тр.под ред. И.Н.Кочергиной – М.: Нептун XXI век, 2013. – С.432.

[150] Подводная археология в России: основные направления исследований: сб.науч.тр. – Феодосия.: Арт Лайф, 2019. – С.82.

[151] Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники: сб.науч.ст. под ред. Окорокова А.В. – М.: Институт наследия, 2018. – С.140.

[152] Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии Евразии: сб.науч.тр. – СПб.: Эрмитаж, 2019. – С.374

[153] *Паркер Э. Дж*. Средиземное море: подводный музей // Курьер ЮНЕСКО – Подводная археология. – 1987. – №12. – С.8–10.

московское отделение ДОСААФ осуществляло издание журнала «Спортсмен-подводник», где значительное внимание уделялось изучению подводно-культурного наследия. В 1990 гг. с целью научной коммуникации и передачи опыта в Институте истории материальной культуры, В.М. Массон, а позднее П.Е. Сорокин издавали альманах «Изучение памятников морской археологии»[154].

Накопленный багаж научно-практических знаний позволил к настоящему моменту создать ряд учебных пособий для практикующих археологов[155] и для студентов ВУЗов[156].

Обзор зарубежной историографии[157] традиционно принято начинать с трудов изобретателя аквалангa, и основателя CMAS (Всемирная конфедерация подводной деятельности) Ж.И. Кусто, рассматривающего подводную археологию через призму комплексного изучения мирового океана[158]. Объемный медиа–проект осуществленный командой Ж.И. Кусто состоял из документального фильма «В мире безмолвия», и ряда отдельных книг об изучении мирового океана, включая одноименную монографию, где уделяется внимание вопросам обнаружения подводно-культурного наследия. Французские специалисты, как пионеры отрасли и первоиспытатели не избежали грубых ошибок, но нужно отметить, что именно их деятельность предопределила рост общественного внимания к вопросам экологии моря, сохранению редких видов морских животных и ключевое для нас: изучение памятников археологии, хранящиеся на морском дне профессионалами, а не искателями сокровищ.

---

[154] *Кирчо Л.Б.* В.М. Массон – первооткрыватель, исследователь, организатор науки // Записки ВО РАО. – 2006. – №2. – С.27.

[155] *Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н.* Методика археологических исследований на затопленных поселениях – М.: ИА РАН, 2011– С.30.

[156] *Вахонеев В. В.* Морская археология: учебное пособие для ВУЗов – М.: Юрайт, 2021. – С.205.

[157] *Кошеленко Г.А.* О новых зарубежных работах по подводной археологии // СА. – 1970. – №1. – С.32–38.

[158] *Кусто Ж.И.* В мире безмолвия – М.: АСТ – Астрель, 2003. – С.527.

В 1958 г. в Москве была опубликована книга семейной четы из США – Крайл, описывающие собственные эксперименты в поисках затонувших сокровищ в акватории Флориды[159], через год перевели работу западногерманского исследователя Г. Хасса, где в т.ч. рассматриваются приемы фотографирования объектов под водой, их фиксации и технического обслуживания аппаратуры[160]. В 1967 г. вышла работа англичанина А.Кларка, посвященная в т.ч. археологии прибрежной полосы острова Цейлон[161]. В 1978 г. «Судостроение» опубликовало две самостоятельные книги: работа американского инженера Д.Н. Горза, посвященная эволюции водолазного снаряжения на примере известных операций по подъему затонувших кораблей[162], и мемуары М. Линк о процессе подводных раскопок пиратской столицы Порт–Ройаля под руководством своего супруга, археолога Э. Линка[163]. На следующий год в Москве была напечатана захватывающая монография Р. Стенюи посвященная поиску, обнаружению и раскопкам погибшим в 1588 г. галеонам «Непобедимой армады»[164]. В 1979 г. состоялся выпуск книги Г. Хаберляйна, повествующая об истории освоения человеком подводных пространств[165]. В современной России вышла книга, хорошо известного по своим обзорным статьям в советской периодике[166], директора института Подводной археологии Техасского университета Д. Басса[167]. В монографии отображены итоги деятельности Средиземноморской экспедиции, позволившие создать в турецком Бодруме городской музей Подводной археологии, а также описаны применяемые методики работ на морском дне, в условиях предельной для человеческого организма глубины.

---

[159] *Крайл Б., Крайл Д*. За подводными сокровищами – М.: Географическая литература, 1958. – С.90.
[160] *Хасс Г*. Мы выходим из моря – М.: Издательство Географической литературы, 1959. – С.143.
[161] *Кларк А*. Сокровища большого рифа – М.: Мир, 1967. – С.223.
[162] *Горз Д.Н.* Подъем затонувших кораблей. – Л.: Судостроение, 1978. – С. 352
[163] *Линк М.К.* Окна в море. – Л.: Судостроение, 1978. – С.210.
[164] *Стенюи Р*. Сокровища непобедимой армады – М.: Мысль, 1979. – С.165.
[165] *Хеберляйн Г*. Подводный мир – М.: Знание, 1979. – С.136.
[166] *Басс Д*. Нелегкая доля археолога-подводника // Курьер ЮНЕСКО–1972.– №5.– С.40–51.
[167] *Басс Д*. Подводная археология. Древние народы и страны. – М.: Центрополиграф, 2003. – С.202.

Переходя к следующей группе зарубежных авторов, необходимо отметить, что в силу сложившейся политической конъектуры, все они были представителями соцлагеря. В 1968 г. была опубликована обобщающая монография исследователей из ГДР Г. Линде и Э. Бретшнейдера[168]. В 1978 г., в «Судостроении» напечатали книгу болгарского специалиста М. Лазарова, посвященную археологии Черного моря: «Потерянная флотилия», в которой автор знакомит широкий круг читателя с археологическими методами исследования больших районов морского дна. В 1982 г., в редакции Б.Г. Петерса вышла монография немецкого исследователя Г. Ланитцки, в которой освещаются достижения и проблемы подводной археологии на примере широкого круга известных исторических памятников[169].

В исторических сборниках эпизодически размещаются статьи иностранных специалистов, а в специализированной непереводной научной литературе регулярно появляются материалы по исследованиям погибших военных кораблей принадлежавших России в различные исторические эпохи[170].

По формулировке А.А. Формозова, история науки не может ограничиваться подачей справочно–библиографического материала, притом что сама археологическая деятельность способствует регулярному пополнению корпуса источников[171]. Ошибочной является версия о решении проблем развития истории археологии путем наращивания практических знаний об изучаемом памятнике, оставляя за границей вопроса этапы фиксирующие качественные изменения в методологии накопле-

---

[168] *Линде Г., Бредшнейдер Э.* Из глубины веков и вод – Л.: Гидрометеоиздат, 1969. – С.286.

[169] *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города – М.: Прогресс, 1982. – С.160.

[170] *Robert Stewuit.* The wreck of the pink Evstafli. A transport of the imperial Russian Navy, lost off Shetland in 1788 // International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. – 1976. – №5. – pp.317–331. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi /10.1111/j. 1095–9270.1976. tb00976.x/ full (дата обращения 21.XII.2017).

[171] *Формозов А.А.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. – 1975. – №4. – С.7

ния разных видов источников, о чем в 1988 г. высказывался В.Ф. Геннинг[172]. Методологические обобщения, приводимые выше выступали предметом изучения еще до появления осознания необходимости исследований по истории археологии, и послужили базисной основой для разрабатываемого вопроса[173]. В 1992 г. ученик Л.С. Клейна – Г.С. Лебедев удачно обобщил принципы и понятия методологических основ материалов по истории науки[174]. В 2015 г. А.В. Блаватским и В.Н. Таскаевым в специальной статье систематизировали известный справочно – библиографический фонд подводной археологии[175].

Таким образом можно констатировать, что отечественная историография подводной археологии складывается от фиксации случайно обнаруженных памятников и отрывочных данных[176], до создания полноценных научных работ – сборников, монографий и диссертаций.

Необходимость комплексного анализа научных выводов следует подытожить примером изучения одного из первых памятников подводной археологии: останков корабля, обнаруженного близ Антикиферы. Первичная датировка древесины отнесла время постройки корабля к 220 г. до н.э. ± 43 г., но найденные (через полвека) в 1970 гг. Ж.И. Кусто на месте гибели корабля монеты переместили время гибели к 80–85 гг. до н.э.. В подтверждение выводов французов следует отнести датировку амфор с места кораблекрушения, проведенную в конце 1980 гг., и установившую границы изготовления тары 70–50 гг. до н.э[177]. С 2012 года в районе кораблекрушения проводятся систематические швейцарско –

---

[172] *Геннинг В.Ф.* Проблемная ситуация в современной археологии – Киев, Наукова Думка, 1988. – С.43.

[173] *Мельникова О.М.* Научные школы в археологии: автореф. дисс...д.и.н. / Мельникова Ольга Михайловна – Ижевск, 2004. – С.9.

[174] *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992 – С.14.

[175] *Таскаев В.Н., Блаватский А.В.* Методологическая основа подводной археологии // ВПА. – 2015. – №5. – С.53–71.

[176] *Милославский К.А.* Старинная пушка найденная у о.Тендры // Вестник ОКК при Украинской АН. – 1925. – № 2. – С.67–69.

[177] *Медведев А.П.* Эллинистические погребения восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005 – 2007 гг.) // РА. – 2014. – №3. – С.137.

греческие исследования, в результате которых удалось выявить останки еще одного (или даже нескольких) деревянных кораблей[178].

Наиболее значительными по масштабности в рассматриваемый период, являются работы по подъёму и консервации флагмана шведского королевского флота «Вазы». Многолетний проект превратился в национальную идею, привлек к себе внимание всей мировой общественности, в результате чего потерянный и забытый «дворец на плаву» превратился в прекрасный музей с мировым именем. В России разрозненный материал по истории корабля удалось скомпоновать П.А. Боровикову и написать качественную работу, раскрывающую биографию «Вазы» и хронологию работ по сохранению данного памятника кораблестроения для потомков[179]. Таким образом в отечественной исторической науке наблюдается стабильное нарастание интереса к вопросам развития и истории подводно-археологических исследований, которые затрагивают все три научных уровня разработки проблемы: эмпирический, конкретно-научный и теоретический.

Хронологические рамки обусловлены поставленными перед работой задачами и охватывают период существования СССР, вмещающий в себя ключевые процессы развития отечественной подводной археологии. Нижней границей исследования являются 1920 гг, когда начались первые систематические подводно-археологические работы (ЭПРОН, экспедиции К.Э. Гриневича и др.); верхней – 1990 гг, пока вся научно – организационная деятельность постсоветского пространства продолжала по инерции функционировать совместно.

Географические границы очерчены территорией распространения памятников истории и зонами производства подводно-археологических работ в акваториях Черного, Азовского, Каспийского,

[178] New Results of the 2021 Antikythera Shipwreeck Field Survery. URL: https://antikythera.org.gr (дата обращения 07.I.2022).

[179] *Боровиков П.А*. Vasa. Второе рождение. – М.: Нептун, 2011 – С.160.

Балтийского и северных морей, а также на внутренних водоемах СССР (реки, озера, торфяники).

Теоретическую и методологическую базу диссертационного исследования составляют фундаментальные положения исторической науки, историографии и истории науки как особой отрасли знания, изучающей закономерности возникновения, развития и функционирования научных идей, концепций, институтов и школ.

В основу работы положены следующие теоретические принципы:

Принцип историзма – он предполагает рассмотрение подводной археологии в СССР как развивающегося во времени явления, обусловленного конкретно–историческими условиями советской эпохи. Каждый этап развития дисциплины анализируется в контексте социально–политических, экономических и культурных факторов своего времени. Согласно этому принципу, «история этапов развития, становление направлений исследовательского поиска, формирование научно-технического, эмпирического и концептуально-теоретического арсенала» изучаются в их хронологической последовательности и взаимосвязи.

Принцип объективности – требует непредвзятого анализа источников и литературы, учета всех доступных данных, включая те, которые противоречат авторской концепции. Особое значение этот принцип приобретает при оценке причин, воспрепятствовавших институционализации подводной археологии в СССР, где необходимо избегать как апологетики, так и излишне критического тона, свойственного постсоветской науке 1990 гг.

Для анализа организационного оформления подводной археологии в СССР применяется понятийный аппарат истории науки, связанный с процессом институционализации: формирование научных школ, создание специализированных подразделений в академических

институтах, разработка образовательных программ, появление профессиональных сообществ и периодических изданий. Это позволяет выявить степень зрелости дисциплины и причины, по которым она не достигла полной институционализации.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что современная отечественная историческая наука не располагает конкретным исследованием в центре внимания которого, находятся вопросы истории подводно–археологических исследований в нашей стране, и реализующего задачу комплексного осмысления возникновения путей и направлений развития изучения затопленных объектов исторического наследия. Необходимо учитывать, что, как предмет исследования, изучение подводно–археологических памятников в СССР никогда не производилось в контексте развития отдельной и совершенно особой отрасли научного знания, и в качестве самостоятельного по своему содержанию, хронологического процесса. И с учётом совершенно особой специфики применяемых методик, с задачей определения собственных роли и места в системе распределения научных течений[180].

Ввод в научный оборот не используемых ранее архивных и музейных материалов позволил вскрыть влиявшие на данный процесс исторические условия, сопровождавшие её становление и развитие с учетом специфических особенностей, присущих диалектике и уровням исследовательского поиска в конкретике каждого из периодов развития как советского общества, так и археологической науки. Это позволило выявить ряд причинно–следственных связей опережающих своё время, достигнутых результатов изучения подводных памятников истории и культуры, так и продиктованных узостью структуры, имевшейся в то время материально-технической базы, упущений. Введение в оборот

[180] *Шакиров З.Г.* Методы фиксации в археологии – Казань, КПФУ, 2012. – С.96.

архивных материалов позволил вскрыть тенденцию, определившую обособление подводно–археологических изысканий, организацию специальных отрядов в составе экспедиций ИА СССР и союзных республик, наконец, рождение специализированных комплексных подводно–археологических экспедиций и переход к систематическому исследованию подводных памятников истории, как в полевой и камеральной археологии, так и в интерпретационно-исторических исследованиях с их использованием.

Периодизация подводной археологии в отличие от периодизации классической археологии, где развитие науки выстраивается на основе истории развития отдельных научно–практических школ, созданных с целью изучения определенных археологических культур, основывается преимущественно на технологическом прогрессе. На примере незначительного количества известных затопленных памятников истории Л.С. Клейн рассматривая проблемы периодизации дискутирует о размытости верхней границы между археологическим памятником и объектом материальной культуры, выпадающим из границ исторического наследия[181]. Современные исследователи, опираясь на выводы ученого наделили памятники кораблекрушения термином «археологический комплекс пребывания»[182].

Профессор А.Д. Пряхин, при разработке критериев для характеристики отдельных периодов, рекомендовал не придерживаться строгих хронологических рамок, а акцентировать внимание на качественном изменении методологических подходов и уровня обобщения результатов исследований[183]. Выводы созвучные современной тенденции, отмечающей, что стремление к возведению четких границ в периодизации архео-

[181] *Клейн Л.С.* Археологические источники – Л.: Издательство ЛГУ, 1978. – С.49.

[182] *Холюшкин Ю.П., Витяев Е.Е., Костин В.С.* Задачи археологии и методы их решения – Новосибирск, Манускрипт, 2013. – С.30.

[183] *Голотвин А.Н.* Проблемы истории отечественной археологии в работах А.Д. Пряхина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – №3. – С.102.

логии порождает кризис системы. Специалистами все настойчивее предлагается наделять периодизацию локальными полномочиями, где каждое деление шкалы становится одномоментно и территориальной и хронологический ячейкой[184]. Придерживаясь данных рекомендаций, на практике периодизацию отечественной подводной археологии следует рассматривать по схожей с общей хронологией археологических исследований на отдельно взятых памятниках. Периодизация – важнейшая часть любого исследования, нацеленная на упорядочивание изучаемого материала, представляющая из себя весьма эффективный научный инструментарий, позволяющий вскрыть взаимосвязи, наличие или отсутствие преемственности, важнейшие тенденции объекта или предмета изучения, но и неизвестные и потому не привлекавшие ранее внимания пласты информации. История изучения затопленных памятников советской школой вполне соответствует данной закономерности, однако наделена рядом особенностей по отношению к общей археологии, вызванных доступностью подводных памятников истории для изучения специалистами.

Выделяется три хрестоматийных этапа, которым предшествовал процесс накопления фактических знаний о подводно–культурном наследии на примере находящихся, что называется «на поверхности» памятников истории. Знакомство с ними расширяло сферу научного интереса достаточно квалифицированных исследователей, в поле зрения которых попадают затопленные (целиком или частично) архитектурные строения, случайно выброшенные на берег волной предметы бытового назначения, размытые захоронения или, когда в результате обвала береговой черты обнажался культурный слой с характерными вкраплениями археологического материала.

[184] *Клейн Л.С.* Археологическая периодизация в новом тысячелетии // Российский археологический ежегодник. – 2014. – №4. – С.58.

1. Конец XIX – первая половина XX в. Фиксация отрывочных данных и косвенных сведений о затопленных памятниках материальной культуры. Первые попытки практических исследований с привлечением профессиональных водолазов. Апробация получаемых результатов, осознание необходимости персонального участия археологов в процессе раскопок. Ключевым термином для характеристики данного этапа следует принять применение «до» или «около» научных методов раскопок, а не варварских способов изъятия материальных ценностей. Первая половина XX в. характеризуется более взвешенной методикой работ на фоне перехода от эмпирических методов исследований к апробации разработанных приемов. Развитию исследований под водой способствует появление организаций, ставивших своей целью освоение мирового океана, реализацию крупных морских экспедиций, общий рост популярности археологии и изучения древностей. При этом развитие водолазного ремесла не открывало под воду дорогу историкам, основными участниками исследований остаются профессиональные моряки, поскольку слишком сложным и физически тяжелым является эксплуатация водолазного снаряжения.
2. Вторая половина XX в. Изобретение акваланга. Упрощение условий подводных погружений для человека. Возросшая доступность применения технических средств в интересах подводной археологии. Распространение методов полевых исследований, консервации объектов. С упрощением условий погружений под водой работают непосредственно археологи, демонстрирующие качественный рост своего

профессионализма. В этот момент приходит осознание о необходимости реформирования существующих систем подготовки кадров, научно–исследовательской деятельности, технического оснащения. В данный период апробируются способы расчистки артефактов с помощью размывки объекта помповым оборудованием, картографирование, стратиграфия и консервация.

3. Современный этап. В настоящий период подводная археология переживает третий уровень развития – основным снаряжением по–прежнему является акваланг, но поиск все чаще осуществляются без участия аквалангиста, с помощью управляемой робототехники и аппаратов, реагирующих на аномальное скопление метала, изменение рельефа дна и т.п. Компьютеризация на службе археологии. Применение данных космосьемки и GPS-навигации. 3D моделирование и оптимизация геоинформационных технологий. Профильное зондирование материкового дна на предмет аномальных отложений металлов и дерева.

Основные положения, выносимые на защиту:

Развитие подводно-археологических исследований в СССР носило поступательный характер, сопровождаясь переходом от эпизодических водолазных спусков к систематическим раскопкам с участием археологов-аквалангистов.

В советский период была разработана и апробирована методика подводных археологических работ, включая методы поиска, фиксации, раскопок и консервации артефактов.

Советскими исследователями был накоплен значительный опыт атрибуции и консервации подводных артефактов, эволюционировавший от примитивных методов к междисциплинарным подходам.

Данные подводной археологии позволили существенно уточнить и дополнить представления об истории мореплавания, торговли, градостроительства и материальной культуры древних обществ на территории СССР.

В советский период были заложены фундаментальные основы современной подводной археологии, включая методологические, методические, организационные и кадровые наработки.

Несмотря на достижения, подводная археология не оформилась в самостоятельную дисциплину в силу комплекса причин: ведомственной разобщенности, кадрового дефицита, технической отсталости, правовой неопределенности, идеологических ограничений и ресурсных проблем. Советский опыт подводно-археологических исследований сохраняет актуальное значение для современной России в организационном, кадровом, правовом, музейном и мемориальном аспектах.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре Истории и Археологии Воронежского университета. При редактировании учтены все критические замечания. Основные результаты исследования, его выводы и положения нашли свое отражение в ряде самостоятельных статей, шесть из которых, опубликованы в рецензируемых изданиях ВАК, одна в журнале индексируемом в базе Scopus. С 2010 года диссертант является редактором журнала «Вопросы подводной археологии». В 2023 г. детская популярная энциклопедия «Познай мир истории» опубликовала тематический номер «Подводная археология. Прошлое сохраненное морем» за авторством А.А. Березина. За годы ведения научно-организационной и педагогической деятельности диссертант регулярно принимает участие в подводно-археологических экспедициях и имел честь выступать с докладами на многих профильных конференциях.

Практическая значимость исследования характеризуется возможностью использовать материалы работы для проведения дальнейших исследований в области подводной археологии и подготовки специальных трудов по истории дисциплины. Результаты исследования найдут применение в преподавании истории в высших и средних учебных заведениях, в школах, а также в музейной, просветительской и воспитательной работе. Особая значимость видится при создании межвузовской методической программы по специализации «подводная археология» для подготовки профессиональных кадров подводной археологии в научно-учебных центрах России и стран СНГ.

Структурно диссертация состоит из введения, основной части, состоявшей из двух глав и заключения. Библиографический аппарат диссертации снабжен перечнем сокращений, источниковым фондом, списком использованной литературы, в конце работы приведены наглядные тематические приложения.

Соответствие паспорту специальности: Публикации соискателя и диссертация соответствуют паспорту специальности 5.6.1. — Отечественная история пунктам: 1. Периодизация и хронология Отечественной истории; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни; 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. История образования и образовательных институтов; 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 17. Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит; 25. Новые информационные технологии и математические методы в исследованиях истории России; 27 Историческая география России

ГЛАВА I. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДИКИ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР (НАЧАЛО XX – КОНЕЦ 1980 ГГ.)

1.1. Роль государственных структур (ЭПРОН, АН СССР) в становлении подводной археологии (1920–1940 гг.)

В конце 1930 гг. Археологическая комиссия ИИМК, признавая высокую научную значимость систематического изучения затопленных памятников культуры, поручила профессору Р.А. Орбели разработать методику нового направления в археологической науке, с учетом технических особенностей и имеющихся ресурсов, с целью практической реализации вопросов, нацеленных на изучение и сохранение подводно-культурного наследия[185].

Фактически, выводы комиссии ИИМК следует рассматривать, как промежуточные итоги совместной деятельности ученых-историков и водолазных организаций. К данному периоду успешно функционировало предприятие, где осуществление проектов в интересах археологии носило изначально второстепенный характер, но сами по себе мероприятия по исследованию затопленных объектов культуры способствовали развитию подводной археологии.

В 1923 г., в ОГПУ, на служебном заседании[186], выслушали морских инженеров В.С. Языкова и Д.А. Карповича, предлагавших при содействии силовых структур осуществить подъем затонувших в ходе Крымской кампании кораблей[187]. По подтвержденным данным на дне

[185] *Орбели Р.А*. Подводная археология // Наука и жизнь. – 1939.– №8.– С.9.

[186] *Березин А.А*. ЭПРОН на службе гуманитарной науки СССР // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – №1. – С.49.

[187] *Чикер Н.П*. Служба особого назначения – М.: ДОСААФ, 1975. – С.3.

Севастопольской бухты покоилось около тридцати судов, один из которых – английский «Принц», ушел под воду в результате шторма, по всей вероятности с жалованьем союзнической армии на борту[188]. Даже без истории «Принца», в бухтах Новороссийска и Севастополя было затоплено огромное количество кораблей уже в период недавней интервенции и Гражданской войны[189]. Молодой Советской республике нужна была корабельная броневая сталь, артиллерийские системы, навигационное оборудование, цветные металлы. Помня о трагической судьбе императорского Черноморского флота, когда на рейде часть кораблей открыли кингстоны дабы не передавать флот немцам по условиям кабального мира, завуалировать подъем броненосцев операцией по поиску сокровищ выглядело достаточно перспективно. В результате приказами по за подписью Г.Г. Ягоды за №№ 463 и 528 была создана Экспедиция Подводных Работ Особого Назначения[190].

Практическая польза от деятельности ЭПРОНа, предопределило и фактический рост предприятия[191]. Численный состав организации к 1930 г. превышал 1000 сотрудников, филиальная сеть раскинулась по всем крупным приморским городам, на балансе экспедиции стояла собственная флотилия[192]. В 1932 г. Экспедицию возглавил конт-адмирал Ф.И. Крылов. Одним из первых нововведений руководителя стало создание научно-технического отдела, в состав которого пригласили талантливых ученых и гидроинженеров[193].

---

[188] *Максименко В.А*. Быль о «Черном принце» // Спортсмен – подводник. – 1983. – №70. – С.49.

[189] *Золотовский К.Д.* Подводные мастера – Молотов.: Молотовское книжное издательство, 1954. – С.200.

[190] ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923–1931): архивные документы и материалы // Сост.: Н.*А. Гоц, Р.А. Лазуткин, И.В. Талыпин* и др. – М.: Граница, 2015. – С. 43.

[191] *Королев А.Б.* Юбилей отечественной гидронавтики //Подводное наследие – 2013.: сб.науч.тр. – М., 2014. – С.422.

[192] *Чикер Н.П.* Служба особого назначения – М.: ДОСААФ, 1975. – С.12.

[193] *Запольский А.А., Тюрин В.А.* Легендарному ЭПРОНу 85 лет // Морской сборник. – 2009. – №2. – С.17.

Историки в большинстве своем, сходятся во мнении, что период, связанный с активной деятельностью ЭПРОНа в научных целях, предопределил интерес к памятникам археологии, оказавшимся под водой, и подвел нужные силы к необходимости широкомасштабного исследовательского процесса. При отсутствии централизованной организации, занимающейся подводной деятельностью, сложность эксплуатации технического оборудования не позволило бы историкам самостоятельно изучать памятники археологии. «Принц» эпроновцы так и не нашли, позднее правительство выписало концессию на поиск инкассатора японским предпринимателям, при условии возврата 60% найденного золота. Закопав в поиски корабля целый капитал, перелопатив горы донного песка, исследователи обнаружили 7 монет различного наминали эпохи Крымской кампании, 4 из которых передали Советской стороне, согласно договора[194].

В 1934 г. по рекомендации академика А.Н. Крылова, в ЭПРОН на должность научного консультанта пригласили профессора Р.А. Орбели[195]. Владея дюжиной языков Р.А. Орбели перевел и опубликовал ряд материалов из области истории развития подводной деятельности, проанализировал имеющееся письменные памятники, проработал терминологию, цели и задачи подводной археологии, тем самым приведя к необходимому соответствию структуру взаимоотношений ученых и водолазов[196]. Окунувшись в развитие нового научного направления, Р.А. Орбели сразу обозначил основную проблему подводной археологии – практическую невозможность работать под водой профессиональным историкам[197].

---

[194] *Скрягин Л.С*. Затонувшие сокровища – М.: Транспорт, 2002. – С.62.

[195] *Оноприенко В.И.* Рецензия на монографию Григорян Н.А. Научная династия Орбели – М.: Наука, 2002. – С.522 // Человек. – 2003. – №3. – С.173.

[196] *Елисеев П.А*. Основоположник советской гидроархеологии // СП.– 1985. – №7. – С.56.

[197] *Орбели Р.А*. Исследования и изыскания – М.: РечИздат, 1947. – С.210.

Несовершенство оборудования являлась основополагающей составляющей при планировании раскопок – трудно требовать от человека трепетного отношения к горлышку амфоры, когда он облачен в неповоротливый костюм, предназначенный для проведения судоремонтных работ. Вторая серьезная проблема – неверные установочные данные. В 1923 г. директор Херсонесского музея Л.А. Моисеев, работая над планом Карантинной бухты, естественный выступ стены обозначил как рукотворную кладку[198]. Непроверенная информация пошла кочевать по различным изданиям. Как следствие, возникло невольное заблуждение у следующего директора Херсонесского музея К.Э. Гриневича, организовавшего подводно-археологические изыскания с целью локализации древнего поселения[199], под эгидой РАНИОН, силами созданной на фондах НИИ Археологии и Искусствознания Гераклейской экспедиции[200]. Раскопки проводились в 64 м. от берега, на глубине до 9 м., с привязкой к береговым ориентирам западнее маяка[201]. Для технического обеспечения из штата ЭПРОНа была выделена водолазная станция (обозначение структурной единицы), моторный баркас «Стенька Разин», инструктор подводных спусков, медицинский работник и два опытных водолаза. В результате, с газетных полос было объявлено ни много-ни мало об обнаружении античного Херсонеса, воспетого Страбоном: крепостные башни, каменные стены, вымощенные площади и колодцы, где повсеместно видны следы жизнедеятельности человека[202].

---

[198] *Писаревский П.Н.* Археология моря. Города–корабли–поиск. – Воронеж, Издательство ВГУ, 1996. – С.70.

[199] *Мельник А.Н.* Р.А.Орбели – родоначальник комплексного источниковедения. // Комплексные методы в исторических исследованиях: сб.науч.тр. – М., 1987. – С.35.

[200] *Гриневич К.Э.* Исследования подводного города близ Херсонеского маяка – М.: Государственная академия искусствознания, 1931. – С.80.

[201] *Прохорова Т.А.* На службе археологии и музею: к 125-летию со дня рождения К.Э. Гриневича // Причерноморье. История, политика, культура. – 2017.– №22 (серия «А»). – С.13.

[202] *Березин А.А.* ЭПРОН на службе гуманитарной науки СССР // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – №1. – С.40.

Популяризация деятельности К.Э. Гриневича послужила толчком к созданию в Советской России направления научно-популярных фильмов с реалистичными постановочными съемками. Оператору Б.И. Цейтлину удалось снять документальный фильм «Город под водой», созданный на основе подводных раскопок в Херсонесе[203]. Вслед за газетными заметками о проводимых под водой раскопках, работа кинематографистов пользовалась огромной популярностью. Как это не редко случается, проведенные мероприятия не обнаружили фактического подтверждения – реальные фрагменты поселения до сих пор до конца не исследованы и внешне выглядят скромнее. Подводная команда К.Э. Гриневича, не имеющая специального образования, приняла за городские строения естественные коренные породы на илистом дне Карантинной бухты[204]. К сожалению, арест исследователя в 1932 г. и последующая ссылка не позволили ученому в дальнейшем вернуться к подводно-археологической деятельности[205].

В 1927 г. А.С.Башкиров под эгидой Московского общества охраны памятников истории и культуры провел археологические разведки на Таманском полуострове, в ходе которых идентифицировал древнее русло Кубани, разделяющее в античную эпоху Фанагорию и Германассу[206]. Идентификация античного полиса Патрей предопределило неослабевающий интерес к данному памятнику на протяжении всей новейшей истории, в т.ч. в советский период[207].

---

[203] *Преображенский С.Н.* Кино, как метод научного исследования // Советское кино. – 1948. – №6. – С.49

[204] *Букатов А.А., Бондарев И.П.* Геологические процессы и разрушения прибрежных городских кварталов Херсонеса в районе XXVIII и XXIX куртин оборонительной линии у западного берега Карантинной бухты // ВПА. – 2016. №7. – С.14.

[205] *Миллер М.А.* Археология в СССР. – Мюнхен, Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954. – С.110.

[206] *Башкиров А.С.* Отчет об археологических раскопках на территории древнего города Патрея на Таманском полуострове. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. №2386.

[207] *Петерс Б.Г.* Отчет о работах Патрейской экспедиции в 1986 г.// Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 11405.

Своевременность происходящих процессов в Советской России тождественна общемировой тенденции повышенного внимания к сохранению исторического наследия. В указанный период русский художник Н.К. Рерих возглавил инициативную группу, подготовившую тезисы для создания международного документа призванного защитить объекты культурного наследия, в условиях ведения боевых действий, что и вылилось в подписание в Вашингтоне «Пакта Рериха»[208].

Накопление необходимого теоретического базиса в большинстве своем завершилось к 1937 г., когда появилась реальная возможность научному комитету ЭПРОНа, возглавляемого Р.А. Орбели инициировать переход к экспедиционной практике, придавая деятельности организации повсеместную публичную огласку, тем самым вовлекая в процесс сохранения подводно-культурного наследия широкие слои советской общественности[209]. На фоне возрастающей научно-практической деятельности необходимо отметить, что с конца 1930 гг. у Р.А. Орбели завязывается деловая переписка с рядом археологов, чьи научные интересы пересекаются с затопленными памятниками истории, в т.ч. и с известным ученым-античником из МГУ им.Ломоносова, В.Д. Блаватским, будущим лидером советской подводной археологии.

В 1960 гг. в археологию был введен термин «Сабатиновская культура», относящейся к эпохе поздней бронзы. Обозначение культуры традиционно привязали к названию близлежайшего населенного пункта. Но в науку село Сабатиновка вошла несколько раньше. Полевой сезон 1937 г. решено было начать с проверки сигнала из Одесской области об обнаруженной близ села Сабатиновка деревянной лодки-однодеревки, древний возраст которой не вызывал сомнений[210]. Челн стал заметен с

---

[208] *Шапошникова Л.В.* Актуальность Пакта Рериха в современном мире // Культура и время. – 2005. – №4. – С.18.

[209] *Орбели Р.А*. Подводная археология // НиЖ. – 1939. – №8. – С.9.

[210] *Непомнящий Н., Низовский А*. Тайны кладов – М.: Вече, 2004. – С.89.

берега в результате обмеления реки Буг, однако желание извлечь находку силами местных активистов привело к разлому судна на две составляющее[211]. Орбели было известно, что близ Сабатиновки находилось первобытное селище, датируемое поздним периодом Каменного века, а также отрывочные данные о стычках в этом месте запорожских казаков с турецкими войсками в новое время. Прибыв на место, экспедиция, состоявшая из одной водолазной станции: водолазов Бурцева, Клюкина, Пузро, Рымарева и Токаревского, приняла характер спасательной операции: оторванная часть челна хранилась в сарае, оставшаяся в воде лежала в грунте, вверх килем, сильно заиленная.

От использования лопат благоразумно отказались. Очистить артефакт от нанесенных донных отложений решено было методом промывания грунта с синхронным подъемом его со дна талями, зафиксированными на двух устойчивых рыбацких лодках, с помощью которых находка была отбуксирована на мелководье[212]. Удачное применение помпового оборудования при расчистке объекта на долгие годы предопределило использование однотипных технологий на раскопах. После завершения подъема и согласования вопроса о дальнейшей судьбе памятника было принято решение о проведении лабораторных исследований челна в Ленинграде. Габариты однодеревки зафиксировали следующие: длина 6,81 м., глубина 0,86 м., ширина 0,72–0,8 м. Кормовая часть оборудована продольными разрезами под место для сидения, длиной 30 см, на расстоянии 79 см от края кормы, там же имелась поперечная скамья, из однородного материала, 8 см, на высоте 21 см. На носу был выполнен конусообразный выступ, диаметром 3 см, носящий, по всей видимости, эстетический характер[213]. Челн изготовлен

---

[211] *Линде Г., Бредшнейдер Э.* Из глубины веков и вод – Л.: Гидрометеоиздат, 1969. – С.14.

[212] *Окороков А.В.* История отечественной подводной археологии – М.: Кнорус. – 2008. – С.45.

[213] *Орбели Р.А.* Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древнегреческих городов на Черноморском побережье // Судоподьем. – 1945. – № 1(29). – С.146.

из цельного ствола дуба, методом вырубки и выжигания породы, наличие металлических деталей, технических узлов соединения и следов дополнительной обшивки обнаружено не было. Каких-либо останков парусного вооружения, или предметов, указывающих на применение мачтового снаряжения также не зафиксировано.

Анализ древесины проводила лаборатория Ленинградской Лесотехнической академии, под руководством профессора С.И. Ванина[214]. Благодаря впервые примененному физико-химическому методу, точность выводов оказалась достаточно высокой. Челн изготовлен из узкослойного дуба, возрастом в 380 лет, возраст дерева перекрывает рамки выдержки мореного дуба, и по совокупности сопоставленных фактов, дата постройки однодеревки относится к I тысячелетию до н.э. В настоящее время однодеревка экспонируется в Петербургском Центральном военно–морском музее, инвентарный № 30587. Долгое время челн считался старейшим представителем плавсредств коренного населения лесостепной зоны современной России, но в последнее время прошла информация о смещении возраста челна на отметку в 600 лет[215]. Принято, что введение в научный оборот новой датировки требует тщательной проверки, что мы надеемся и произойдет в ближайшее время.

Обращая внимание на лабораторные методы датировки необходимо осветить применяемые на тот период приёмы консервации. Наиболее щадящую сохранность поднятого артефакта при транспортировке добивались погружением находки в контейнер с водой. В процессе зарисовки фиксировались исходные данные: вес, размер, объем, общее состояние материала изготовления. Если памятник по габаритам не проходит в тару, использовался метод нанесения защитной

[214] *Ванин С.И.* Древисиноведение. – М. – Л.: Гослесбумиздат, 1949. – С. 315.

[215] *Журавлева Ю.Б., Чубур А.А*. Средневековое судостроение в Юго-восточной Руси // ВПА. – 2010.– №1.– С.26.

панцирной пленки, где одним из обязательных компонентов служит льняное масло. Дерево поэтапно высушивается, с целью избежать деформации, поры заполнялись переходными растворами на основе ацетона (антисептик). На выходе получали сильно пористую сухую древесину без видимых фактурных изменений. В дальнейшем артефакт пропитывается защитным химическим составом, полученным из канифоли, или камфары с плавленым воском, и смешанные с этиловым спиртом[216].

С завершением исследований на Буге, внимание Р.А. Орбели сконцентрировалось на, по его личному выражению «Советских Помпеях» – античных поселениях Черноморского побережья[217]. Анализируя остатки древнегреческих апокий, профессор в своих публичных размышлениях все больше расширяет орбиту взаимодействия человека и водного пространства, задаваясь уже не столько вопросом истории исследований мирового океана, сколько всей составляющей в плане социальной ответственности просвещенной современности: что сделали гидроархеологи для науки и что должны сделать в обозримой перспективе. Коллег по цеху профессор призывает рассматривать подводные памятники с точки зрения археологического источника, и исходя из особенностей нахождения каждого, отдельно взятого комплекса, прорабатывать профессиональную методику его раскопок. Методы эффективные при видимости близкой к нулю, вряд ли логично использовать при сильном течении, а раскопки затопленного водосборника не имеют не чего общего с исследованием затонувшего судна – на каждом памятнике необходимо разрабатывать собственные приемы.

[216] *Никитин М.К., Мельникова Е.П.* Химия и реставрация – Л.: Химия, 1990. – С.120.
[217] *Орбели Р.А.* Исследования и изыскания – М.: РечИздат, 1947.– С.40.

Деятельность Р.А. Орбели способствовала введению в научный оборот еще одного важного постулата, относящегося к самостоятельности подводной археологии, как к полноценной исторической дисциплине: главная задача археологии – подтверждение или опровержение предположений, или же устоявшихся исторических догматов, путем предоставления фактического материала. Юридический термин «континуитет», обозначающий непрерывность государственного образования в отдельно взятом регионе, несмотря на неоднократно сменяющийся политический строй, не случайно прижился в истории. На сухопутных раскопах, археологи становятся свидетелями резкой смены одной культуры другой на одном и том же памятнике, в силу того, что на смену любого расцвета обязательно придет кризис. В результате, раскапывая строение, можно проследить за изменением правил архитектуры и используемого материала, следовательно, и круг решаемых вопросов ограничивается имеющимися выводами. И эти выводы, во избежание ошибок, необходимо соотносить с результатами, полученными на раскопках однотипных памятниках. Подводная археология, изучая объект кораблестроения, погибший в море, исследует наследие определенной культуры и временного периода. Более четкая формулировка процесса, определяющего сохранившийся на дне корабль, наделена своеобразным термином «капсула времени», что позволяет с большой долей вероятности реконструировать не только сам памятник кораблестроения, но и изучить оригинальные предметы вооружения, судовой оснастки, личные вещи экипажа[218].

5 августа 1937 г. Ф.И. Крылов издал по ЭПРОНу приказ № 100, о необходимости проведения исследовательских работ близ городов

[218] *Кисельников А.Б.* Грузовые суда и организация морских перевозок в Средиземноморье в античную эпоху: дисс ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Кисельников Алексей Борисович – Саратов, 2009. – С.4.

Керчь, Феодосия, Херсонес и Ольвия[219]. Для обеспечения подводных спусков на раскопе, откомандировывались учащиеся Морского водолазного техникума, из числа согласованных с научным комитетом Экспедиции лиц. Общее руководство возлагалось на профессора Р.А. Орбели. Херсонесскую партию составили курсанты во главе с инструктором Бурцевым. В Ольвии водолазы Токоревский и Титаренко создали ориентировочный план древней гавани и высчитали примерную площадь[220]. Во время разведочных спусков в Феодосии обнаружили каменную кладку, напротив крепостной стены у Карантина, длиной порядка 50 м, и шириной до 7 м. Для определения датировки постройки на поверхность были подняты три строительных блока различного размера (длиной 40, 46 и 75 см)[221]. В районе Керчи работы велись совместно с гидрографической службой ЧФ, в последующем объект передали для разработки водолазам ОСВОДа.

По завершении полевого сезона, Р.А.Орбели продолжил формирование методологического базиса молодой дисциплины[222]. По мнению ученого, для полноценного цикла недостаточно иметь подготовленные кадры подводных археологов, необходимо организовать в недрах Академии Наук высшее научно-исследовательское заведение, призванное осуществлять мероприятия по охране памятников гидроархеологии. Продолжая мысль, Р.А. Орбели обратился с докладной запиской к руководителю АН СССР В.Л. Комарову, с целью создать музей Подводных изысканий, способного в своих недрах аккумулировать всю сложную и

[219] *Лаврухин В.Н.* Рабочий журнал поисковой группы подводных работ КИАМа за 1977 г. – Научный архив КИКЗ. – Опись 2. – Ед. хр. 739.

[220] *Березин А.А.* ЭПРОН на службе гуманитарной науки СССР // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – №1. – С.52.

[221] *Орбели Р.А.* Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древнегреческих городов на Черноморском побережье // Судоподьем. – 1945. – № 1(29). – С.166.

[222] *Зеленко С.М.* Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.25.

многообразную систему знаний и приемов подъема, обработки и хранения материала с «мокрых» раскопов[223].

Отдельное внимание Орбели акцентировал на необходимости создания карты акватории, на которой необходимо размещать объекты исторического значения. Каждый объект должен быть снабжен краткой справкой, повествующей о возрасте и характере памятника, его особенностях и перспективах. Картотека, являющаяся обязательным приложением к карте, способствует составлению четкой картины подводного наследия страны. С позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что за минувшие время карта так и не была создана. При современных технических возможностях наличие подобного документа будет объяснимо, при условии, что на карту будут наноситься только объекты, взятые под дистанционный контроль соответствующих органов, с целью исключить возможность несанкционированного проникновения на раскоп. Сама по себе идея не теряет актуальности, поскольку дает возможность наладить регулярный мониторинг состояния памятника, организовать полигон для прохождения практики студентами, или создать музейную инсталляцию для привлечения коммерческих туристов.

Параллельно исследованиям на Черном море, археологические раскопки осуществлялись на Каспии. Под эгидой Академии наук Азербайджанской ССР, в 1939 г. были проведены первые погружения, осуществленные благодаря инициативе Е.А. Пахомова[224] и И.М. Джафарзаде. Последний в 1929 г. стажировался в Ольвийской экспедиции, на Черном море, где воочию убедился в необходимости

[223] *Таскаев В.Н.* Античная подводная археология Северного Причерноморья – М.: Воронцовка-21, 2010. – С.29.

[224] *Пахомов Е.А*. Обследование развалин крепости в Бакинской Бухте // Известия Азербайджанского филиала АН.– 1940. – №6. – С.116–117.

комплексного исследования фундаментальных памятников[225]. Результатом экспедиции оказалось обнаружение 636 фризовых плит, украшенных хорошо сохранившимися рельефными надписями, орнаментированными зооморфными мотивами. Комплекс получил название «Сабаильский замок»[226]. В результате расшифровки надписей, удалось установить имена зодчих и время постройки, относящиеся ко второй четверти XIII в., отсутствие бытовых следов подтвердило мнение о постепенном затоплении архитектурного ансамбля.

Последующий анализ позволил сформировать версию, доказывающую, что с момента функционирования замка, уровень в Каспии поднялся на два метра, перерезав перешеек с материком[227]. Также отмечается очевидная архитектурная преемственность с памятниками в прибрежной полосе[228]. Дополнительным аргументом сказанного служат изыскания, проводимые на обнаруженном в 1939–1940 гг. при строительстве дамбы в Апшеронском проливе на глубине 1,5 м. скифского некрополя. Со дна подняли 9 каменных саркофагов, длиной 240 см каждая, с останками рослых воинов. Как известно, скифская традиция ингумации не предполагает погребение усопших в воде[229]. Схожие по методике работы проводились в этот период в дагестанском Дербенте, где на глубине 1,3–1,5 м. при обследовании крепостных стен в пределах пляжа была обнаружена поперечная каменная кладка, первоначально принятая за фрагменты волнолома[230].

В период 1919–24 гг. археологи Б.А. Кухтин и Б.С. Жуков проводили раскопки неолитической стоянки на Святом озере, в

---

[225] *Исмизаде О.Ш*. К 70-летию Исаака Мамед Риза оглы Джафарзаде // СА. – 1966. – №1. – С.109.

[226] *Квачидзе В.А., Мамедов Р.А*. Гидроархеологические исследования поселения Бяндован // АИ’1971. – М.: Наука, 1972. – С.489.

[227] *Чернов А.А.* Служба «Каспийской Атлантиды» // Всемирный следопыт. – 1978. – №12. – С.31.

[228] *Алиев Д.И.* Маяки и башни Апшерона // ВПА. – 2015. – №6. – С.11.

[229] *Чернов А.А*. Служба «Каспийской Атлантиды» // ВС. – 1978. – №12. – С.31.

[230] *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С*. Подводные археологические исследования в акватории Дербента. // Проблемы истории, филологии, культуры: сб.науч.тр. – Магнитогорск, 2002. – С.404.

Подмосковье. Вдоль берега была прокопана траншея длинной 12 м., стратиграфия показала мощность культурного слоя 80 см, археологический материал, отождествляемый с Льяловской культурой извлекался из-под воды. Стоянка датируется серединой II тысячелетия до н.э. После обработки находки были переданы в Антропологический музей МГУ. К результатам экспедиции вернулись несколько позднее, при раскопках близлежащих памятников[231]. В 1936 г., близ городка Спасск-Рязанский, на берегу Оки, обнаружили деревянный челн, частично выступающий из воды. Находка имела длину 5,5 м., диаметр достигал 0,7 м., вес 516 кг. Высота борта 0,4–0,5 м., грузоподъемность 350 кг. Челн выполнен по хорошо известному методу из разделенной на две составляющие колоды от целого бревна, с тремя независимыми отсеками, с переборками, изготовленными по монолитной технологии. Гибель лодки объясняется механическим повреждением правого борта. В заиленных донных отложениях челн хорошо сохранился[232]. В 1938 г. в региональной прессе Орловской области было опубликовано сообщение об обнаруженном челне, чей древний возраст не вызывал сомнения. Находка располагалась в береговом срезе реки Десна, в черте города Брянска, напротив здания бывшего Галерного Двора. Общественная группа краеведов, возглавляемая педагогом С.А. Деевым, инициировала через ИИМК приезд профессора Орбели. В Брянск эпроновцы прибыли летом 1939 г., и с разочарованием констатировали факт отсутствия памятника. Как показало расследование, лодку уничтожили подростки: используя судно, как трамплин для прыжков в воду, пионеры раскололи челн, а обломки пустили в костёр для обогрева[233].

[231] *Сидоров В.В.* Стоянки на озере Святом у Шатуры // СА. – 1975. – №3. – С.107–117.

[232] *Журавлева Ю.Б., Чубур А.А*. Средневековое судостроение в Юго-восточной Руси // ВПА. – 2010.– №1.– С.32.

[233] *Орбели Р.А.* Исследования и изыскания – М.: РечИздат, 1947. – С.49.

В 1926 г. востоковед П.П. Иванов, в ходе комплексного изучения археологии Средней Азии[234], обследовав северо-восточное побережье Иссык–Куля. Ученый создал план археологического комплекса,[235] в котором остатки строений и предметов быта тянулись вглубь озера на 2 км, при фронтальной ширине порядка 600 м[236]. Объективно говоря, проводимое картографирование носило условный характер – известный из физики эффект светового преломления увеличивает наблюдаемый в толще воды предмет примерно на 1/3[237]. В 1939 г. на озеро прибыло подразделение водолазов-исследователей ЭПРОНа, с целью осуществления разведочных погружений для более четкой локализации археологического комплекса, и обследование дна ориентируясь на данные краеведов, знавших, где местные жители время от времени выуживают археологические ценности. Но погружения не удалось организовать по причине отсутствия плавательных судов требуемой мощности[238]. Сотрудниками Экспедиции был предпринят ряд попыток проведения исследований на иных водоемах, которые по ряду объективных причин, чаще исключительно технического характера, закончились вхолостую[239]. С началом войны ЭПРОН был передан в штат ВМФ, с целью пополнения аварийно-спасательной службы.

Подорвав здоровье в блокадном Ленинграде, Р.А. Орбели, эвакуировался в Москву, но оправиться уже не смог, и скончался в 1943 г.[240]. Отдавая должное научному наследию ученого, президент АН СССР С.И. Вавилов в некрологе отмечал, что Р.А. Орбели оставил после себя

---

[234] Труды Архива востоковедов Института Восточных рукописей РАН / под редакцией И.Ф. Поповой – М.: издательство Восточная литература, РАН, 2011. – С.136.

[235] *Винник Д.Ф.* 50 лет Советской археологии в Киргизии // СА. – 1967. – №4. – С.80.

[236] *Иванов П.П.* Очерк по истории каракалпаков – Архив востоковедов ИВР РАН, фонд 124.

[237] *Соколов О.А.* Видимость объектов под водой // СП. – 1969. – №20. – С.38.

[238] *Плоских В.В.* Из истории гидроархеологических исследований на озере Иссык–Куль // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2012. – №4. – С.23.

[239] *Березин А.А.* ЭПРОН на службе гуманитарной науки СССР // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – №1. – С.51.

[240] *Следков А.Ю., Мандрик М.В.* Рубен Абгарович Орбели: к 140-летию со дня рождения // ВПА. – 2019. – №10. – С.35.

огромный труд научно-исторических загадок и подводных пространств[241]. Не пережил блокаду и преподаватель ЛГУ П.П. Иванов, работавший в среднеазиатском регионе, в т.ч. и на Иссык–Куле.

В 1944 г., при прямом участии В.Д. Блаватского, в МГУ состоялась защита диссертации вернувшегося из ссылки К.Э. Гриневича, посвященная оборонительной системе Херсонеса. В подводную археологию ученый больше не вернулся, проводя дальнейшую научно-педагогическую деятельность в ряде провинциальных ВУЗов[242]. В 1953 г., в результате широкой амнистии К.Э. Гриневичу позволили устроиться в Харьковский университет, где он возглавил кафедру Древней истории и археологии, в недрах которой ему удалось воспитать достойного продолжателя традиций – В.И. Кадеева, будущего доктора исторических наук[243].

В 1938 г. И.М.Джафарзаде назначили на должность директора музея Истории Азербайджана. Е.А. Пахомов возглавлял кафедру в Бакинском университете, и был избран членом-корреспондентом АН Азербайджанской ССР. Большую часть своей нумизматической коллекции, насчитывающей более 46 000 единиц монет ученый передал в фонды музея республики[244].

После победы использование ЭПРОНа в своем привычном существовании в интересах науки не практиковалось, поскольку эксплуатация техники для погружений уже не требовала присутствия в археологии водолазов, а история АСС ВМФ стала развиваться по собственному сценарию[245].

---

[241] *Аствацатуров А.Е.* Жизнь и труды академики Л.А.Орбели (посвящается 130-летию со дня рождения) // Вестник РАМН. – 2012. – №2. – С.69.

[242] *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. – М.: Знак, 2006. – С.216.

[243] *Кадеев В.И.* Годы студенческие //Харківський історічний збірник.– 2012.–№11.– С. 234.

[244] *Гафарова Г.Н.* Основоположники музейного дела в Азербайджане // Вопросы музеологии. – 2013. – №2. – С.87.

[245] *Карев В.А.* Морской АСС России 50 лет // Морской флот. – 2007. – №1. – С.14.

Подводя итог рассматриваемому периоду развития отечественной школы подводной археологии, прежде всего, необходимо отметить целостную позитивную тенденцию успешной деятельности тандема ученых и водолазов, когда при прямой поддержке органов власти, была апробирована идея о привлечении механизмов госаппарата для реализации вопросов научного характера. Благодаря прямому государственному участию, с первых же шагов удалось создать автономную крупную организацию, замкнувшую на себя весь научно-исследовательский комплекс с целью реализации поставленных задач. Монопольное право одной организации на проведение исследовательской деятельности в момент зарождения нового научного течения, по мнению большинства историков, сыграло исключительно положительную роль в становлении подводной археологии.

Эксплуатация современных на тот момент образцов снаряжения и унификация под его возможности специальных методик, позволили значительно расширить рамки подводно-археологических исследований, перейдя от фиксации случайно обнаруженных или имеющих четкое географическое письменное описание памятников к планомерному поиску объектов с дальнейшим проведением полного цикла всех необходимых мероприятий для наиболее безболезненного сохранения памятника. Вне всякого сомнения, как и любое начинание, подводная археология не обошлась без ошибочных действий, но главная задача, поставленная наукой перед исследователями, была достигнута – от теоретической необходимости проведения раскопок ученые смогли перейти к практическому применению разработанных методов, обосновано доказав наукоёмкость дисциплины.

1.2. Институциональные формы и методические новации в морских подводно-археологических исследованиях

Вторая половина XX в. характеризуется прежде всего качественно иным изменением технической составляющей проведения археологических исследований, и символизируется абсолютно новым подходом к решению задач, связанных с подводными погружениями. Развернувшиеся боевые действия на море в ходе Второй мировой войны, способствовали распространению малоизвестных широкому кругу видов снаряжения, не вызывающих доверие в мирное время, но доказавших на практике свое право на жизнь при выполнении боевых задач[246]. С конца 1920 гг., француз Луи де Корле занимался усовершенствованием техники плавания под водой. Имеющееся снаряжение позволяло передвигаться пешком по дну, горизонтально нырять можно было только на задержке дыхания. В отличие от классических стилей спортивного плавания на поверхности, в толще воды движения рук только быстрее физически выматывают пловца, нежели придают ему дополнительную скорость и устойчивость. С течением времени удалось вывести наиболее прагматичное положение пловца – вытянутое, для наименьшего сопротивления воде, тело, руками вперед, и повторное чередование коротких взмахов ногами, для придачи двигательной силы. Прообразы современных ласт появились еще в доисторическую эпоху, в племенах, занимающихся прибрежным рыбным промыслом. Луи де Корле, в 1933 г. изготовил пробный экземпляр, выполненный из долговечной вулканизированной резины и имеющий прекрасные

[246] *Боровиков П.А.* Подводная пехота. – М.: Нептун, 2015 – С.296.

ортопедические характеристики, позволяющие развивать под водой достаточную скорость при умеренных физических нагрузках[247].

В 1938 г. французский изобретатель Максим Форье запатентовал ставшую классической на сегодня лицевую маску для подводного плавания, закрывающую не только глаза, но и нос. К маске прилагалась трубка для дыхания, крепившаяся к ремешкам, и имеющая, выведенную опытным путем, длину порядка 35 см, для наиболее комфортного дыхания. Использование обычных очков для плавания при погружениях неприемлемо по причине возрастающего болезненного давления на глазную роговицу, закрытый же в подмасочном пространстве нос, при выдохе, позволяет уравновешивать избыточное давление, а широкая, относительно очков, площадь стекла даёт возможность при резком выдохе прочищать маску от скопления воды.

В начале 1940 гг. американский физик Хью Брандер, работавший над вопросом сохранения тепла водолазами при погружениях, отказался от доминирующего на тот момент принципа функционирования водолазного костюма, при котором подводному пловцу необходимо надевать теплосберегающее шерстяное белье, с дальнейшим облачением в громоздкий, водонепроницаемый резиновый комбинезон. Ученый предложил использовать пористый (неопреновый) мягкий материал, который в сухом состоянии пропускает под себя небольшое количество воды, после чего мокрые поры расширяются, и подача воды прекращается. Жидкость, попавшая под костюм, нагревается от температуры тела пловца, тем самым аккумулируя тепло, и спасая от переохлаждения.

Но наиболее важное изобретение было совершено в 1944 г. в оккупированной нацистами Франции, когда офицер ВМС Жак Ив Кусто

[247] *Айбулатов Н.А*. Вижу дно – М.: Наука, 2006. – С.171.

и морской инженер Эмиль Гальян запатентовали своё изобретение – акваланг[248]. Произошел поистине революционный шаг в вопросе исследования мирового океана, открывающий двери подводного мира любому физически здоровому человеку. Основное отличие новинки от имеющихся аналогов водолазного снаряжения – абсолютная автономность, доступность в эксплуатации, простота в обучении и легкость самого снаряжения[249]. Баллон под давлением забивается воздухом, и через двухступенчатый редуктор подается для дыхания человеком. Экспериментально удалось выяснить безопасный от азотного отравления предел погружений – 40 м. При этом необходимо учитывать: чем глубже опускается аквалангист, тем меньше времени он может находится под водой.

Также, в 1936 г. главный инженер шведской компании «Svenska Rotor Maskiner» Альф Линсхольм усовершенствовал классическую на сегодня схему винтового компрессора (объемного нагнетателя), что в дальнейшем позволило обеспечить мобильным воздухозаправщиком предприятия без привязки к электрическим сетям, тем самым значительно упростив возможность автономности экспедиций.

В 1953 г., по постановлению Совмина, в подмосковном Орехово–Зуеве было организовано Конструкторское бюро Кислородного Оборудования, где в скором времени приступили к запуску в производство первого отечественного акваланга АВМ-1 (автономный-воздушный-морской), спроектированного инженерами Ю.В. Китаевым и А.И. Солдатенковым, за основу конструкторами разработки был взят положительно зарекомендовавший себя, аппарат Гальяна-Кусто. Практическая апробация новых видов снаряжения и оборудования решили наконец главную проблему подводной археологии, очевидную с

[248] *Кусто Ж.И.* В мире безмолвия – М.: АСТ–Астрель, 2003 – С.7.

[249] *Томан И.Б.* Первооткрыватель океанских глубин // Современные проблемы сервисы и туризма. – 2008. – № 4. – С.4.

момента осуществления первых практических изысканий – с аквалангом под воду мог пойти профессиональный историк, а не далекий от гуманитарных идей водолаз.

Континентальные поверхностные воды, влияющие на изменение ландшафта, выразительная архитектура прибрежных пространств, несущие в себе напластование археологических культур, таят огромный арсенал неисследованных памятников. С течением времени изменяются русла рек, обрушиваются берега, обнажая давно забытые свидетельства пребывания человека. И если в годы российской империи о подобных природных изменениях упоминали вскользь, то в советское время, с развитием гидрогеологии внимание к вопросам изменения уровня воды и донных напластований начали изучать систематически и более углубленно[250].

Самым значительным направлением отечественной археологической науки является наследие Северного Причерноморья. Неослабевающий интерес к региону в общемировой исторической мысли объясняется наличием огромного поля для исследовательской деятельности, вызванный разноплановостью исследуемых источников и характера их интерпретации[251]. Сказанное позволяет с уверенностью говорить: наличие у России исторического наследия черноморского побережья предопределило своевременное возникновение и дальнейшее развитие подводной археологии.

В середине 1950 гг. на историко-филологическом факультете МГУ им.Ломоносова, преподаватель В.Д. Блаватский, инициировал создание экспериментальной подводно-археологической группы[252]. Профессор В.Д. Блаватский в 1920 гг. являлся постоянным участником Ольвийской

[250] *Двойченко П.А*. Письмо к К.Э.Гриневичу от 17.10.1930 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 453.

[251] *Березин А.А.* Военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье в I веке // Вестник Чувашского Государственного Университета. – 2012. – №2. – С.4.

[252] *Блаватский В.Д*. О подводной археологии // СА. – 1958. – №3. – С.35.

экспедиции Б.В. Фармаковского. В процессе полевых изысканий учеными отмечалась острая необходимость в осуществлении подводных поисков наряду с классическими методами полевой археологии. В общем-то выводы, уходящие корнями еще в XIX в.[253]. В предвоенные годы, когда деятельность ЭПРОНа приняла всесоюзную известность, В.Д. Блаватский вел служебную переписку с Р.А. Орбели, что нами отмечалось в разделе 1.2. первой главы. Как видно, годы научно-практической деятельности только укрепили В.Д. Блаватского в мысли о необходимости проведения подводно-археологических исследований в Черноморском регионе.

В 1956 г., в Центральном морском клубе ДОСААФ, сформировали первую секцию подводных пловцов под руководством опытного офицера-подводника Н.В. Тимофеюка[254]. Когда новость, подогреваемая научными рецензиями на успехи западных коллег, докатилась до МГУ, в клуб откомандировали положительно зарекомендовавших себя студентов Б.Г. Петерса, И.П. Смирнова, Г.А. Кошеленко и Ю.А. Савельева, замыкал пятёрку недавно демобилизовавшийся моряк, племянник профессора, А.В. Блаватский. Обучались студенты на хорошо зарекомендовавших себя в годы войны ребризерах замкнутого цикла – ИПСА (изоляционный подводно-сухопутный аппарат), дающий возможность на глубине до 20 м. проводить под водой 2–2,5 часа[255]. Эксплуатация «ипсашки» требует определенной сноровки: аппарат снабжен единственным шлангом, где на вдохе циркулирует чистый кислород, а на выдохе углекислый газ, как следствие, при недостаточной подготовке системы к циклу дыхания, пловец, повторно вдыхая углекислый газ, рискует потерять сознание. Сложность устройства

[253] *Назаров В.В*. Во владениях Понтарха // Летопись Причерноморья. – 1999. – №1. – С.17.

[254] *Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А*. Открытие затонувшего мира. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С.73.

[255] *Боровиков П.А*. Водолазы Великой Отечественной – М.: Нептун, 2013. – С.164.

кислородоподающего механизма и травящее-предохранительных клапанов, привело на занятиях в акватории Москвы-реки, к обмороку одного из курсантов. Обошлось, к счастью, без последствий, но соответствующие выводы о недопустимости халатного отношения к осваиваемому ремеслу были сделаны.

Н.В. Тимофеюк осуществлял тренировки в бассейне с творческим подходом, в программу были включены следующие упражнения: ныряние в ластах с задачей проплыть не менее 15 м. и снять сигнальные флажки с натянутого по дну троса, на старте и финише; навигация по компасу, раскладка фишек на дне в четкую геометрическую фигуру (раскоп); проныривание в притопленный гимнастический обруч (иллюминатор корабля) с задачей не задеть внешний контур, дабы не повредить кислородные шланги. В акватории Москвы-реки курсанты учились зависать над объектом, не поднимая мути, ориентироваться и выполнять работы в условиях плохой видимости. Уместно будет упомянуть о ряде упражнений, относящихся к общей технике безопасности и изучению сигналов в процессе погружений[256].

В 1957 г., возглавляемая В.Д. Блаватским Пантикапейская экспедиция ИА АН пополнилась подводным отрядом[257]. Помимо прошедших подготовку в ДОСААФ археологов, в состав подразделения была включена группа учащихся МАИ. Дыхательных аппаратов было недостаточно, а обращаться с ними могли только лица, имеющие опыт погружений. При решении проблемы дефицита инженерная мысль студентов привела в скором времени к изготовлению собственных аквалангов, на базе штатных огнетушителей. Несмотря на явное пренебрежение техникой безопасности, по воспоминаниям

[256] *Шестаков В.П.* А прошлое ясней, ясней, ясней. Воспоминания шестидесятника. – СПб.: Нестор – История, 2008. – С.98.

[257] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея и подводных археологических работах в Керченском проливе в 1957 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1500.

Н.М. Лосевой, в экспедиции была строжайшая дисциплина, и свои особенности: из-за перегрузок, связанных с погружениями, обильным потовыделением, и как следствие, необходимостью потребления воды, больше обычного, каждое утро начиналось для археологов с кусочка каменной соли[258].

Экспедиция носила пробный характер, «разведка боем», как окрестили её сами участники, вчерашние фронтовики. При выполнении погружений был апробирован метод радиусного (кольцевого) поиска. Шлюпка, обеспечивающая спуски, жестко фиксировалась в точке пересечения двух береговых ориентиров, гарантировавшая четкую картографическую привязку квадрата поиска, под воду уходила пара легководолазов, осуществляющая визуальный осмотр донной поверхности, по спирали, на страховочном конце, достигавшим 40 м. Следующим этапом центр поиска смещался на край окружности, и обследуя новый район, аквалангист параллельно проверял и четверть площади предыдущего[259]. Один из сотрудников первого отряда В.Д. Блаватского, профессор С.С. Прапор в частных беседах часто вспоминал о спартанских условиях экспедиции: дефицит пресной воды, бытовой аскетизм, но главная сложность: отсутствие электричества, что не дает возможности забивать баллоны стационарным компрессором, а поиск и доставка ГСМ для мобильного аппарата сродни голливудских вестернов[260].

Результаты дебютной экспедиции имели далекие административные последствия: моряки-пограничники, наблюдавшие за спусками, сообщили по инстанции о недопустимости использования самодельного оборудования, ставившего под угрозу жизни и здоровье

---

[258] *Шавырина Т.Г.* Память сердца. [Электронный ресурс] // Материалы фонда «Вольное дело» Историко культурное наследие Кубани. Оф.сайт. URL: http://www.gipanis.ru/?level=1379 (дата обращения 16.I.2017).

[259] *Окороков А.В.* История отечественной подводной археологии – М.: Кнорус. – 2008. – С.52.

[260] *Прапор С.С.* Пятьдесят лет в подводной археологии // Нептун. – 2011.– №6. – С.92.

участников погружений. Дабы впредь избежать подобных экспериментов, на уровне горкома ВЛКСМ Москвы, при участии представителей Флота, в ходе разбирательств, была принята следующая схема: сертифицированный аквалангист, студент МЭИ, А.В. Блаватский, ведущий на общественных началах институтскую археологическую секцию, на штатах кружка организовывает первый в Советском союзе самодеятельный клуб подводного спорта. Для технического обеспечения новой организации, по линии столичного отделения ВЛКСМ будут переданы недавно запущенные в серию на Луганском заводе горноспасательной техники аквалангы марки «Украина», разработанные конструктором А.И. Гнаммом[261]. Инструкторами клуба выступали действующие сотрудники столичного Центрального морского клуба ДОСААФ, руководству экспедиции категорически запрещалось осуществлять спуски подводников, не прошедших специальную подготовку, не имеющих удостоверения пловца-аквалангиста и врачебный допуск, а самое главное – все погружения должны проходить при непосредственном участии медицинского работника-физиолога.

Сезон 1958 г. отличался более четкой практической подготовительной работой: к сотрудникам экспедиции добавились врач Ф.А. Михайловский и научный консультант, доцент истфака МГУ В.И. Кузищин. Были созданы бытовые условия для функционирования кабинета камеральной обработки. Целью исследований стала акватория знаменитой Фанагории[262], что послужило толчком для более детального изучения хронологии жизни полиса, его археологического наследия и привязки к современной береговой линии[263]. Главной задачей исследователи ставили перед собой определение внешних границ

[261] *Киклевич Ю.Н.* Подводный Донбасс // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2009. – №1. – С.125.

[262] *Кузищин В.И.* Археологическое обследование подводной Фанагории // Вестник МГУ. – 1959.– №4.– С.44.

[263] *Блаватский В.Д.* Отчет о подводных разведках 1958 г.– Архив ИА РАН.– Ф.1.Р.1. № 1833.

памятника и их фиксацию[264]. Для реализации поставленных задач археологам потребовалось три полевых сезона, в ходе которых на практике были проработаны методы исследований разработанные с условием применения автономных аквалангов и работы археологов попарно[265].

По оценке В.Д. Блаватского площадь затопленной части полиса составляет 17 Га, при общих размерах в 50 Га. Однако исследования текущих лет призывают к корректировке площади затопленной части памятника[266]. Практические выводы профессор В.Д. Блаватский подкрепляет известными данными письменных источников, утверждающих, что на Боспоре этот город был вторым по величине, являлся крупным административным и экономическим центром, и заметно выделялся своей масштабностью на общем фоне архитектурной застройки всего региона. Отчасти, расчеты ученого строились, опираясь на обнаруженную каменную гряду, которая фрагментарно протянулась по окружности, огибая город на 240 м. мористее[267]. Архитектура оборонительных сооружений представляла из себя забутованную стену, достигающую у основания ширину от 6 до 14 м. Культурный слой за городской чертой не обнаружен, напротив, по отношению к внутренней части, уровень дна за грядой резко понижался на 1–1,5 м., что для пологого Таманского залива выглядит неестественным, и подразумевает искусственное происхождение. При осуществлении работ на объекте, археологами был разбит раскоп 4х4 м., границы которого выполнены в виде деревянной рамы, зафиксированной на дне, для размывки грунта

[264] *Амелькин А.О., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е*. Фанагория подводная. – Воронеж, ППТР «Петр», 2003. – С.5.

[265] *Блаватский В.Д*. Отчет о подводных раскопках Фанагории в 1959 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1937.

[266] *Кузнецов В.Д., Ольховский С.В*. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015) // Фанагория. Результаты археологических исследований...Том IV: сб.науч.тр. – М., 2016. – С. 349.

[267] *Блаватский В.Д., Кузищин В.*И. Подводные разведки древней Фанагории // Вестник АН СССР. – 1959. – №1. – С.84.

использовалась грунто-отсасывающая установка ПЗУ-4, закрепленная на одной из лодок. Дабы облегчить работу помпы, грунт внутри раскопа необходимо взрыхлить на 0,2–0,3 м., извлекая крупные фрагменты, и проверяя руками слой за слоем. Выдаваемый установкой поток грязи и камней просеивался на закрепленной между лодками решетке, под контролем специалистов. При достижении глубины более метра по отношению ко дну, нависла опасность обрушения стенок, при работе на поселениях это чревато перемешиванием культурного слоя. Проблема решилась дополнительным укреплением стенок раскопа за счет уменьшения его площади до 2,5 м. по каждой стороне, но при этом борта были выполнены в форме опалубки, где пустоты заполнялись камнями, по принципу копки колодцев, когда опалубка под собственной массой уходит вниз, вслед за копающим. Материковый пласт достигался на глубине 1,2–1,4 м., после выемки грунта раскоп переносился, согласно схемы. Выводы подтвердили, что уровень воды в море поднялся не менее, чем на 4 м[268].

В дальнейшем, на Фанагории работал отряд специалистов из Воронежа, под руководством А.О. Амелькина и В.Н. Латарцева. Археологи проводили батиметрическую съемку затопленной части городища и каменных кладок. Дойдя до известного слоя плотно утрамбованной глины насыщенной фрагментированной керамикой с органическими и зольными примесями, современная профессиональная техника отказалась качественно работать, и подводным археологам пришлось вспоминать «прием от Блаватского», с рыхлением грунта на штык лопаты[269].

[268] *Кузнецов В.Д., Ольховский С.В*. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015) // Фанагория. Результаты археологических исследований…Том IV: сб.науч.тр. – М., 2016. – С. 326.

[269] *Кармазина О.В., Селезнёв Ю.В*. Разработка и использование А.О.Амелькиным методики регулярных подводных раскопок на затонувшей части Фанагорийского городища// Подводное культурное наследие...: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.46.

Впоследствии В.Д. Блаватскому удалось сделать определенные выводы: подъемный материал культурного слоя ограничивался IV в. до н.э., но первые упоминания о поселении относятся к VI столетию, следовательно, своего наибольшего территориального расцвета город достиг через двести лет после возникновения. Материал с раскопов ограничивался каменными зернотерками и огромным количеством фрагментов керамики различных эпох, функционального предназначения, культуры изготовления и мест производства[270]. Практические работы помогли ввести в научный оборот стратиграфию региона: в середине I тысячелетия до н.э. уровень Черного моря был ниже современного на 3–4 м., в указанный период регрессии и были возведены прибрежные кварталы города, но в начале I тысячелетия н.э. срез водной поверхности вновь начал расти, что привело к миграции населения. Масштабные раскопки, осуществляемые позднее подтвердили доводы о застройке затопленной нынче части города не раньше IV в. до н.э.[271]. Новаторство В.Д. Блаватского по мнению Л.С. Клейна позволило в отечественной археологии оперативно апробировать методики Ж.И. Кусто по изучению подводных памятников истории, наделив исследования подобного характера научным смыслом и содержанием[272]. Современные специалисты уделяют высокое значение результатам деятельности предшественников[273].

Параллельно происходящим событиям, в декабре 1959 г. в Москве была создана Федерация Подводного Спорта (ФПС) СССР, призванная консолидировать разрозненные, самобытно организовавшиеся клубы подводно-прикладного характера. Федерация играла роль куратора

---

[270] *Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О.* Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 годах // ДБ. – 2003. – №6. – С.154.

[271] Фанагория. / Под общ. ред. В.Д.Кузнецова. – М.: Северный паломник, 2008. – С.41.

[272] *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. С. 409.

[273] *Амелькин А.О., Попов Д.А.* Археологические исследования затопленной части Фанагории // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.32.

подготовки спортсменов-международников по водным неолимпийским видам спорта и выступала стратегическим кадровым резервом для научных организаций, занимающихся проблемами изучения мирового океана. Администрация ФПС в кратчайшие сроки стандартизировала правила обучения и поведения аквалангистов на воде. Были разработаны рекомендации по уходу и обслуживанию оборудования, опубликованы разъяснения физиологических особенностей человеческого организма при нахождении в чуждой для него среде, к единому знаменателю приведены таблицы жестикуляционных знаков и сигналов, которыми следовало общаться друг с другом под водой. Выпустили памятки о безопасном осуществлении погружений – свойство течений, регламент приливов и отливов, опасные морские животные и растения, риски при плавании на судоходном фарватере и т.п. Все это несло в себе здравую идею максимально обезопасить человека при погружениях с аквалангом. В скором времени ФПС вошла в состав созданной в 1958 г. Всемирной конфедерации Подводной деятельности (CMAS) под руководством Ж.И. Кусто в качестве постоянного действующего члена[274], и ратифицировала международную конвенцию об охране подводного природно-культурного наследия[275].

Первая половина 1960 гг. для экспедиции В.Д. Блаватского отмечается расширением географии исследований, чему способствовал накопленный опыт предыдущих сезонов, постоянное пополнение экспедиции подготовленными участниками, в том числе и представителями смежных специальностей: художников, чертежников, географов, океанологов, гидроинженеров. Власти также не оставались в стороне, в скором времени на баланс экспедиции поступила шефская

[274] *Сташевский В.Г.* КПДР и подводная археология // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.25.

[275] *Вышкарцев Д.И.* К проблемам морского наследия России // Вестник ДВО РАН. – 2011. – №1. – С.150.

помощь Черноморского флота – выведенный за штат минный тральщик «Лещ», переоборудованный под опытное судно с гидроэжектором, что позволило работать уже вне береговой черты, без привязки к базовому лагерю[276].

Погружения в Судакском заливе дали обильный керамический материал, зафиксированный в 1958 г. группой ленинградских туристов. В 1962 г. команда В.Д. Блаватского в составе 14 человек работала близ Белгород–Днестровского, на раскопках античной Тиры, здесь археологами было обследовано порядка 2 Га дна, взяты пробы грунта и измерена мощность культурного слоя, проведено картографирование[277].

В рассматриваемый период археологическим отрядом были проведены разведочные погружения в Таганрогском заливе, на Азове. Согласно полевому дневнику, под водой была обнаружена керамика VII–VI вв. до н.э. в акватории города Мариуполь (Жданов), а также в Керченском проливе, где еще ранее были зафиксированы остатки парусного судна[278]. Находки, поднятые с парусника, помогли его идентифицировать как военное судно XVIII–XIX вв., однако дальнейшую историю корабля проследить не удалось в силу отсутствия письменных упоминаний о кораблекрушении[279].

Обратив внимание на упоминание военными водолазами о наблюдаемых больших развалов керамического боя в районе Карантинной бухты, археологи выполнили разведочные погружения с целью проверки информации[280]. Здесь был использован положительно зарекомендовавший себя на Фанагории метод, когда шлюпка вставала в

---

[276] *Зеленко С.М.* Итоги исследований подводно-археологической экспедиции КГУ им.Шевченко на Черном море в 1997–1999 годах // Восточноевропейский археологический журнал. – 2000. – №2. – С.224.

[277] *Блаватский В.Д.* Подводно-археологическая экспедиция 1962 г. // СА. – 1965. – №1. – С.274.

[278] *Блаватский В.Д.* Отчет Подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2403.

[279] *Петерс Б.Г., Смирнов И.В.* О новейших подводных археологических работах. // ВДИ. – 1961. – №3. – С.164.

[280] *Блаватский В.Д.* Отчет о работе археологической экспедиции в районе Херсонеса в 1960. – Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Дело № 775.

точку пересечения береговых ориентиров, а аквалангисты по спирали обследовали дно вокруг лодки. На месте скопления керамики выбрасывался буй, позволяющий перенести координаты находки на карту, развал зарисовывался, образцы для датировки поднимались на сушу, прилегающая территория тщательно обследовалась. Полевые исследования в данном районе проводились В.Д. Блаватским и в последующие сезоны[281].

Профессор Р.А. Орбели, обосновывая перспективы развития отечественной школы подводной археологии, говорил о создании специализированных учебных дисциплин, способных готовить высокопрофессиональные кадры для отрасли. Советская образовательная система распределяла потоки обучающихся в зависимости от потребностей плановой экономики и не способствовала введению новых учебных номенклатур без изменений рынка занятности населения. Профессор В.Д. Блаватский о подобных сложностях догадывался, но идею о создании новой профессии не оставил. В результате, на историческом факультете МГУ была предпринята попытка запуска экспериментальной учебной группы по специальности «подводная археология». Первые участники экспедиции: Б.Г. Петерс и И.П. Смирнов в 1960 г. в ходе проекта удачно защитили дипломные работы по подводной археологии. К сожалению, И.П. Смирнов в скором времени скончался от рака, а Б.Г. Петерс, свою сознательную жизнь посвятивший рассматриваемой теме, оказался на всю страну единственным дипломированным подводным археологом[282]. Эксперимент пришлось свернуть на начальном этапе по причине серьезных расхождений с системой распределения специалистов: планирование не предполагало выпускать каждый год по одной группе

[281] *Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.* Отчет о работе Азово-Черноморской подводной археологической экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1 Р.1. №2641.
[282] *Блаватский А.В*. Из истории одного КБ // ВПА. – 2012. – №3. – С.92.

(порядка 30 студентов) подводных археологов, в силу дальнейшего обязательного трудоустройства, согласно законодательству. Выпускников необходимо было наделить рабочими местами по профилю, а отрасль, даже с учетом прогнозируемого роста, не нуждалась в таком ежегодном притоке специалистов. Кулуарные доводы инициаторов, приводивших в пример распределение выпускников военных училищ во флотские разведпункты, где легководолазы также не требовались каждый год, и группы для спецназа ВМФ набирались в училище раз в четыре года, воздействия не имели.

В.Д. Блаватский очень тонко почувствовал момент, когда он с воспитанниками находился на гребне проявляемого к ним всестороннего интереса: если в 1957 г. инициативы ученого подверглись жесткой критике за самодельные аквалангы, то уже через три года ему безоговорочно был выделен в распоряжение боевой корабль. По инерции проявляемого соучастия профессор хотел воплотить в жизнь идею с введением новой специальности, однако В.Д. Блаватский не учел обособленности МГУ, его особого статуса. По словам свидетелей событий, идея смогла бы реализоваться на базе истфака педагогического института, в городе, расположенном на морском побережье, где обоснованием для эксперимента могла служить необходимость прохождения студентами обязательной археологической практики, в том числе и подводной, а не в главном ВУЗе страны. В дальнейшем вопрос о введении новой специальности не рассматривался, что вылилось в далеко идущие последствия, как исключение можно назвать попытку сотрудников ЦКПИ восстановить status quo в виде разработанной специальной образовательной программы, но к сожалению, реализация проекта пришлась на переходный экономический период[283].

[283] *Фазлуллин С.М.* Курс «Подводная археология» // Подводная археология…: сб. науч. тр. – М., 2008. – С.258.

Практическое развитие подводной археологии трансформировалось в устоявшуюся до настоящего момента форму партнерства государственных исторических организаций научно-исследовательской, музейной и педагогической направленности с представителями ФПС, призванной курировать деятельность клубов подводного плавания, и отвечающую за подготовку аквалангистов, с обязательным сертифицированием, медицинскими допусками, лицензионным распространением и техническим обслуживанием водолазного оборудования[284].

Полевой сезон 1964 г. экспедиция В.Д. Блаватского, пополнившаяся представителями Московского отделения ФПС, В.Г. Сташевским и С.С. Прапором, осуществляла свою деятельность близ Евпатории, напротив озера Донузлав[285]. Любопытно, что погружения проводились не только летом, но и зимой, при t° воды +3С°, а воздуха +1С°[286]. Археологами были разбиты шесть раскопов, каждый площадью 25х25 м., и два экспериментальных участка, один в форме полукруга, другой в виде законченной окружности, с одинаковым радиусом в 25 м. Размеченную площадь нанесли на карту и обследовали металлическими щупами через каждые 10–15 см. В арсенале аквалангистов находился самостоятельно сконструированный зонд: прибор, по принципу плуга погружался в грунт, и в месте соприкосновения с твердой породой проводили расчистку дна. Однако в дальнейшем от эксплуатации зонда пришлось отказаться из-за низкой производительности[287].

---

[284] *Сташевский В.Г.* КПДР и подводная археология»//Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.3.

[285] *Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.* Отчет Первой Донузлавской подводной экспедиции 1964 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2827.

[286] *Сташевский В.Г.* За амфорами на дно моря // СП. – 1966. – №14. – С.28.

[287] *Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.* Кораблекрушение IV–III веков до н.э. около Донузлава // СА. – 1969. – №3. – С.153.

На следующий год команда В.Д. Блаватского работала на прежней акватории, на расстоянии 140–180 м. от берега[288]. Данный сезон выгодно отличался тем, что Евпаторийский порт проводил дноуглубительные работы, и руководство Черноморского пароходства выделило серьезную помощь для проведения охранных археологических работ[289]. Сложные метеоусловия сводили практически на ноль индивидуальные разведочные погружения, исходя из чего приняли решение откачивать грунт из раскопов с помощью рефулерной баржи, именуемой официально: «Гидроперегружателем минеральных материалов». С помощью баржи за один рейс откачивалось более 300 тонн пульпы – морского песка. В ходе проведения работ археологами было обнаружено место гибели деревянного корабля. Из-под воды извлекли остатки бортовой обшивки: десять свинцовых листов, размером 60х50х0,1 см, медные гвозди, плотницкий топорик, плохо сохранившиеся части деревянного каркаса судна. Но самое замечательное, сохранился груз: восемь греческих амфор, с читаемым клеймом мастера, изготовившего их – Эупоид[290]. Анализ амфор позволил определить место и время изготовления: мастерские Гераклеи Понтийской конец IV в., а реконструкция самого судна позволила предположить, что грузоподъемность обеспечивала принятие на борт до 3 000 идентичных амфор[291]. В конце 1960 гг В.Д.Блаватский постепенно передаёт управление экспедиции своим ученикам и младшим соратникам[292].

Деятельность экспедиции профессора В.Д. Блаватского обозначила огромную научную емкость подводной археологии, не

---

[288] *Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.* Отчет о подводных археологических работах в районе Донузлава в 1965 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 3192.

[289] *Таскаев В.Н., Таскаев А.В.* От Донузлава до Патрея. Из истории подводных исследований.// Нептун. – 2011. – №6. – С.87.

[290] *Окороков А.В*. История отечественной подводной археологии – М.: Кнорус.– 2008.– С.55.

[291] *Петерс Б.Г*. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Наука. – 1982. – С.110

[292] *Петерс Б.Г*. Отчет о работе Азово-Черноморской подводной экспедиции ИА АН СССР в 1967 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 3437.

позволяющую сводить изыскания к банальному поиску случайных находок и их подъему на поверхность. Полученный в ходе раскопок фактический материал заметно обогатил существующие сведения о минувших исторических эпохах, поставив памятники подводной археологии в ряд исторических источников, способных кардинально повлиять на формирование традиционного отношения к интерпретации событий минувших эпох. Широкая география экспедиционной деятельности команды Блаватского, от Одесской области до Сухуми, на долгие годы предопределила массовый ареал распространения подводно – археологических исследований именно в этом регионе. Опираясь на историографию, созданную профессором Р.А. Орбели и профессором В.Д. Блаватским, у любой официальной экспедиции была замотивированная задача подтвердить, обобщить или расширить приводимые корифеями дисциплины данные. А культурно-историческое наследие местных акваторий не оставляет сомнений, что и впредь это будет один из востребованных с археологической точки зрения районов.

В 1965 г. состоялось еще одно событие, косвенно касающееся темы нашего исследования. Действительность Советского строя, в т.ч., характеризовалась второстепенным отношением к бытовым потребностям населения. В сфере освоения человеком морских глубин это выглядело катастрофической технической отсталостью. Образцы импортного снаряжения являлись большой экзотикой, а изготовленное кустарным способом доморощенное снаряжение было не стандартизировано и достаточно трудоемко в обслуживании.

Для решения проблем подобного рода один из первых участников подводно-археологической экспедиции, А.В. Блаватский, в мае 1965 г. инициировал создание под эгидой Московского совета ДОСААФ Центрального опытно-конструкторского бюро Специального оборудования. Работа КБ велась на общественных началах, если ФПС

занималась только обучением пловцов-аквалангистов, то сотрудники Бюро оказывали платные услуги промышленным предприятиям на договорных условиях. Свободные финансовые средства перечислялись на расчетный счет предприятия, и целенаправленно распределялись на ведение научно-технической деятельности. В результате к 1970 г. в активе КБ значилось порядка 5 000 подготовленных аквалангистов, более двух десятков филиалов по всей стране, пять научно-исследовательских судов и один глубоководный корабль, переоборудованный из списанной подводной лодки. Договорные отношения с рядом отечественных НИИ и французской фирмой “Comex” – тогдашним лидером мировой дайв-индустрии, проектирование, участие в изготовлении и тестовые запуски подводных домов типа «Ихтиандр», «Садко», «Черномор», создание аппарата для комплексного исследования морского грунта «Финвал», подобный производственный объем не обходился без серьезных денежных потоков. Когда же одного из сотрудников КБ органы МВД арестовали за спекуляцию ластами собственного изготовления, выяснилось, что подобные общественные организации не имеют права ведения финансово-экономической деятельности. По законам тех лет, ни много ни мало – антисоветчина и предпринимательство, со всеми вытекающими. Руководство организации от высшей меры спасло отсутствие мотивов для личного обогащения от деятельности предприятия – при обыске у директора Бюро обнаружили сбережений на 75 рублей. В результате, расстрел А.В. Блаватскому заменили 12 годами тюрьмы[293]. До настоящего момента руководитель КБ ведет активную общественную работу с целью получения полной реабилитации для себя лично и для своих осужденных товарищей, в том числе и не доживших до дня сегодняшнего….

[293] *Блаватский А.В*. Из истории одного КБ // ВПА. – 2012. – №3. – С.90.

С общим развитием науки изменялись и требования к консервации. Натуральные компоненты заменялись всё чаще искусственными аналогами, более благоприятно влияющие на сохранность материала, например в 1960 гг. ленинградскими химиками разрабатывался метод консервации мокрого дерева полибутилметаклиралатом «ПБМА»[294].

Археологические изыскания в акватории Таманского полуострова в послевоенный период проводились различными организациями[295]. В 1960 гг городища, оказавшиеся частично затопленными исследовала экспедиция ИА под руководством Н.И.Сокольского[296]. В во второй половине 1970 гг директор Керченского историко-археологического музея С.В. Башарин сформировал группу исследователей-аквалангистов, под руководством приглашенного специалиста В.Н.Лаврухина. В первый полевой сезон археологи обнаружили большое скопление свидетельств десантных операций 1942 г. – останки автомобилей, разбросанные ящики с боеприпасами и т.д., для увековечивания памяти о героических страницах города, со дна была поднята пушка – гаубица № 8768 и передана в фонды музея[297]. С накоплением практического опыта, группа оформилась в самостоятельную штатную структуру и получила название «Корабел», во главе подразделения встал заведующий отделом раскопок и реставрации музея А.Е. Кислый[298]. В 1981 г руководитель группы смог получить Открытый лист исключительно на проведение подводно-археологических работ, что в

---

[294] *Ногид И.Л., Поздняк А.И.* Консервация мокрой археологической древесины // СА. – 1965. – №3. – С.277–279.

[295] *Баукова А.Ю.* Деятельность Керченского историко-археологического музея в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия (50–80 гг. XX века) // Научный сборник Керченского заповедника. – 2008. – №2. – С.78.

[296] *Сокольский Н.И.* Отчет о работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1965 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 3134.

[297] *Лаврухин В.Н.* Отчёт о работе подводной экспедиции Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина за 1978 г. // Научный архив ВКИКМЗ. - опись 2. – Ед.хр. 852.

[298] *Кислый А.Е.* Отчет о работе подводно-поисковой группы “Корабел” при КИАМ за 1979 г. // Научный архив КИКЗ. – опись 2. – Ед. хр. 740.

практике керченских археологов было сделано впервые[299]. Локализация деятельности специалистов была очерчена районами мыса Панагия и мыса Тузла[300].

В начале 1980 гг инициативная группа сотрудников ИА РАН во главе с научным сотрудником П.Я. Паромовым приступила к каталогизации всех известных памятников археологии Тамани[301]. Свою работу ученый ведёт с завидным постоянством до настоящего времени[302].

В 1981 г. экспедиция под руководством Д.Ф. Кравченко на пятиметровой глубине в районе Среднетузлинской гряды наткнулись на фрагменты деревянного судна XVIII в., а на банке Трутаева у мыса Панагия было локализовано якорное поле – фрагменты и целые якоря, относящихся к широким временным рамкам[303]. Обнаруженные находки позволили предпринять попытку их классификации, разделив на четыре основные группы по технике изготовления и материалу, из которого якоря производились[304]. Позднее большую работу по идентификации якорей и их систематизации провел профессор А.В. Окороков[305].

Параллельно Боспорский отряд К.К. Шилика из Ленинградского отделения ИА приступил к локализации древнегреческого полиса Корокондамы, расположенного согласно письменным источникам в современной прибрежной зоне мыса Тузла. В течении 5 лет археологи смогли, с большой долей вероятности реконструировать расположение

---

[299] *Кислый А.Е., Шамрай А.Н.* Отчёт о подводных разведках у мысов Тузла и Панагия в 1981 г. Керчь, 1981 г. Архив ВКИКМЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 767.

[300] *Шамрай А.Н.* Отчет о подводных исследованиях близ мыса Панагия. – Научный архив КИКЗ. – Опись 6. – Ед. хр. 315.

[301] *Паромов Я.М.* Отчет о работе по теме «Установление охранных зон археологических памятников Таманского полуострова в 1981 г». // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 8602.

[302] *Паромов Я.М.* История археологических исследований на Таманском полуострове (1792-2016 гг.). – М.: ИА РАН, 2023. С. 336.

[303] *Османова С.Р.* Патрей – античный памятник подводной археологии – М.: Спутник, 2009 – С.44.

[304] *Таскаев В.Н.* Палеогеографическая ситуация и условия судоходства на Азиатском Боспоре в VI – II веках до н.э. // Патрей. Материалы исследования. – 2007. – №4. – С.14.

[305] *Окороков А.В.* Деревянные якоря с каменными штоками // ВПА. – 2012.– №3.– С.111.

Корокондамы и высчитать примерную площадь поселения в момент его наивысшего рассвета[306]. В настоящий момент историей полиса занимаются сотрудники Черноморского центра подводных исследований, подчеркивающие обоснованность и правильность выводов предшественников.

На берегу с питерскими учеными общим лагерем функционировала постоянная экспедиция под руководством А.В. Кондрашова, научного сотрудника Краснодарского ГИАМЗ им.Фелицына[307], чьи усилия направлены на тщательное изучение особенностей банки Марии Магдалины – каменистого, столообразного плато, общей площадью более 3км^2, полностью погруженного в воду на расстоянии 2,5 км от берега. Глубина банки колеблется от 1,2 до 7 м, т.е. с учетом подъема уровня моря, в античную эпоху это был остров, представляющий серьезную опасность для судоходства[308]. Параллельно, краснодарские ученые находили ресурсы для проведения подводно-археологических разведок и в других районах черноморского побережья[309]. Впоследствии экспедиция А.В. Кондрашова перенацелилась на поиск следов Керченских десантных операций, в 2015 г. подняли редкую короткоствольную 76-мм пушку образца 1927 г., дополнившую экспозицию Темрюкского краеведческого музея[310].

В 1983 г. Таманская подводно-археологическая экспедиция под руководством А.В. Окорокова осуществляла разведочные погружения в акватории античного поселения Гермонасса. В результате активного процесса абразии берега культурные слои частично сползли в море.

---

[306] *Шилик К.К.* Отчет о работе на Таманском полуострове у мысов Тузла и Панагия в 1985 году. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 12312.

[307] *Кондрашов А.В.* Отчет о проведении подводно-археологических разведок у мыса Панагия в 1992 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 17375.

[308] *Кондрашов А.В.* Подводные исследования у мыса Панагия // ИПМА. – 1995 – №5. – С.17.

[309] *Кондрашов А.В.* Отчет о проведении подводно-археологической разведки в Новороссийской бухте и Анапском районе, 1990 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. №15027.

[310] *Иовлева Е.А.* Новый экспонат «Военной Горки» // Тамань. – 2015. – №41. – С.5.

Подводные работы на памятнике выполняла группа водолазов-испытателей Центра подготовки космонавтов под руководством А.А. Фабричного[311]. Аквалангистами были проведены промеры изобат, картографирование объекта с нанесением на план поселения вычисленных данных, часть керамики была поднята для дальнейшей идентификации.

С середины 1980 гг археологи, работающие на античном поселении Патрей всё чаще озвучивают необходимость подводных исследований, т.к. становиться очевидным: сухопутная экспедиция изучает «верхний» город, когда как нижний оказался скрыт водами залива[312]. В 1990 г. на Тамань, по приглашению сменившего Б.Г. Петерса на должности начальника Патрейской комплексной экспедиции, А.П. Абрамова пришел подводно-археологический отряд Исторического факультета Московского пединститута им.Шолохова, под руководством В.Н. Таскаева[313]. Результатом деятельности археологов стало выявление не менее двух десятков подводно-археологических объектов: колодцы, водосборники, фундаменты строений, которые позволили осуществить четкую реконструкцию границ изучаемого памятника[314]. Исследования на Патрейском городище продолжаются и в настоящее время[315].

Систематическое изучение подводно-культурного наследия Крыма вплотную начинается с 1960 гг., сразу несколькими независимыми центрами, на разных памятниках. В 1962 г. акваторию близ Севастополя исследовали ленинградские аквалангисты под руководством

---

[311] *Окороков А.В*. История отечественной подводной археологии – М.: Кнорус. – 2008. – С.98.

[312] *Петерс Б.Г*. Отчет о работе Патрейской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 10872.

[313] *Березин А.А*. Толщи вод не смою память // ВПА. – 2018 – №9. – С.7.

[314] *Османова С.Р*. Патрей – античный памятник подводной археологии – М.: Спутник, 2009 – С.79.

[315] *Березин А.А*. Отчет о прохождении археологической практики студентами Исторического факультета, в составе подводного отряда Патрейского отделения Фанагорийской экспедиции в 2014 году. – Архив МГГУ им.Шолохова. М. – 2015.

С.Ф. Стрежелецкого[316]. Питерцам удалось выявить средневековые оборонительные башни, изготовленные из строительных материалов античной эпохи[317]. С 1963 г. обследование бухт Херсонеса продолжила Объединенная экспедиция под руководством В.И. Кадеева, состоявшая из числа студентов-харьковчан и сотрудников местного музея[318]. Позднее к экспедиции присоединились коллеги из Свердловского университета[319].

Очевидным фактическим успехом увенчались изыскания, проводимые в Круглой бухте, в ходе которых со дна было поднято чудесное красно-лаковое блюдо III–IV вв. н.э., а также пять целых амфор, со значительным временным интервалом изготовления: от III в. до н.э до IV в. н.э.. В Карантинной бухте вместе с огромным количеством керамического боя аквалангистам удалось извлечь пять целых амфор II–IV вв. н.э., отождествляемых с Гераклейским центром гончарного ремесла[320]. В ходе проведения погружений в Песочной бухте были зафиксированы фрагменты кораблекрушения, и обнаружено амфорное поле[321]. Место памятника выявили с помощью раскинутой под водой сетки с ячейками 2х2 м для облегчения детальной съемки. Аквалангисты наносили рельеф дна с отличительными признаками на алюминиевую дощечку, после чего на берегу данные переносились на карту, в ходе уточнения границ кораблекрушения, было заложено четыре шурфа, 1х1 м каждый, благодаря которым удалось установить диапазон залегания культурного слоя: он шел с 4 до 7 м глубины. Также

---

[316] *Стрежелецкий С.Ф.* Научный отчет о работе археологической экспедиции подводников клуба туристов ДК им.Ленсовета в 1962 году. – Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело № 819.

[317] *Зеленко С.М*. Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.27.

[318] *Кадеев В.И*. Подводные исследования в Херсонесе – Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело № 1189.

[319] *Кадеев В.И*. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964–65 годах // МПИ – М.: 1969. – С.344.

[320] *Зеленко С.М*. Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.28.

[321] *Кадеев В.И*. Отчет о подводных исследованиях в Карантинной, Круглой и Песочной бухтах в 1965 году. – Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело № 1189.

была обследована пристань, сложенная из блоков и колон вторичного использования[322]. Комплексные археологические исследования харьковских историков значительно расширили базу знаний об изучаемом памятнике[323], что позволило в 1968 году руководителю экспедиции защитить кандидатскую работу на тему «Ремёсла и промыслы Херсонеса Таврического в I – IV вв н.э.».

В 1972 г. археолог А.Н. Щеглов анализируя итоги полевых экспедиций, акцентирует внимание на всё возрастающую техническую отсталость отечественных подводных археологов от западных коллег. Признавая высокую научную значимость проводимых исследований, и их высокий фактический вклад в накопление фонда источников, автор, опираясь на комплексные выводы классической археологии[324], призывает коллег больше уделять внимание решению палеогеоморфологических проблем: внимательно изучать подводный ландшафт, исследовать затопленные террасы и т.п.[325].

В 1970 гг. экспедицию возглавил директор музея М.И. Золотарев[326], под чьим руководством удалось составить батиметрический план и выяснить границы затопленной части памятника с целью подтверждения расположения основного порта на западном берегу Карантинной бухты[327]. Высокий трафик в античную эпоху сомнения не вызывает, но до раннего средневековья бухта была существенно уже современного состояния, уровень воды был ниже на 3–5 м, следовательно, один порт не мог справиться со всей нагрузкой

---

[322] *Ранюк Ю.Н*. Новые находки в Херсонесе // СП. – 1966. – №15. – С.29.

[323] *Кадеев В.И.* Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе в 1966 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело №1602.

[324] *Антонова И.А*. Отчет о раскопках и зачистках 28, 29 и 30 куртин восточной оборонительной линии Херсонеса в 1967 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело №1848.

[325] *Щеглов А.Н*. Морские подводные исследования // СА. – 1972. – №4. – С.279–281.

[326] *Золотарев М.И., Ионес Э.Б*. Геоакустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических выводов в археологии: сб.науч.тр. – М., 1979. – С.20.

[327] *Рыжов С.Г*. Отчет о раскопках квартала «ХА» в 1987 году. – Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело № 2771.

такого крупного города. Подтверждение пришло в полевой сезон 1986 г., когда под слоем донных отложений вдоль правого берега Стрелецкой бухты была обнаружена крупная партия амфорной тары, свидетельствовавшая об использовании херсонесситами вспомогательных портов[328].

В 1975 г. Северо-Крымская экспедиция ИА АН УССР под руководством А.А. Щепинского проводила опытные изыскания в акватории Каркинитского залива. В районе Лебяжьих островов археологами были найдены фрагменты керамики и кованные железные гвозди, что дало право выдвинуть предположение об обнаружении места средневекового кораблекрушения. В 1983 г. на Тендре и в акватории Ягорлыцкого залива работала Причерноморская экспедиция А.С. Островерхова при участии аквалангистов клуба «Аква» Чернобыльской АЭС[329]. Установочными данными служили итоги экспедиций первой четверти XX столетия[330]. Позднее Приморский отряд Периферийной экспедиции ИА АН провел осмотр Тендровской косы[331]. Толчком к проведению изысканий послужило неоднократное упоминание древнегреческих авторов о святилище Ахилла, расположенном в данной местности[332], но по результатам экспедиции фактического материала обнаружено не было.

С середины 1980 гг., по личному распоряжению академика Б.А. Рыбакова возобновляются работы в районе озера Донузлав, силами Западно-Крымского подводно-археологического отряда под

---

[328] *Золотарев М.И.* Подводные работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса –Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический», дело № 2079.

[329] *Островерхов А.С.* Тайны Гилейского моря // СП. – 1986. – №77. – С.59.

[330] *Милославский К.А*. Старинная пушка найденная у о.Тендры // Вестник ОКК при Украинской АН. – 1925.– №2. – С.67–69.

[331] *Назаров В.В., Воронов С.А*. Гидроархеологическое обследование района Тендроновской косы (Черное море) // Подводная археология: Сто лет…: сб.науч.тр. – М., 2002. – С.43.

[332] *Охотников С.Б., Островерхов А.С*. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) – Киев, Наукова Думка, 1993. – С.140.

руководством В.Н. Таскаева[333]. Поводом к возобновлению исследовательской деятельности послужил сигнал в институт Археологии от экипажа корабля «Таврия», зафиксировавшего в местах, где ранее работала экспедиция В.Д. Блаватского, крупный развал старинной керамики. При проведении разведочных работ была осуществлена аэрофотосъемка исследуемой акватории. Привязка подводных объектов проводилась методом триангуляции (буквально: метод создания сети геодезических пунктов с помощью треугольников). За сравнительно короткий срок в ходе проведенных комплексных исследований было локализовано три поля разнохарактерной керамики, обнаружены фрагменты бортовой обшивки, парусного вооружения, судового каменного очага, зернотерки, предметы быта команды. Лабораторная датировка отнесла кораблекрушение к IV–III вв. до н.э.[334].

Изюминкой сезона стали три якоря, один римского происхождения античной эпохи, а два – классические турецкие галерных якоря XVII–XVIII вв. Идентичным временным периодом была датирована и обнаруженная на месте раскопа корабельная пушка-карронада, которая сегодня экспонируется перед главным входом Евпаторийского музея. В этот же период В.Н. Таскаевым был апробирован метод, в ходе которого столитровой баллон для газовой сварки, после опрессовки, почистили, покрасили и поставили переходник под три легочных редуктора. Таким образом расположенный в лодке баллон обеспечивает трех аквалангистов кислородом одновременно, что для работы на небольших глубинах достаточно практично, в т.ч. не требуется использование жилетов для крепления баллонов. Сегодня, когда эксплуатируют плавающие

[333] *Таскаев В.Н.* Отчет о работе Таманского подводного археологического отряда в Краснодарском крае в 1990 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 13715.

[334] *Таскаев В.Н., Таскаев А.В.* От Донузлава до Патрея. Из истории подводных исследований. // Нептун. – 2011. – №6. – С.88.

компрессоры, забивающие сразу воздух на воде, данная методика конечно устарела, но еще несколько лет назад столитровый баллон был визитной карточкой экспедиции В.Н. Таскаева[335].

С 1970 гг. М.А. Фронджуло приступает к систематическим подводно-археологическим работам в рамках Судакской экспедиции ИА АН УССР. С 1983 г. исследования возглавил сотрудник отдела средневековой археологии И.А. Баранов[336]. За несколько полевых сезонов в бухтах Судака и Нового Света были выявлены на глубинах 5–7 м остатки жилого комплекса с гончарной печью VIII–X вв. и фрагменты византийского судна IX–X вв. с грузом высокогорлых кувшинов[337].

Коктебельская бухта никогда не выпадала из поля зрения подводных археологов, Р.А. Орбели указывал на характерные признаки, подтверждающие наличие останков портового мола, защищавшим гавань. В 1957 г. археологами Тавро-скифской экспедиции под руководством профессора П.Н. Шульца были проведены разведочные погружения и зафиксировано до десятка диоритовых квадров с известковым раствором на поверхностях. В результате опроса жителей удалось установить, что часть мола была извлечена для строительства пристани. В 1972 г. аквалангистами Волгоградского клуба ДОСААФ на глубине 7 м на расстоянии 300 м от берега был обследован участок дна размером 300х280 м. Археологический материал хронологически был датирован достаточно широко – с VII по XV вв. В 1980 гг. в Коктебеле работали энтузиасты из киевского клуба «Атлантида» под руководством

[335] *Таскаев В.Н.* Отчет о работе Таманского подводно – археологического отряда в 2004 году. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 26342.

[336] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья (Салтовомаяцкая культура). – Киев, Наукова думка, 1990. – С.68.

[337] *Майко В.В.* 70 лет Игорю Авенировичу Баранову // История и археология Крыма. – 2016. – №3. – С.461

археолога В.В. Назарова, которым удалось локализовать скопление керамики, в 1 км от холма Тепсень, на глубине 6 м.

В 1959 г. водолазы Керченского порта возле крепости Еникале обнаружили фрагменты парусного судна[338]. Руководитель городского музея Ф.Т. Гусаров инициировали проведение экспедиции под руководством опытного археолога – Н.И. Сокольского. Специалистами были идентифицированы фрагменты парусного корабля эпохи Крымской кампании, для проведения анализов были подняты фрагменты обшивки и оснастки, место крушение нанесено на карту[339].

Отдельного упоминания заслуживают работы Боспорского подводно-археологического отряда Ленинградского отделения ИА АН СССР под руководством кандидата географических наук К.К. Шилика на месте античной Акры, близ современного села Заветное Ленинского района. Интерес археологов был обусловлен случайной находкой клада с более сотней античных монет[340], и последующим обнаружением в 1981 г. при проведении и земляных работ на пересыпе между озером Яныш и Керченским проливом частично сохранившейся кладки каменной стены, обрывающейся у берегового среза[341]. Особенности волнового режима в указанной части Керченского полуострова характерны тем, что постройки древнего города не были полностью разрушены, а лишь частично занесены песком[342]. Сделанная сотрудником Керченского музея В.Н. Холодовым пробная шурфовка подтвердила наличие культурного слоя.

---

[338] *Сокольский Н.И.* Отчет о работе подводной экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1946.

[339] *Сокольский Н.И.* Отчет об исследовании парусного судна в Керченском проливе – Научный архив КИКЗ. – опись 2, ед.хр. 922.

[340] *Шилик К.К.* Отчет о работе у села Заветное Ленинского района Крымской области, 1982 год. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 13312.

[341] *Шамрай А.Н.* Локализация узлового навигационного пункта Азиатского Боспора – Корокондамы // Боспорские исследования. – 2009. – № XXI. – С.147.

[342] *Вахонеев В.В., Соловьев С.Л.* Подводно-археологическая экспедиция на античном городище Акра в 2013 году. – СПб. – Эрмитаж. – 2013. – С.4.

Проанализировав в лабораторных условиях полученные результаты подводных раскопок и сопоставив данные с письменными источниками, памятник удалось идентифицировать именно как античную Акру – поселение, которое безуспешно пытались отыскать сухопутные археологические экспедиции, оказавшееся практически полностью скрыто под водой, продемонстрировав прекрасную сохранность культурного слоя. Практическую помощь ленинградским ученым оказывали аквалангисты клуба Керченского судоремонтного завода под руководством А.Н. Шамрая, параллельно локализовавшие корабль XIX в. Археологический материал был разбросан на большой площади, и частью артефакты легли на рифовый свал, скрывший от течения и сохранивший куски деревянной бортовой обшивки, обшитые металлом[343]. Подъем крупных фрагментов осуществлялся по методу бельгийского исследователя Роберта Стенюи, с помощью резиновых понтонов, надуваемых воздухом[344]. За ряд полевых сезонов удалось обнаружить четыре якорных поля, огромное количество фрагментов керамики, датировка которых позволила провести палеогеографическую реконструкцию Акры, поместив расцвет полиса в VI–III вв. до н.э. Площадь города удалось высчитать опираясь на останки оборонительных стен и башен, имеющих в плане прямоугольную форму в 3,5–4 Га[345].

Впервые в отечественной практике был расчищен пресноводный колодец, который с течением времени, перестав функционировать и снабжать население водой, местными жителями превращались в мусоросборники[346]. Из описываемого колодца в ходе раскопок было извлечено семь целых амфор Гераклеи Понтийской, IV в. до н.э., что

[343] *Шамрай А.Н.* Поднято со дна Керченского пролива // СП. – 1982. – №67. – С.55.
[344] *Стенюи Р.* Клады бухты Порту–ду–Гильерми // ВС. – 1978. – №10. – С.43.
[345] *Шилик К.К.* Работы Боспорского отряда// АО'1984. – М.: Наука, 1986. – С. 493.
[346] *Шилик К.К., Шамрай А.Н.* Отчет о работе Боспорского подводно-археологического отряда в 1982 г. – Научный архив КИКЗ. – Опись 2. – Ед. хр. 768.

лишний раз подчеркивает – архитектурные памятники подобного рода являются важнейшим археологическим объектом для всестороннего изучения. Детальному осмотру археологов также подверглись фрагменты двух башен и кладка оборонительных стен античного города.

В сезон 1985 г. археологи обнаружили на дне пролива, в 300 м к югу от городища, бронзовую скульптуру сирены высотой 28,5 см, и весом 4 кг. Анализ находки, компоновка, вес и форма изготовления позволили говорить, что сирена служила ножкой массивного предмета, предположительно саркофага[347]. Беря во внимание, что большинство площадей Акры находится под водой, ее изучение – одно из важнейших направлений совершенствования современных методов подводной археологии.

Подводно-культурные памятники Северо-западного Причерноморья имеют свою отличительную традицию и не менее яркую биографию, вызванную одномоментным вхождением региона в историю древнегреческой колонизации. Современный рельеф Черного моря с палеогеографической точки зрения сформировался сравнительно недавно – 10 000 лет назад, когда по мнению большинства специалистов, черноморский бассейн не имел связи со Средиземноморьем и, по сути, будучи озером, питался, в основном, водами Дуная[348]. Греческая традиция местную акваторию называет Гилейским морем, «гилей» в переводе означает «лесистая местность»[349].

В 45 км к западу от устья Дуная расположен остров Змеиный, известный нам по письменным источникам периода архаики благодаря располагавшемуся на острове храму Ахилла Понтарха. Доподлинно установлено, что остров образовался не в результате аккумулятивной

---

[347] *Зеленко С.М*. Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.50.

[348] *Березин А.А*. Подводная археология в исследовании систем судоходства в районах Северного Причерноморья // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.8.

[349] *Агбунов М.В*. Путешествие в загадочную Скифию. – М.: Наука, 1989. – С.59.

деятельности вод, а был сложен коренными породами[350]. С целью локализации памятника в 1964 г. в экспедиции ГИМ под руководством Н.В. Пятышевой участвовали два опытных подводных археолога из МГУ: В.И. Кузищин и Б.Г. Петерс[351]. Археологически ценного материала в указанный полевой сезон не выявили, аквалангисты занимались картографированием и промерами глубин[352].

С конца 1960 гг., работы проводились силами Одесского археологического музея под началом известного нумизмата С.А. Булатовича, практическую помощь оказывали аквалангисты клуба «Садко» Николаевского морского порта. С 1988 г. археологическое наследие острова изучают сотрудники ОГАМ под руководством С.Б. Охотникова и А.С. Островерхова. За время проведенных работ комплексной экспедицией удалось зафиксировать несколько развалов керамического боя VII в. до н.э., обнаруженных на глубинах 10–15 м. Также археологами были подняты, зарисованы и переданы в музей 34 якорных штока, как каменных, так и свинцовых[353]. Среди остального ассортимента находок необходимо выделить фрагмент мраморного рельефа в виде листа растения, заключенного в овальную рамку, исполненного в высоком художественном стиле. По всей видимости, осколок является составной частью облицовочной композиции фасада здания, либо опорной колонны[354].

На траверсе Очакова расположен остров Березань, в античный период игравший роль крупного порта. Археологи отождествляют полис с милетской колонией Борисфен. Данное утверждение долгое время подвергалось конструктивной критике: на острове не зафиксировано ни

---

[350] *Охотников С.Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) – Киев, Наукова Думка, 1993. – С.140.

[351] *Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Наука. – 1982. – С.81.

[352] *Охотников С.Б.* Подводные исследования у острова Змеиный // ИПМА. – 1998. – №3. – С.75.

[353] *Мурзин Ю.А* Амфоры острова Левке // Вокруг света. – 1990. – №11. – С.49.

[354] *Островерхов А.С.* Тайны Гилейского моря // СП. – 1986. – №77. – С.60.

одного питьевого источника, и только в результате деятельности экспедиции В.В. Лапина в 1961 г., когда были осуществлены промеры глубин и составлен профиль дна, удалось доказать существование в греческую эпоху сухопутной перемычки острова с материком[355]. В 1984 г. приказом по ИА АН УССР была сформирована Березанская экспедиция. В результате проводимой шурфовки напластований дна археологам удалось воссоздать динамику изменения береговой линии, подтвердив гипотезу о Березане как об античном полуострове[356]. За годы работы экспедиции была создана уникальная музейная Березаньская коллекция, насчитывающая 9500 предметов. В 2005 г., в связи со 120-летием комплексных раскопок на острове, в Эрмитаже была прекрасно организована выставка кладовых «Борисфен Березань. Начало античной эпохи в Причерноморье», стендовый материал которой дополнил иллюстрированный каталог в редакции С.Л. Соловьева[357].

Акватория Днепро-Бугского лимана ассоциируется со знаменитым памятником античности – полисом Ольвия. Ранее нами освещались изыскания на городище, проводимые Б.Ф. Фармаковским в 1902 г., чьи выводы позволили в последующем обратить внимание на интереснейшую подводную составляющую изучаемого памятника[358]. В результате, именно Ольвия стала объектом для проведения в 1964 г. комплексной палеогеографической экспедиции ученых из ВНИИ методики и техники разведки Министерства Геологии и Института Археологии под руководством К.К. Шилика[359]. Результатом

---

[355] *Таскаев В.Н.* Античная подводная археология Северного Причерноморья – М.: Воронцовка-21, 2010. – С.53.

[356] *Назаров В.В*. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины – Киев, Стилос, 2003. – С.160.

[357] *Соловьев С.Л*. История археологических исследований на Березани // Березань–Борисфен: археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. Т. I. – СПб.: Эрмитаж, 2005. – С.31–40.

[358] *Блаватский В.Д*. Отчет о деятельности подводной экспедиции 1961 г. (Ольвия) – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2596.

[359] *Шилик К.К., Фёдоров Б.Г.* Геоакустическое исследование подводной Ольвии // СА. – 1968. – №4. – С.126–137.

исследований методом геоакустического зондирования стал вывод, что причиной затопления «нижнего» города послужил общий подъем уровня морской воды не менее, чем на 5 м относительно современного уровня[360]. Участники экспедиции использовали звуковой геолокатор ЗГЛ-1, на описываемый период один из самых современных автономных геологических приборов. Общий вес ЗГЛ в комплекте с аксессуарами – 130 кг., под силу только выносливым людям, между тем археологами было проложено 87 профилей, от 150 до 1500 м каждый, и исследовано не менее 1500 кв.м площади[361].

С 1971 г. приступила к работе Киевская подводно-археологическая экспедиция С.Д. Крыжицкого. За прошедшее время исследователям удалось отчертить границы затопленной части Ольвии. В полевом дневнике экспедиции зафиксирован метод шурфовки для выявления культурных напластований с последующим стратиграфическим анализом, который позволил установить границы полиса от максимального в 17 Га на рубеже эр, до 6–7 Га уже в раннее средневековье, когда ольвиополиты окончательно покинули свой город. Техническое обеспечение отряда археологов С.Д. Крыжицкого, помноженная на конструктивную доработку ранее апробированных методов, выгодно отличала экспедицию в вопросах экспериментального подхода к исследованию морского дна в условиях плохой видимости. В 2012 г., профессор С.Д. Крыжицкий опубликовал монографию, посвященную архитектуре Ольвии, где обобщил и свой личный вклад в вопрос изучения полиса и дал общую характеристику затрагиваемой проблематике[362].

---

[360] *Вахонеев В.В*. Подводно-археологические исследования в античной Ольвии: декрет Протогена и береговые укрепления эллинистического периода // ВПА. – 2013.– №4. – С.28.

[361] *Кондратов А.М*. Атлантиды ищите на шельфе. – Л.: Гидрометеоиздат, 1988. – С.176.

[362] *Крыжицкий С.Д.* Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях – Симферополь, Деметра, 2012 – С.62.

Современное состояние акватории Азовского моря сформировалось в середине пятого тысячелетия до н.э., и в силу своей географической привязанности входит в общую схему развития цивилизации Черноморского бассейна. При этом, необходимо учитывать специфику сгонно-нагонных явлений акватории, когда в результате природных изменений обнажаются ранее затонувшие объекты. Так, к примеру, в 1870 гг. случайно в Таганрогском заливе были обнаружены останки корабля, в котором старожилы без труда опознали английскую канонерскую лодку «Джаспер» (HMS «Jasper»). В ходе Крымской войны союзники вынашивали планы о бомбардировке Ростова, летом 1855 г. канонерка вошла в устье Дона, моряки промеряли фарватер и расставили вешки. Однако ночью казаки переставили вешки и 24 июля лодка села на мель. Команда во главе с Джозефом Хадсоном спаслась, а трофеями донцов оказались британский флаг, две 24-фунтовые пушки, табличка с названием корабля, сигнальная книга, содержащая полный свод кодов союзнической армии. Казаки подожгли корабль, но полностью он уничтожен не был[363]. Проходящий эпизод кампании получил второе рождение, когда в 1909 г. обнажился остов корабля, и на нем были проведены исследования ученых-краеведов.

В 1980 гг. Экспедицией подводно-археологических работ Запорожского музея под руководством Г.И. Шаповалова проводились изыскания близ Геническа[364]. Предпосылками для организации исследований послужили проводимые гидротехнические работы по расширению искусственной дамбы рыбхоза «Ревхвыля» близ косы Арабатская стрелка. При углублении дна с 2 до 4 м, грейфером самоходного крана «Блейхарт» была поднята деревянная скульптура

[363] *Миргородский А.В*. Крымская война на Азовском море. – М.: Международные отношения. – 2021. – С.600.

[364] *Шаповалов Г.И.* Вотивные якоря из Черного моря // СА. – 1990. – №3. – С.259.

крупного животного, кованый якорь, два кувшина, три амфоры и множество фрагментов столовой керамики.

Основная находка – скульптура верхней части тулова и рогатой головы животного, напоминающая в профиль лося, а в анфас быка, или тура. Черты скульптуры вырезаны с большой выразительностью – глаза, нос, ротовая полость впечатляют своей реалистичностью. Общая длина находки составляет 1,65 м, и заканчивается глубоким треугольным пазом, скрытым в широкой груди животного. По всей вероятности, фигура являлась носовым украшением корабля, но для более четкой реконструкции необходимо ознакомление с имеющимися аналогами. Проведенный позднее в Институте геохимии и физики минералов радиоуглеродный анализ датировал находку периодом 970–1050 гг., предположительно, карина была выполнена из прикорневой части кедрового дерева. Аналогии деревянного зодчества подобной Геническому животному, в судовой археологии Восточной Европы нет[365]. Дальнейшие раскопки позволили детально восстановить картину – судно затонуло на пути из Таврики к берегам Приазовья на рубеже XI–XII вв. с грузом амфор местного производства.

Благодаря наблюдательности археологов, в азовских водах был реализован визуальный метод, значительно упростивший поиск керамических фрагментов под водой. Опытным путем удалось установить, что водоросли, растущие под слоем обожженной глины (de facto – керамики) имеют сероватый оттенок относительно однотонной зеленной массы, растущей на обычном грунте[366]. В дальнейшем внимание историков сместилось вглубь материка, ближе к Таганрогскому заливу, где осуществляла пробные разведки экспедиция В.Д. Блаватского. В 1989 г. в музей Таганрога передали осколок

[365] *Зеленко С.М.* Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.52.
[366] *Березин А.А.* Тамань – амфорный край // Дайвтек. – 2004. – №4. – С.47.

керамики с читабельной надписью. Расшифровка и проработка теста позволила ученым выдвинуть гипотезу о переселении в регион выходцев из греческого Милета[367]. В настоящее время в Ростовской области под эгидой некоммерческого партнёрства «Южархеология» осуществляются комплексные изыскания упоминаемого Геродотом самого северного и одного из самых старейших полисов региона – Кремны. Руководит работами П.А. Ларенок, в 2000 гг. ученому удалось привлечь к работам специалистов немецкого института Археологии, которые осуществили сканирование донного рельефа Таганрогского залива, провели радиоуглеродный анализ почв и подъёмного материала[368].

Весомый вклад внесли в историческую науку результаты исследований в Восточном Причерноморье. Сухуми, как археологический объект, обладает своими особенностями и имеет богатую исследовательскую историю, о чем писалось в главе № 1. Идейными вдохновителями изысканий выступили сотрудники Абхазского института языка, истории и литературы АН Грузинской ССР[369]. В 1953 г. после шторма в устье реки Беслетка (территория Сухума) была обнаружена надгробная плита с барельефом, датируемая V в. до н.э. На фоне возросшего интереса общественности к культурному наследию региона, популяризаторами археологической деятельности были проведены пробные, разведочные погружения, а через четыре года подводные пловцы под руководством археолога Л.А. Шервашидзе обследовали фрагменты сохранившейся стены, что

[367] *Виноградов Ю.Г.* Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. – 1999. – № 4. – С. 179.

[368] *Ларенок П.А*. Древнейшее античное поселение на территории России [Электронный ресурс] // Берега времени. История. Археология. Краеведение. Оф.сайт. URL: https://cimmeria.pro/larenok?ysclid=lw7il6qmzn48029629 (дата обращения 19.VII.2019).

[369] Трапш М.М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми // СА. – 1955. – №23. – С.230.

позволило составить карту затопленных памятников[370]. В 1959 г. к археологам присоединился профессор А.М. Апакидзе, прошедший к тому времени подготовку пловца-аквалангиста и получившего соответствующий сертификат. Результаты экспедиции послужили для проведения анализа архитектурной застройки, с целью вычисления площади памятника и соотнесения полученных данных со сведениями античных авторов[371].

1962 г. к исследованиям в Абхазии подключились аквалангисты Томского Политеха, имеющие возможность более детально осуществлять практические изыскания. Экспедицией на тот момент руководил сотрудник Абхазского совета Охраны памятников В.П. Пачулиа, обладающий опытом работы на раскопках с целью сохранения затопленных памятников культуры полученный в рядах Средневолжской археологической экспедиции профессора И.В. Синицына из Саратовского университета[372]. Археологи тщательно обследовали дно бухты и бассейн для питьевой воды на Иверской горе (территория Нового Афона), сооруженный в VII–VIII вв. Полученные результаты позволили снять документальный историко-популярный фильм «Сокровища потонувшего города Диоскурии». Впервые общественности был представлен подводный мир глазами археолога: покрытые водорослями широкие крепостные стены – свидетели тысячелетней истории[373]. Позднее, при тщательном анализе, специалисты пришли к выводу, что крепостные стены принадлежат более молодому городу – римскому Себастополису. Вплоть до сегодняшнего момента археологам так и не удалось обнаружить на дне залива следы греческой Диоскуриады. Культурного слоя, относящегося

[370] *Шервашидзе Л.А.* Повесть о городе, взятом волнами – Сухуми, Алашара, 1967. – С.64.
[371] *Леквинадзе В.А.* Оборонительные сооружения Себастополиса // СА. – 1966. – №1. – С.203.
[372] *Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х.* Вианор Панджович Пачулиа – Сухуми, Алашара, 1989. – С.3.
[373] *Окороков А.В.* История отечественной подводной археологии – М.: Кнорус, 2008. – С.64.

к VI–V вв. до н.э., т.е. ко времени возникновения полиса нет, а все имеющиеся памятники относятся к более позднему периоду[374]. Ученые не оставляют попытки исследования архитектурных останков с целью идентификации города[375]. Несмотря на кажущуюся неутешительность, приведенный вывод лишний раз показывает значение подводной археологии как предмета, способного фактически доказать или опровергнуть имеющиеся в арсенале современной науки версии.

С 1967 г. экспедиции функционировала за счет сил личного состава аквалангистов Сухумского морского клуба ДОСААФ. На фоне широкого освещения проводимых работ и проявленного интереса общественности, абхазские ученые инициировали создание у себя первого в Союзе подводного музея и межведомственного тренировочного полигона для обучения археологов[376]. Но учитывая загруженность порта, с вытекающими вопросами безопасности при массовых погружениях, и трудностей связанных с прокладкой резервных фарватеров, инициатива осталась не реализованной.

Распространение новых видов снаряжения для подводного плавания способствовали возобновлению подводно-археологических изысканий на Каспии. В 1960 г. в Эрмитаже была сформирована команда аквалангистов под руководством Л.Н. Гумилева, для осуществления разведочных спусков на уцелевшие фрагменты крепости Дербента[377]. Результаты экспедиции в свойственной себе манере, исследователь подкрепил выводами разрабатываемой теории этногенеза[378]. В 1983 г. в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР была создана Дербентская экспедиция

---

[374] *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада–Себастополис–Цхум – М.: Наука, 1980. – С.98.

[375] *Шервашадзе Л.А., Соловьев Л.Н.* Исследования древнего Себастополиса // СА. – 1960. – №3. – С.178.

[376] *Дзидзария Г.А.* Восстановить утраченные страницы // Техника молодежи. – 1968. – №10. – С.27.

[377] *Гумилёв Л.Н.* Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1961 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2326.

[378] *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии – М.: Айрис–Пресс, 2014. – С.43.

под руководством А.А. Кудрявцева. В ходе первых сезонов археологами были локализованы и картографированы уходившие в море на 250 м развалы стен древней гавани. Общая площадь памятника составила 12–14 Га, последующий анализ кладки позволил реконструировать технологию возведения стен и изготовления строительных блоков[379]. Среди сопутствующих находок необходимо выделить фрагментарную керамику, каменные якоря, а также ряд архитектурных деталей, в том числе, пару каменных колонн высотой 0,7 м и диаметром 0,4 и 0,5 м соответственно. Все артефакты были зарисованы и сфотографированы, что позволило наглядно подтвердить наличие древнего порта[380]. На пике активной деятельности экспедиции А.А. Кудрявцеву удалось привлечь к подводным исследованиям специалистов из Швеции и Москвы[381].

В 1968 г. директор музея Истории Азербайджана П.Х. Азизбекова инициировала через Республиканский комитет по науке и технике создание группы подводных исследований под руководством В.А. Квачидзе. Научным руководителем организации был назначен доктор наук З.И. Ямпольский[382]. Первоочередной задачей ставилась локализация находящегося в Бакинской бухте памятника «Сабаильский замок» и связать его с общей архитектурной системой средневекового города. Период возникновения памятника относится по меткому выражению С.Б. Ашурбейли к эпохе кульминационного развития феодализма[383], и датируется концом XII в. Крепость, размером 175х36 м, строители целиком разместили на выступе каменной скалы, цитадель

[379] *Гасанова С.С.* Древний Дербент в описаниях // Наука и мир. – 2015. – №3. – С.131.

[380] *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Подводные археологические исследования средневекового порта Дербента, в свете данных арабских авторов IX-X вв. // ВПА. – 2020. – № 11. – С.102.

[381] *Ратушняк В.Н.* Рецензия на монографию «Феодальный Дербент в ракурсе новых источников» авторов Кудрявцева А.А. и Кудрявцева Е.А.// Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – №3. – С.234.

[382] *Чернов А.А.* Загадки затонувших городов. – М.: Вече, 2004. – С.408.

[383] *Ашурбейли С.Б.* История города Баку. – Баку, Азернешр, 1992. – С.76.

была снабжена 15 башнями, расстояние между башнями от 16 до 28 м[384]. Для обеспечения аквалангистами были задействованы спортсмены клуба «Наяда», техническая база обеспечивалась на фондах музея: централизовано закуплены компрессор, помпа и инвентарь для экспедиционного лагеря.

На следующий год, под донными отложениями высотой в 2 м был локализован средневековый Бяндован, находящийся в непосредственной близости от устья Куры. Мощность культурного слоя варьировалась до 0,65 м и распространялась мористее практически на 3 км. Обнаружение останков фундаментов и каменных кладок позволило реконструировать план застройки городища, с нанесением локализованных строений: гончарных печей и ремесленных мастерских, мест общественного пользования мостовых, колодцев, площадей, вымощенных систем водосливных каналов и спусков. Лабораторные исследования взятых на анализ фрагментов зерновых культур, подтвердили версию о распространении в регионе культивирования риса популярных сортов «амбарбу» и «чилейли»[385]. За годы деятельности было поднято на поверхность более 1500 предметов старины: монеты, украшения, гончарные изделия, глазурованная посуда, орудия труда, металлическая утварь и иные бытовые изделия. Особой ценностью пользуются орнаментированные блюда с поэтическими надписями на фарси, оформленные в тонком художественном стиле, поражающие высоким совершенством исполнения. Одной из самых популярных находок стал фрагмент керамики с надписью на фарсидском языке: «Изделие чашечника Юсифа», вошедший во многие музейные каталоги[386].

---

[384] *Нагиев Г.Р*. Особенности фортификационной системы городов Азербайджана // International science project. – 2018. – №12. – С. 15.

[385] *Квачидзе В.А., Анищенко Е.В*. Каспийская Атлантида: подводные исследования западного берега Каспия // Подводная археология..: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.96.

[386] *Квачидзе В.А., Румянцев П.Б.* «Наяда» в подводных поисках // СП.– 1974. –№35.– С.48.

Вполне закономерным стало участие представителей экспедиции с тематическими стендами в 1975 г. на международной выставке «ЭКСПО», в Японии, а после и на ежегодной выставке на ВДНХ, где организация была последовательно награждена серебряной и бронзовой медалями. В 1981 г. знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал, гостивший в Советском Союзе, в том числе, попросил провести для него обзорную экскурсию по местам работы экспедиции В.А. Квачидзе[387].

Параллельно, археологи совместно с коллегами из Института Географии проводили разведочные погружения в других районах Каспия. Обоснованием служила аргументированная версия о большом количестве погибших кораблей близ береговой кромки, т.к. импорт ремесленных изделий осуществлялся на малых судах, по каботажному методу[388]. Близ северного побережья мыса Апшерон экспедицией были идентифицированы фрагменты паровой шхуны «Куба», выполнявшей работы географического характера под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Иваншинцева и погибшей в 1847 г.[389]. С раскопа извлекли судовой колокол, штык, пять ружей, фрагменты экземпляров бытовой утвари и судовой обшивки.

1987 г. археологи провели погружения близ острова Терешкина, с целью локализации грота с фрагментами наскальной живописи. Грот обнаружить не удалось, но аквалангисты наткнулись на остов затонувшего деревянного судна, и извлекли фарфоровую посуду – чайные пиалы, изготовленные в конце XVIII в. в прекрасной

[387] *Ганджи И.А.* Подводная одиссея Виктора Квачидзе // Подводная археология – 40 лет: сб.науч.тр. – Баку, 2008. – С.7.

[388] *Мурадалиева Э.* «Золотой» век городов Азербайджана // Кавказ и глобализация. – 2010. – №1(II). – С.220.

[389] *Квачидзе В.А., Багдасаров Р.С.* Подводные находки в районе гибели старой шхуны // СП. – 1974. – №37. – С.73.

сохранности[390]. Начиная с 2008 г. в республике наметились тенденции к реанимации подводно-археологической деятельности[391]. В текущий период мировую научную общественность всколыхнуло сообщение об обнаружении с помощью космической съемки останков крепостного сооружения, расположенного на дне моря, вдоль восточной границы Апшеронского полуострова, рядом с мысом Шихова коса. Объект получил условное название «Зыринская крепость», длина памятника составляет 316 м, ширина 140, общий периметр стен равен 823 м, а внутренняя площадь доходит до 39000 м². Ширина стен варьируется от 2 до 2,5 м.[392]. Вне всякого сомнения, приводимые данные требуют проверки, с целью дополнения информации, полученной со спутников.

В конце 1980 гг. близ острова Кулалы, экспедиция Центра комплексных подводных исследований под руководством А.В. Окорокова на судне «Акватория» Института Водных проблем обнаружила парусник XVIII в., отождествляемый с петровским посольством князя А.Бековича–Черкасского[393]. Археологический подъемный материал измеряется фрагментами бортовой обшивки, шпангоуты, киль, предметы быта и обихода команды: курительные трубки, бутылки, медная посуда, строительные материалы. В 1990 г. на место кораблекрушения была организована совместная с американцами экспедиция[394]. В 2016 г. отделение РГО в Татарстане откомандировало на памятник поисковый подводно-археологический отряд, результаты деятельности которого еще не публиковались[395].

---

[390] *Хакимов А.А.* Открывая тайны Каспия // Уральский следопыт. – 1993. – №2. – С.28.

[391] *Алиев Д.И*. Исследование прибрежных и подводных памятников Каспия// Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2012. – №4. – С.82.

[392] *Халилов Э.Н., Мамедова Г.Г., Халилова Т.Ш*. На дне Каспия обнаружена неизвестная крепость // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2008. – №1. – С.32.

[393] *Диваков И.В., Окороков А.В.* Изучение останов судна XVIII века на острове Кулалы в Северном Каспии // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.104.

[394] *Диваков И.В*. Каспийские раскопки судов // Море. – 1997. – №1. – С.50.

[395] *Эльдаров Э.М*. Подводно-археологическая экспедиция РГО «Каспийская Атлантида» в акватории Дербента // ВПА. – 2017. – №8. – С.76.

Балтийское море долгое время оставалось для археологов закрытым: холод, часто меняющиеся течение и практически нулевая видимость не способствовали распространению подводно-археологических исследований[396]. Тем не менее, значительные находки не оставляли равнодушным современников, в советской прессе широко освещались археологические работы финских ученых на погибшем в 1790 г. в ходе Роченсальмского сражения близ острова Котка, корабле русского флота «Святой Николай». Работы на памятнике проводились с момента обнаружения в 1948 г., на протяжении 30 лет. Идентифицировать судно, как принадлежащее русскому флоту удалось благодаря обнаруженным штурманским картам, монетам и фрагментам фурнитуры отечественной амуниции[397]. В настоящее время судно экспонируется в Морском музеи Финляндии[398].

В Латвии, в районе Либавы в 1913 г. отставной русский офицер И.В. Гартонг, в 11 км от берега, обнаружил затонувший в 1758 г. линкор «Москва». Исследователь привлёк спасательное судно и водолазов. С целью создания памятника погибшим морякам удалось извлечь пушку с надписью на казеннике "Woronez" и датой «1711(7) год». В последующем подняли еще два десятка орудий, якорь и фрагменты днища, но дело прервалось с началом Первой мировой войны[399]. В 1980 гг. Юрмальский городской музей создал структурный Центр подводной археологии[400], а в настоящее время в Клайпедском университете существует специализация «Подводная археология; отдых и туризм»[401].

---

[396] *Шопотов К.А.* В холодных глубинах Балтики – СПб.: Географ, 2005. – С.93.

[397] *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города – М.: Прогресс, 1982 – С.121.

[398] *Копейкин М. Л.* Современные практические методы консервации мокрого археологического дерева // ВПА. – 2020. – №11. – С.71.

[399] *Козюренок К.Л.* Подводные работы 1913-1914 годов на месте гибели линейного корабля "Москва" в 1758 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.libava.ru/223.html Либава. 125 лет под эгидой Российской империи (дата обращения 29.VI.2017).

[400] *Волдемарс Р.А.* Подводный мир Латвии. Взгляд гидроархеолога // ИПМА. – 2004. – №5. – С.61.

[401] *Лейцин В.Н., Дмитриева М.А.* О перспективах взаимодействия Российской и Литовской инновационных структур // Балтийский регион. – 2011. – №2. – С.85.

В 1978 г. создается экспедиция Эстонского Морского музея, перед которой ставиться задача подтвердить или опровергнуть наличие у западного берега острова Сааремаа подводных останков «Новой гавани», о которой есть упоминание в Ливонской хронике. Археологам в процессе погружений, не удалось обнаружить какой-либо фактический материал исторического значения, однако, были зафиксированы следы кораблекрушений нового времени в акватории островов Моонзундского архипелага. В последствии подводные поиски возглавил директор Нарвского городского музея Э.Ф. Эфендиев, которому удалось к 1983 г. на средства музея выкупить и переоборудовать под нужды археологии списанное научно-исследовательское судно «Маре» и параллельно создать Эстонский совет клубов, общественную хозрасчетную организацию, призванную координировать подводно-прикладную деятельность[402]. В 1985 г. эстонскими археологами у побережья Сааремаа в створе развалин замка Зоннебург на трехметровой глубине, в 300 м от берега удалось обнаружить остатки парусного судна, которое впоследствии было идентифицировано как беспалубный одномачтовый корабль XV в., с общими габаритами: длина 13,4 м, ширина 5,4–5,6 м, высота около 1 м.[403].

С 1983 г. начинает работать Выборгская экспедиция Ленинградского отделения ИА под руководством В.А. Тюленева[404], призванная основным объектом для изучения определить акваторию Выборгского залива, что обуславливается необходимостью проведения тщательных изысканий на месте Роченсальмского (Выборгского) сражения, произошедшего 3 июля 1790 г., где шведская сторона потеряла не менее 40 судов различной модификации, включая

[402] *Петренко В.П., Эфендиев Э.Ф.* Работы на территории Эстонии и Ленинградской области // АО'1983. – М.: Наука, 1985. – С.453.

[403] *Эфендиев Э.Ф.* Нарва. Путеводитель. – Таллин.: Периодика, 1990. – С.80.

[404] *Голенцов А.С.* Выборгское морское сражение и морская археология Восточной Балтики // ИПМА. – 1998. – №3. – С.7.

королевскую яхту «Аврора»[405]. В 1987 г. на баланс экспедиции передали судно, существенно расширяющее географию исследований, а позднее к археологам подключились коллеги из подводно-археологического общества «Память Балтики» во главе с капитаном I ранга К.А. Шопотовым, занимавшегося практическим изучением памятников Выборгского морского сражения до конца своих дней[406].

Подводно-археологическая деятельность в северных морях имеет ряд индивидуальных особенностей: быстротечное лето; невозможность использовать штатное снаряжение, т.к. для погружений в водах с низкой температурой необходимы непромокаемые костюмы, термобельё и антиморозные регуляторы для аквалангов; что увеличивает стоимость проведения экспедиции в разы. Сложные погодные условия могут элементарно не допустить выхода в море даже самую подготовленную команду. Слабая развитость инфраструктуры нередко делает логистику предприятия сложно осуществимой, и самое главное – скудность письменных источников сводит проведение изысканий по поиску погибших кораблей к элементу случайности.

Несмотря на приведенные очевидные и характерные минусы, при первичном рассмотрении становится ясно, что русский Север не для всех, но тех исследователей, которые находят здесь свое место ждет настоящее профессиональное счастье, интуитивно понимая, какое огромное количество нераскрытых памятников еще ждут своего часа. С 1944 г. и по н.в. в акватории датского порта Хиртсхальса ведутся работы на погибшем русском военном корабле, именуемом в специализированной литературе «Первым». Судно, под командованием капитана Х.П. Лаптева, совершая перегон по маршруту Архангельск –

[405] *Тюленев В.А., Демьяненко И.В*. Исследование памятников морской археологии Выборгского залива // ИПМА. – 2000. – №4. – С.36.

[406] *Шопотов К.А.* Найдены шведские королевская яхта «Aurora» и 44-х пушечный линейный фрегат «Zemfira» // ВПА. – 2015. – №6. – С.73–99.

Кронштадт попало в шторм осенью 1758 г. Команда спаслась, а 66-пушечный корабль пошёл ко дну, оставшись безымянным. Кораблекрушением и инициативами о проведения полноценных работ занимаются сотрудники Прибрежного музея Северной Ютландии[407].

В 1968 г. на базе Арктического и Антарктического НИИ была организована экспедиция под руководством М.И. Белова в западносибирскую часть Заполярья для изучения русского города-порта Мангазеи (XVI–XVII вв.). Ученым удалось высчитать общую площадь памятника, вытянувшегося вдоль берега реки Таз. Из-за размыва береговой черты во время половодья под водой оказалась значительная часть городища[408]. Четыре последующих полевых сезона принесли несколько сот фрагментов корабельной оснастки, существенно пополнив копилку знаний в изучении мореходства[409].

В 1970 гг. активизируются археологические исследования религиозно-культурного центра на архипелаге Соловецких островов, чья богатейшая историческая биография разбавлена легендами в институтских курилках о спрятанных под воду братией обители церковных ценностей и колоколов в годы национализации. В 1973–74 гг. на Соловках по приглашению директора музея Л.В. Лопаткиной, работала группа аквалангистов клуба Воронежского авиазавода под руководством А.К. Сержантова, которые обследовали набережную, монастырские водозаборы, гавань и причал на Большом Заяцком острове[410]. В своём отчете руководитель дал развёрнутую характеристику текущего состояния фундаментов и донных

[407] *Квист М.В.* Исследование одного кораблекрушения. Социально-исторический этюд // Вестник ЛГУ им. Пушкина. – 2015. – №4. – С.262.

[408] *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф*. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л.: Гидрометеоиздат. – 1980. – С.9.

[409] *Мангазев И.А*. Мангазейский морской ход – начало Великого северного морского пути// Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2014. – С.249.

[410] *Сержантов А.К*. К тайнам Соловецкого монастыря // СП. – 1975. – №40. – С.16.

отложений[411]. В 1999 г. экспедиция ИА РАН в ходе проверки подтвердила, что из-за подъёма уровня озера в конце XIX в. фундаменты крепости оказались затоплены[412].

В 1976–1977 гг. участники клуба «Волна» МАИ под руководством А.А. Захарова[413] предпринимали попытки поиска утраченных колоколов, опираясь на собственную, не лишенную оригинальности, гипотезу об их исчезновении[414]. Москвичи использовали металлоискатель, но в результате, тщательно отработав акваторию шести озер, исторически ценного материала экспедиция не обнаружила. В 1988 г. на Соловки пришли сотрудники ЦКПИ[415]. За три полевых сезона исследователям удалось досконально составить гидротехническую карту памятника, осуществить обследование подводных частей действующих архитектурных сооружений, изучить затопленные фундаменты старых причалов и опорных ферм несуществующих нынче мостов, тем самым подведя необходимый базисный материал для более продуктивного исследования акватории архипелага будущими экспедициями[416].

С 1978 г. и до настоящего времени на архипелаге Шпицберген работает Арктическая группа Института Археологии АН[417]. В 1983 г. руководитель экспедиции доктор наук В.Ф. Старков приглашал группу аквалангистов П.Ю. Черносвитова для обследования акватории у лагуны Гравшен, где к тому времени был достаточно полно изучен прибрежный

---

[411] *Сержантов А.К.* Отчет по результатам обследования подводной части набережной Святого озера Соловецкого монастыря в 1973 г. // Архив СГИАПМЗ. – Фонд 9. – Д.11.

[412] *Буров В.А.* Археологическое исследование Соловецкого монастыря (к становлению монастырской археологии Древней Руси) Ч. I. История археологических исследований // Вестник Северного федерального университета. – 2006. – №2. – С.9.

[413] *Захаров А.А.* Отчет о работе морского клуба «Волна» по поиску колоколов Соловецкого монастыря за 1977 год. – Архив СГИАПМЗ. Т.II, шифр 55.6/77.

[414] *Горячев А.А.* Утраченные колокола Соловецкого монастыря. Поиск продолжается // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2014.– С.121 .

[415] *Окороков А.В.* Исследование гавани XVI века на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага // ПИПИКГ. – 1990. – №2. – С.133.

[416] *Окороков А.В., Шпикалова Е.В.* Исследование набережной XIX века Соловецкого монастыря // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.110.

[417] *Старков В.Ф.,* Черносвитов П.Ю., Дубровин Г.Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. – М.: Научный мир, 2002. – С.152.

археологический памятник самобытной поморской культуры[418]. Целью исследований стояло выяснение технической возможности судоходства в данном районе. В ходе проведенных работ подводными археологами удалось воссоздать единственный в акватории фарватер, по которому мореходы могли безопасно пройти к суше, но следов деятельности человека под водой обнаружено не было. Несмотря на кажущуюся скромность результатов именно с подводно-археологической точки зрения, используя современные образцы снаряжения и обобщенный опыт погружений предшествующих экспедиций в низких температурах вселяют уверенность в масштабном возобновлении работ в северных широтах[419].

В 1979 г. Д.Ф. Кравченко совместно со спортсменами московского клуба «Дельфин» организовал экспедицию, состоящую из 11 человек, в Арктику, на остров Новая Земля, где близ Ледяной гавани (Карское море) разбил свою последнюю зимовку Виллем Баренц в 1596 г. В отличие от предыдущих экспедиций к месту захоронения мореплавателя, командой Д.Ф. Кравченко впервые были апробированы методы подводного погружения под лёд. Аквалангистам не удалось точно локализовать место гибели, при этом на поверхность было поднято достаточное количество артефактов, относящихся к обязательному инвентарю кораблей и фрагментов бортовой обшивки. Археологи осуществляли поиск с помощью специальной аппаратуры, благодаря чему удалось зафиксировать шесть точек аномального скопления металла. Экспедиция осуществлялась при поддержке газеты «Труд». В 2010 гг. в районе Ледяной гавани археологи обнаружили дубовые фрагменты шпангоутов, которые в настоящий момент проходят

[418] *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. – М.: Научный мир, 1998. – С.19.

[419] *Черносвитов П.Ю.* Поморское судоходство как самостоятельный объект исследований // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.33.

дендрохронологический анализ в Геологическом институте. Результаты экспедиции широко освещались на пресс-конференции в стенах Архангельского краеведческого музея осенью 2012 г.

Тождественные работы по локализации мест гибели российских кораблей, оставивших заметный след в отечественной истории, проводились и на Дальнем Востоке. Легендарная «Паллада», в 1856 г. была затоплена в гавани Татарского пролива. Знаковая для российских моряков биография фрегата привела к ряду экспедиций с целью подъема корабля: первое обследование производилось водолазами в 1888, в последующем в 1914, 1935 и 1940 гг. К этому времени от «Паллады» практически не чего не осталось. В 1956 г., в столетний юбилей плавания, якорь с фрегата установили на острове Русский, а в «горбачевский» период, за два полевых сезона 1987–88 гг. аквалангистам негосударственного клуба «Акванавт», состоявшим исключительно из действующих офицеров Советской армии, при технической поддержке Тихоокеанского флота удалось локализовать местонахождение фрегата и занести координаты на карту. По причине экономических трудностей и неудовлетворительного состояния корабля от операции по подъему отказались[420].

В 1981 ИИАиЭ Дальнего Востока была организована экспедиция «Беринг–81» под руководством Г.А. Силантьева[421], сформированная с целью обнаружения останков пакетбота «Святой Петр», ставшего последним приютом для Витуса Беринга и части его команды в 1741 г. Археологам при помощи магнитометра удалось обнаружить на глубине 3 м в прямой доступности от среза воды семь пушек с корабля Беринга и обследовать дно акватории[422]. В 1991 г., в честь 250-летия плавания

[420] *Шопотов К.*А. Фрегат «Паллада» // СП. – 1991. – №86. – С.27.

[421] *Силантьев Г.А*. Экспедиция «Беринг-81» // Наука и жизнь. – 1982. – №2.– С.80.

[422] *Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К*. Командорский лагерь экспедиции Беринга (опыт комплексного изучения) – М.: Наука, 1988. – С.125.

отечественных исследователей в Америку, работавший над докторской диссертацией археолог А.К. Станюкович и известный полярный исследователь Д.И. Шпаро организовали повторную совместную советско-датскую экспедицию на остров Беринга. В ходе проведения подводно-археологических исследований удалось обнаружить в воде четыре корабельных орудия[423]. Основные открытия были сделаны на берегу, где удалось найти останки Беринга и пятерых членов его команды. Проведенная операция профессора В.Н. Звягина по пластической реконструкции облика командора Беринга подтвердила доводы, что на известном портрете изображен не путешественник Беринг, а его родственник. Истинный образ самого командора удалось воссоздать только в 1999 г.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что благодаря распространению акваланга, и созданию научной методологии ведения погружений с целью осуществления профессиональных раскопок и консервации артефактов, в Советском Союзе был реализован ряд интереснейших подводно-археологических проектов в морских акваториях, работа над которыми в большинстве своем продолжается до сих пор.

[423] *Шопотов К.А.* Открытие командорских островов (275 лет) // ВПА. – 2016. – №7. – С.85.

ГЛАВА II. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ОБЛАСТИ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ СССР (1950–1980 гг.)

2.1. Организация и практика подводных исследований на внутренних водоемах СССР: региональный аспект

Появление усовершенствованного оборудования и введение общей стандартизации осуществления погружений, позволили отечественной школе сделать качественный шаг вперед. К 1970 гг. на фоне общего развития науки и роста применяемых методик наметилась тенденция в изучении подводного наследия к расслоению по более узкой специализации. Наличие наскальных рисунков и свайных поселений мотивировало изучение доисторического периода; увековечивание памяти о Великой отечественной войне и возникновение поискового движения предопределило рождение военной археологии; расширение номенклатурной базы способствовала появлению «кабинетных» археологов, работающих с архивами и в лабораториях. В междисциплинарное направление вылились проблемы консервации и обработки артефактов. Все чаще практикующие археологи прибегают к техническим средствам разведки и локализации, что значительно упрощает решение целого комплекса профессиональных задач нацеленных на выявления перспективных мест исследований[424]. Проводятся сопоставительные исследования по уровню и качеству сохранности артефактов в морской и пресной воде, по отдельно взятым материалам изготовления: железо, дерево, ткань, стекло, кожа и т.д[425].

[424] *Шишкин К.В*. Применение аэрофотосъёмки для исследования археологических памятников // СА. – 1966. – № 3. – С.119.

[425] *Сингатулин Р.А*. О перспективе подводных археологических исследований Волжского бассейна // Археологическое наследие Саратовского края. Выпуск 4. – Саратов. – 2001. – С.148.

Доктор наук М.В. Агбунов, доцент К.К. Шилик и другие исследователи все больше профессионального внимания начали уделять исторической географии, призванной воссоздавать топографию затонувших поселений[426]. С легкой руки археологов, сфера научных интересов которых формировалась исследованием мореходства[427] и судостроения[428], сложились предпосылки для возникновения самостоятельного течения изучения маринистики, на основе данных подводной археологии и иных групп источников. Отечественные специалисты, развивающие настоящее направление, Б.Г. Петерс[429], А.В. Окороков, Н.П. Писаревский, В.Н. Таскаев, достигли заметных результатов в изучении и квалификации общей истории корабельного ремесла, что послужило парадигмой для создания научных исследований, выходящих за границы отечественных акваторий[430]. К слову сказать, при непосредственном участии М.В. Агбунова была создана копия древнегреческой диеры, на которой удалось совершить путешествие из Одессы в Париж[431]. Реконструкция судов, и примеры практической эксплуатации выводят ряд актуальных вопросов перед наукой, в т.ч. могли ли норманны, чьи суда не приспособлены для сплава по восточноевропейским рекам оказать заметное влияние на создание русской государственности в средние века[432]. Но наиболее логичное разделение научных направлений объясняется географией изучения наследия акваторий: внешние (морские) и внутренние (пресноводные). Исследования в пресной воде имеют отличительные

[426] *Дементьев В.С*. К вопросу о становлении и перспективы развития исторической географии // Псковский региональный журнал. – 2015. – №23. – С.63.

[427] *Марченко И.Д*. К вопросу о боспорских торговых судах // СА. – 1957. – №1. – С.232–237.

[428] *Орлов С.Н*. Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде // СА. – 1958. – №4. – С.207–209.

[429] *Петерс Б.Г*. В поисках затонувшего судна // СП. – 1962. – №2. – С. 48–59.

[430] *Кисельников А.Б*. Грузовые суда и организация морских перевозок в Средиземноморье в античную эпоху: дисс.канд.истор.наук: 07.00.03 / Кисельников А.Б. – Саратов, 2009. – С.206.

[431] *Мельник И.К*. Путешествие в прошлое. Книга первая: «Ивлия». – Одесса, Печатный дом, 2005. – С.288.

[432] *Грот Л.П.* Об имени Хельги // Исторический формат – 2015. – №4. – С.91

особенности, влияющие в первую очередь на сохранность артефактов. Если осуществление практической деятельности в бассейнах рек и озер не требует специальных условий, то раскопка памятников, сохранение и консервация отлична от морских аналогов[433].

В СССР исследования в пресноводных водоемах чаще всего инициировались общественным интересом, через популярную двустороннюю связь читателей и СМИ, где специалисты и любители древности публично дискутировали о необходимости изысканий на объектах, ставших ареной различных исторических событий, дошедших до наших дней в письменных источниках. Вторую, не менее значимую группу составляют объекты интегративного (комплексного) изучения, когда сухопутный раскоп упирается в береговую кромку, и возникает острая необходимость в привлечении аквалангистов[434], к третьей группе относим места старинных переправ (мосты и броды), аккумулирующие огромное количество артефактов; береговые обрушения грунта в локализованных точках стоянок и поселений; фарватеры рек в створе которых кораблекрушения происходили с завидной регулярностью. К примеру, во второй половине XIX в. на Неве в год гибло восемь судов, на Волхове шесть[435].

Наряду с инициированием поисковой деятельности, огромную сумятицу вносили выдаваемые за действительность многолетние сплетни о нахождении на дне самых неожиданных водоемов исторических ценностей, от княжеской казны, спрятанной от средневековых кочевников до «Тигров» Вермахта. В результате, в

---

[433] *Копейкин М.Л., Кухтерин С.А.* Кирьясская барка. Опыт раскопок, извлечения и транспортировки // ВПА. – 2015. – №6. – С.60.

[434] *Лозовская О.В., Лозовский В.М., Мазуркевич А.Н., Климente Конте И*. Подводные исследования на стоянке каменного века Замостье-2 (Московская область): итоги и перспективы // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2014. – С.38.

[435] *Лукошков А.В, Агеев Д.М., Прохоров Р.Ю., Галайда И.В.* Находки затонувших судов на трассе торгового пути река Нева–Ладожское озеро–река Волхов // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.121.

послевоенный период погружений на дно рек было проведено великое множество, подавляющее большинство из которых прошли вхолостую и ограничились исследованиями в один полевой сезон. Необходимо учитывать, что популяризация подобного рода изысканий в целом несла многосторонний положительный характер. Недаром, первые всесоюзные научно-практические семинары по проблемам подводной археологии, проводившиеся в 1980 гг., под эгидой 50-летнего юбилея дисциплины осуществлялись на базе ЭПАР Запорожского Государственного музея, что косвенно указывает на значительную наукоёмкость результатов практической деятельности на пресноводных водоёмах.

В 1956 г. в Ленинграде была организована межведомственная экспедиция под эгидой АН СССР для уточнения места проведения Ледового побоища 1242 г. Руководителем был назначен единственный на весь Союз беспартийный генерал – Г.Н. Караев[436]. Отставной преподаватель академии к вопросу проведения экспедиции подошел поистине со стратегическим размахом: военный катер «ГК-201», команда армейских легководолазов, с подводным миноискателем и штатный фотокорреспондент. Лагерь разместился в деревне Самолва, где были оборудованы почтамт, столовая и пристань. Началу практических изысканий предшествовал цикл подготовительных мероприятий: уточнение архивных данных, систематизация имеющейся историографии, опрос местных жителей, имеющий целью сбор сведений о случайных находках, перекликающихся с битвой дружин А.Невского, и аэрофотосъемка с вертолета. В результате проведенных мероприятий, на карте был зафиксирован район поиска в акватории Чудско-Псковского озерного комплекса[437].

---

[436] *Караев Г.Н.* Новые данные о месте Ледового побоища 1242 года // Военно – исторический журнал. – 1959. – №3. – С.47

[437] *Кривошеев Ю.В., Мандрик М.В., Соколов Р.А*. «Дневник поездки на Чудское озеро» академика М.Н. Тихомирова. 1958 год. // Русские Древности...: сб.науч.тр. – СПб, 2011. – С. 395.

В бассейне озера Теплого, являющегося срединной составляющей каскада, на расстоянии 50–200 м от восточного берега на глубине до 1 м располагались остатки затопленной деревни Чудская Рудница, взятые за якорную точку координат. Деревню идентифицировали благодаря следам построек, колодцев, костям животных. На дне водоёма исследователями были локализованы следы летописного Вороньего Камня, а в непосредственной близости находились фрагменты каменной кладки, имеющей форму неправильного многоугольника. По всей вероятности, в средневековье на этом месте проходил крепостной вал. На расстоянии 400 м от берега озера Лежница на глубине 0,5 м было зафиксировано пепелище, которое на основании проведенного анализа останков древесины отождествляют с деревянной церковью Архангела Михаила, возведенной в 1459 г., и сожженной рыцарями в первый год своего существования. Проводимые ленинградцами исследования позволили проследить динамику колебаний уровня воды озерного комплекса за последние 500 лет[438]. В 2012 г. в честь 770-летия культовой для русской истории битвы в деревне Самолва был открыт музей, посвященный экспедиции по изучению места проведения битвы. Начиная с 2020 г. на озере проводятся экспедиции Центра подводных исследований РГО.

В 1989 г., под руководством П.Е. Сорокина приступила к исследованиям Комплексная археологическая лаборатория НПО «Геофизик», с целью обследовать бухты Валаама, устье Невы и Ижоры, и особенно тщательно проверить наличие артефактов, привязывающих изучаемые акватории к Невской битве 1240 г. Экспедиция была снабжена современным гидролокатором бокового обзора, призванным сканировать рельеф дна, и магнитометром – прибором, реагирующим на

[438] *Караев Г.Н.* Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища – М. – Л.: Наука, 1966. – С.241.

аномальное скопление металла в грунте. В районе, отождествляемого с местом битвы, заложили дюжину шурфов для обнаружения культурного слоя и определения его мощности. Результат ограничился несколькими интересными находками: фрагменты славянской керамики и средневековый нательный крестик (XVI в.), попутно локализовано пять гражданских судов, затопленных видимо при отступлении подразделений РККА[439]. Фактического материала, подтверждающего наличие средневековой битвы обнаружить не удалось – белое пятно отечественной истории исследователям еще предстоит устранить.

В 1973 г., «Неделя», еженедельное приложение газеты «Известия» опубликовало статью о подготовке к разведочным погружениям на озере Ильмень. Академик В.Л. Янин, вдохновленный общими успехами подводных археологов, возлагал большие надежды на грядущие исследования, справедливо полагая, что в пресной воде памятники деревянного кораблестроения должны прекрасно сохраниться[440]. Подводные исследования удалось организовать в полевые сезоны 1973–74 гг., при содействии ИА АН СССР, под руководством публициста М.М. Баринова в устье реки Ловать, при впадении в Ильмень, с целью поиска останков древнерусских судов[441]. Научным консультантом выступил профессор Б.А. Колчин. Экспедиция имела на техническом обеспечении геолокатор «Язь». В ходе проведения работ близ деревни Ондвор на глубине 3,5 м обнаружили остатки судна, корпус которого был сшит кованными четырехгранными гвоздями. Нулевая видимость вынудила археологов по тектонической памяти зарисовывать объекты, а взятые на дендрохронологический анализ, образцы древесины ограничили возраст находки второй половиной XVIII столетия.

---

[439] *Сорокин П.Е.* Памятники «судовой» археологии в Северо-западной России и некоторые перспективы их изучения //ИПМА. –1998 – №3. – С.22.

[440] *Баринов М., Юркова Г.* Найти корабль новгородцев // Неделя. – 1973. – № 17. – С. 19.

[441] *Корсунский А.Д.* Мы ищем корабль «Садко» // СП. – 1975. – №42. – С.49.

Несколько ранее М.М. Баринов смог заинтересовать редакцию «Литературной газеты» легендой о древнерусском граде Китеже[442]. Согласно «Книге, глаголемой летописцем», расположенный на берегу озера город встретил орды Батыя отсутствием укреплений, а все жители были безоружны и усердно молились. Несмотря на отсутствие сопротивления, отрядам татаро-монголов город захватить не удалось, перед ними вырос столб воды, и они смогли лишь лицезреть, как Китеж вместе со своими жителями погрузился в воды озера[443]. Мессианистическая история «русской Атлантиды» всегда была популярна в широких слоях населения, в главе 1.1. мы писали о вынашиваемой помещиками в конце XIX в. идеи о тотальном осушении водоёма. На фоне сказанного объясняется возникшее в среде советской интеллигенции мода на поездки на озеро с целью ознакомительных погружений[444].

Обследования озера Светлояр, расположенного в Воскресенском районе Нижегородской области, проводились еще в дореволюционный период, когда в конце XIX в. известный почвовед Василий Докучаев выдвинул предположение об озере как метеоритном кратере. Позднее его версия была опровергнута, но исследования 2007 г., проведенные сотрудниками Санкт–Петербургского ФГУП «ВСЕГЕИ», подтвердили выводы Докучаева от 1886 г. об импактном (ударном) происхождении водоема, образованного в голоцене, и являющегося, по сути, метеоритным кратером[445]. Созданная газетой Общественная археологическая экспедиция на Светлояре длилась три сезона, 1968–1971 гг. Целью для аквалангистов было подтвердить или опровергнуть

[442] *Воронцов А., Орлов А*. Китежская легенда // Вопросы истории. – 1985. – №10. – С.180.

[443] *Комарович В.Л*. Китежская легенда (Опыт изучения местных легенд). – М.: издательство АН СССР, 1936. – С. 189.

[444] *Шестаков В.П.* А прошлое ясней, ясней, ясней. Воспоминания шестидесятника. – СПб.: Нестор – История, 2008. – С.91.

[445] *Енгалычев С.Ю*. Озеро Светлояр – голоценовый метеоритный кратер на востоке нижегородской области // Региональная геология и металлогения. – 2009. – №37. – С.42.

наличие следов пребывания человека: повсеместно всплывали разговоры о порванных рыбацких сетях, зацепившихся за кресты затопленных куполов[446]. Для исследовательской деятельности подводных археологов снабдили звуковым геолокатором, считывающим разрез дна, но сколько-нибудь серьезных памятников, подтверждающих наличие поселения, обнаружить не удалось.

С легкой руки французских военных была подхвачена версия о затоплении сокровищ Кремля. Вальтер Скотт в «Жизни Наполеона Бонапарта – императора французов» прямо указывает на создание клада: «Наполеон повелел, чтобы московская добыча: древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого, были брошены в Семлеевское озеро как трофеи, которые он не имел возможности везти с собою»[447]. Еще в XIX в. группа французских аристократов обращалась к Александру II с просьбой разрешить провести на озере поиски, но получили достаточно лаконичный ответ: «Когда-нибудь поднимем сами». В 1910 г., в преддверии столетия войны на озере проводились изыскания, окончившиеся в холостую[448]. В 1960 г. корреспондент «Комсомольской правды» Я.К. Голованов по линии Министерства обороны организовал прибытие на озеро сапёрного взвода. Посыл для поиска были следующий: если обоз сбрасывали под лед сразу с дороги, то искать надо не в самом озере, а в трясине, отделяющей современный береговой срез от дороги. Месяц кропотливой работы принес скромный результат в виде обломка железного плуга. На следующий год военных сменили специалисты из НИИ Гидрологии и студенческий отряд из МГУ. Взятые на анализ пробы воды показали, что содержание золота, серебра, цинка, меди и олова в десятки раз превышают норму. Примечательно, что в

[446] *Гогешвили А.Р.* Снова на озере Светлояр // СП. – 1971. – №25. – С.105.

[447] *Бердников В.В.* Клад Наполеона («Московская добыча») // Всемирный путешественник – 2007. – №1. – С.11.

[448] *Полонский И.* Куда исчез клад Наполеона [Электронный ресурс] // Военное обозрение. Оф.сайт. URL: https://topwar.ru/152443-kuda-ischez-klad-napoleona.html (дата обращения 22.V. 2023).

разных местах озера уровень содержания металлов в воде значительно колеблется. В 1963 г. аквалангисты клуба «Волна» МАИ предприняли авантюрную попытку достичь дна озера[449]. Учитывая, что материковый грунт находится под толщей торфа в 3-4 м., без соответствующей подстраховки и без специального снаряжения погружаться в подобную взвесь крайне опасно. В 1979 г. под эгидой «Комсомольской правды» была организована экспедиция, которую курировали по линии КГБ. Соотношение топографической съемки с картами Императорского археологического общества показали точное место, но достать удалось только двигатель от моторной лодки[450].

В 1985 г. в составе АН Грузинской ССР сформировали подводный отряд с целью локализации останков древнегреческой колонии Фасис. Исследования в море результатов не принесли. Фрагментарное упоминание о памятнике относится к VI в. до н.э. География работ отряда ограничивалась бассейном озера Палеостоми. Разведочные погружения на дно водоёма зафиксировали каменную кладку, ориентированную строго с юга на север, ширина стены достигает метра, длина сохраненного участка около 20 м. Хронологически строение отнесли к эпохе средневековья. Подъемный материал составил образцы керамики как местного, колхидского производства, так и импортной тары. В торфяных отложениях в ста метрах от берега было обнаружено сильно разрушенное захоронение. Инвентарь могильника составляла амфора с пережженными костями, на боку сосуда нанесено граффито, схожее с буквосочетанием «фш». Рядом с амфорой лежали обожженные человеческие кости, три бронзовые фибулы и одна булавка. Также с раскопа были подняты осколки рюмковидных стеклянных сосудов зеленоватого цвета и медная византийская монета номиналом в 20

[449] *Кондратов А.М.* Века и воды. – М.: Детская литература. – 1976. – С.25.
[450] *Прапор С.С.* Пятьдесят лет в подводной археологии // Нептун. – 2011. – №6. – С.93.

нуммий эпохи Юстина II (565–578 гг.). Скудность вещественных данных не позволяют точно идентифицировать урбанистический центр, отождествляемый с Фасисом в месте раскопок[451].

С незначительными перерывами с 1970 г. проводятся комплексные археологические изыскания на восточном берегу Онежского озера, целью которых является изучение древних наскальных рисунков-петроглифов, датируемых IV–III тысячелетиями до н.э. Это один из немногих памятников искусства Каменного века на территории нашей страны, особенностью которого является не изображение композиции, а точечное выбивание контура в гранитной породе[452]. В 1970 гг. экспедицию возглавлял Ю.А. Савватеев, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Под его руководством петрозаводским археологам удалось апробировать уникальный метод зеркального копирования подводных рисунков на полиэтиленовую пленку с протиркой графитом и с использованием фотофиксации при боковой подсветке. Полумрак при погружениях, вызванный большим количеством взвеси в дневное время подтолкнул аквалангистов на мысль осуществлять поиск петроглифов в ночное время с использованием мощных фонарей. Таким образом в условиях абсолютной темноты исключается возможность бликования каменной поверхности и появлялся шанс разглядеть рисунки с помощью искусственного освещения. Работать археологам приходится на глубинах в 3–5 м, помимо визуального осмотра затопленного яруса петроглифов и поиска археологического материала на дне, подводный отряд экспедиции отвечает за поиск отколовшихся от наскальных полотен и сползших в донные отложения гранитных глыб. Накопленный

[451] *Гамкрелидзе Г.А*. Вопросы развития подводной археологии в Грузинской ССР // Сообщения АН Грузинской ССР. – 1986. – №3. – С.503.

[452] *Формозов А.А*. Памятники первобытного искусства на территории СССР – М.: Издательство Наука, 1980. – С.49.

на Онеге археологами опыт, существенно дополнил общую копилку знаний о первых образцах живописи человечества[453]. Похожую технологию с использованием гибкого силикона для снятия слепков с данными эпиграфики с крупных архитектурных объектов используют сотрудники Европейского института Морской археологии при работах в акватории Александрии Египетской[454].

Отечественная научная школа, изучающая наследие наскального искусства, значительное внимание уделяет вопросам консервации каменных блоков с образцами рисунков, страдающих в результате регулярной цикличности перепада температур через 0С° (переход от замерзания воды в жидкое состояние). Неоднозначную оценку вызывает стремление превращать памятники первобытного творчества в точки туристических маршрутов, подобные тенденции привели к закрытию огромного количества объектов. Юридически, в подобных вопросах первую скрипку играют «традиционные собственники», термин пришедший из Австралии и обозначающий первоочередное соблюдение интересов местных (региональных) структур по отношению к федеральным, или даже международным[455].

олее полувековой практикой подводных работ обладает Северо-западная экспедиция Эрмитажа. Сфера научных интересов специалистов музея формируются на наследии каменного века, и на изучении затопленных останках свайных поселений[456]. В 1964 г. при изучении свайного поселения, относящегося к III тысячелетию до н.э., в отложениях торфа, на глубине 1,15 м была обнаружена статуэтка

---

[453] *Савватеев А.Ю*. Вечные письмена (наскальные изображения Карелии) – Петрозаводск, КарНЦ РАН, 2007. – С.36.

[454] *Березин А.А*. Подводно – археологические изыскания в Александрии, как объект междисциплинарного международного сотрудничества в сфере изучения культурно-исторического наследия // Вестник МГПУ. – 2018. – №2. – С.70.

[455] *Дэвлет Е.Г*. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование: автореф. дисс….д.и.н. /Дэвлет Екатерина Георгиевна – М., 2003.– С.36.

[456] *Микляев А.М*. Подводные археологические исследования Государственного Эрмитажа // Museum. – 1980. – №1. – С.68.

мужчины, выполненная из рога лося. Длина фигурки 9,3 см, наибольшая ширина 2,5 см.[457]. В 1972 г. при осмотре мелиоративного канала в Велижском районе Смоленской области археологом А.М. Микляевым было локализовано свайное поселение. Интерес к каналу был вызван не случайно: гидросооружение создавалось в русле речки Сертейка, которая изначально простиралась по интересным с археологической точки зрения пятнам, исследуемым учеными из Эрмитажа на протяжении нескольких лет. Для выяснения мощности культурного слоя было осуществлено бурение грунта на береговом срезе, который показал значительный уровень археологического материала, отождествляемого с усвятской культурой неолитической эпохи[458].

Непосредственно на «мокром» раскопе, в силу малых глубин и нулевой видимости, не располагающей к визуальному осмотру, было принято решение о расчистке донных отложений и вымыванию наносного грунта с помощью помпы[459]. На воде якорями фиксировалось две лодки, между которыми располагалась мелкоячеистая решетка, принимающая вымываемый со дна грунт, для его дальнейшего обследования и выемки находок при обнаружении. Методика, разработанная командой В.Д. Блаватского, позволила археологам обнаружить человеческие захоронения, около 200 обломков сосудов усвятской культуры, кремневые орудия труда и кости диких животных.

Аналогичным способом экспедиция работала и на озере Сенница в 1982–87 гг. Археологический памятник получил название Дубокрай и отождествляется с неолитической эпохой[460]. В 1977 г. на озере провели спуск воды на 2,5 м, обнаживший деревянные сваи. На находку

---

[457] *Микляев А.М.* Идол из Усвятского торфяника // СА. – 1967. – №4. – С.289.

[458] *Мазуркевич А.Н., Й.Мегро, Е.В.Долбунова, М.Э.Полковникова, И.Г.Широбоков* Исследования неолитического памятника Сартея II // Археологический сборник Государственного Эрмитажа – № 41. – 2017. – С.108.

[459] *Микляев А.М.* О разведках свайных поселений III–II тысячелетий до н.э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники культуры на территории СССР: сб.науч.тр. – Л., 1982. – С.16.

[460] *Микляев А.М.* Подводные исследования озера Сенницы // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.40.

строители внимания не обратили, в результате выступающая часть памятника, буквально за один год превратилась в труху. В 1979 г. благодаря местным краеведам о свайном поле стало известно археологам. Для организации топосъемки площадь памятника покрыли сеткой, с сечением квадратов 20х20 м, общие размеры исследуемого участка составили более гектара. В 1986 г. на глубине 1,2–1,5 м зафиксировали фундаменты железоделательной мастерской V в. до н.э. На раскопе обследовали сохранившиеся конструкции срубных камер 8х8 м, разделенных на четыре равные части, внутри которых в большом количестве сконцентрировались шлаковые отходы производства[461]. Работы на памятнике позволили систематизировать этапы развития гончарного ремесла, опираясь на фактические примеры изменения культуры изготовления керамики по формам, технологии и орнаментации[462]. Актуальные данные довёл до общественности А.Л. Александровский в докладе «Природная среда неолита по данным исследований в бассейне реки Сертейка» на конференции «Археология озерных поселений», проходившей в 2014 г. в Эрмитаже. В 1989 г. в акватории озера было обнаружено четыре неолитические стоянки, под обобщенным названием «Вощиллы»[463]. В результате применения современных методов картирования, выдвинуто предположение о существовании в каменном веке своеобразного водного коридора, сопряженного с цепочкой озер от Валдая до северо-востока Польши[464].

---

[461] *Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.А*. Исследование внутренних водоемов в Северо-западном и Центральном районах России: проблемы изучения и сохранения подводного наследия //Юридические и методические вопросы…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.153.

[462] *Хрусталева И.Ю.* Методы обработки полевой документации культурного слоя памятника Сертея XIV // «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования». Тезисы научной конференции. – СПб.: ИИМК, 2013. – С.21.

[463] *Симонюков С.М.* Гидроархеологические исследования Госмузея БССР // Проблемы охраны и исследования...: сб.науч.тр. – Запорожье, 1987. – С.24.

[464] *Мазуркевич А.Н.* Полвека раскопок и подводных исследований озерных поселений на Северо-западе России // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2014. – С.81.

В начале 1970 гг. белорусские ученые провели ряд экспериментов по сохранности мокрого археологического дерева извлеченного из раскопов в месте впадения реки Муховец в Западный Буг[465]. Известно еще о ряде экспериментальных попыток, которые не увенчались ожидаемым эффектом.

Положительными результатами увенчались изыскания в Прибалтике. С 1958 г. экспедиция Института истории АН Эстонской ССР вела раскопки остатков деревянных построек на озере Кооркюла (Валгагский район), в результате, к середине 1980 гг. археологами было исследовано порядка 700м^2 памятника, уничтоженного пожаром в конце VII в. К указанному периоду относятся и две самые примечательные находки всего раскопа: обломки лепной керамики с ямочным орнаментом и глиняные пряслица. Качественных результатов добилась экспедиция литовских исследователей под руководством В.А. Ушинскаса, обследовавшая ряд озер, в т.ч. и Дайгайское, где в 1980 г. удалось обнаружить некоторое количество артефактов мезолитической эпохи: топоры, резцы, наконечники стрел.

Полевые исследования, продолжавшиеся с разной интенсивностью с 1959 г., были осуществлены сотрудниками экспедиции Института истории Латвийского отделения АН в Видземских озерах под руководством Я.Д. Апалса. Заметных успехов удалось добиться на раскопках озера Арайши, где в 1966–1968 гг. специально был осуществлен сброс воды, в следствии чего уровень упал на один метр[466]. В результате обнажился бревенчатый настил, камеры 41 сруба, в грунте находилось большое количество фрагментов предметов труда и быта, а также целые плетеные веревочные сандалии, четыре десятка образцов лепной посуды, остатки челна-однодеревки. Находки были датированы

[465] *Вихров В.Е., Вихров В.Ю., Борисов В.А., Казанская С.Ю*. Сохранение древесины из раскопок Берестья // СА. – 1973. – №4. – С.277–279.

[466] *Апалс Я.Д*. Раскопки поселения на озере Арайшу // АО’1967. – М.: Наука, 1968. – С.275–277.

IX–X в. н.э. В 1976 г. вокруг озера возвели деревянную дамбу и с помощью стационарных насосов опустили уровень воды еще на 1,5 м, что позволило выявить фрагменты булыжной мостовой для сообщения с берегами и обнаружены еще 13 строений, 35 целых или поддающихся реставрации горшков и т.д.

Проводимым работам придавался уровень республиканского значения, т.к. Арайши были известны археологической науке еще с XIX в., после посещения озера одним из видных немецких теоретиков антропологии Рудольфа Вирхова. Правительство Советской Латвии в 1983 г. приняло решение организовать на Девичьем острове современный археологический музей под открытым небом. Идею окончательно удалось воплотить в жизнь в 2005 г., благодаря финансированию ЕС. Музейный комплекс представляет собой реконструированное с большой долей достоверности средневековое поселения, с памятниками эпохи Каменного и Бронзового века. На сегодняшний день комплекс – одно из самых посещаемых туристических мест прибалтийского региона, где проведение археологических работ распланировано на продолжительный период. Общая площадь парка-музея составляет 10 км², посетители могут ознакомится не только с наглядными экспонатами, но и с историей археологических раскопок[467].

В середине 1960 гг. были проведены изыскания в торфяниках реки Вычегды в республике Коми. На срезе ниже уровня воды в 0,9–1,4 м удалось обнаружить около 90 единиц изделий из дерева эпохи неолита: охотничьи луки, скульптурки, рукоятки орудий труда, предметы быта[468].

---

[467] История археологического парка Арайши. [Электронный ресурс] // Материалы Национального музея истории Латвии. Оф.сайт. URL: https://web.archive.org/web/20150214030041/http://lnvm.lv/ru/?page_id=46 (дата обращения 09.VIII.2018).

[468] *Буров Г.М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. – 1966. – №1. – С.155–173.

Уникальными по технологии применяемых методик в условиях сильно заболоченной местности считаются изыскания на озере Шигирское в Свердловской области. Как археологический объект, памятник сформировался в XIX столетии, когда в ходе разработок золотосодержащих слоев, старателями применялась разведочная методика шурфов. Зимой 1890 г., на глубине четырех метров здесь были обнаружены фрагменты деревянного изделия, корневой деталью которого является голова и верхняя часть тулова, выполненные из единого бревна лиственницы. Находке присвоили наименование «Шигирский идол». После проведения анализа древесины и методов её обработки в руках екатеринбургских ученых оказался один из самых древних экземпляров деревянной скульптуры человечества – ориентировочный возраст Идола оценивается в 11 000 лет[469].

В 1985 г. инициативной группой при содействии ряда предприятий Свердловска и местного отделения ФПС с целью более плодотворных изысканий сфрмирован подводно-археологический отряд под руководством Ю.Б. Серикова и Ю.П. Литвиненко. В ходе исследований специалистами был локализован ряд археологических стоянок, расположеных с геологической точки зрения было крайне сложно: верхний срез торфа находился ниже уровня грунтовых вод, в результате, в раскоп, постоянно проникала вода. Для фиксации границ использовались длинные (5–7 м) шесты, упирающиеся сквозь торфяные отложения в материковый грунт, на поверхности фиксировался плот со страхующим аквалангистом и грунтоотсасывающим оборудованием. Археолог, погрузившись по шесту на дно, фиксировал в торфе свое положение, и руками на глубину ладони прокапывал шурф 2х1,5 м. Ручной метод практически к нулю сводил возможность пропустить

[469] *Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б.* Подводно – археологические исследования Шигирского озера. // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.61.

находку, или отправить её в отвал[470]. Описываемые сложности меркнут на фоне уникальных находок, поднятых подводными археологами: голова лося, выполненная из пяточной кости лося, размером 15,4х5,5 см; деревянный сосуд в виде фигурки лося; скульптура водоплавающей птицы – Большого крохаля, изготовленную из рога животного, размерами 15,8х2,2х1,3см, коленчатой формы, видимо, являющейся составной частью более крупной композиции, или рукоятью какого либо предмета[471]. В последующем к участию в экспедиции привлекали специалистов из Германии.

Положительный опыт, апробированный при раскопках в торфяных отложениях был позднее реконструирован в Подмосковье, при раскопках Щуровского могильника, близ Коломны, где провели подобные исследования с учетом современных технологий и оборудования[472].

Продуктивными практическими наработками владеют сотрудники Запорожского музея-заповедника. Своим подводно-культурным наследием акватория Днепра привлекла внимание с первых лет становления практической археологической науки[473]. В 1964 г. по просьбе администрации Запорожского краеведческого музея областной отдел ДОСААФ откомандировал на остров Хортица для прохождения практики выпускников подводного клуба, с целью локализации на речном дне остатков материальной культуры. Несмотря на отсутствие находок, проведенные изыскания убедили в необходимости организации систематического изучения данной акватории, что в свою очередь способствовало приданию острову Хортица статуса историко-

[470] *Савченко С.Н.* Тайны Шигирских древностей // Мир музея. – 2004. – №8. – С.2.

[471] *Чаиркина Н.М.* Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация: диссертация ... доктора истор. наук: 07.00.06 / Чаиркина Надежда Михайловна. – Екатеринбург, 2015. – С.44.

[472] *Сыроватко А.С., Трошина А.А., Панин А.В и др.* Исследование древних ландшафтов Щуровского могильника – информация со дна реки // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.25–33.

[473] *Бородянский А.В.* Археологические находки в днепровском Надпорожье // СА. – 1960. – №1. – С.274.

культурного заповедника, на уровне Совмина УССС [474]. С 1969 г. экспедиционная деятельность приняла систематический характер, благодаря созданному клубу любителей подводного спорта «Скиф», вошедшему в десятку крупнейших по Союзу, где наряду с основной программой, в порядке эксперимента, сотрудники участвовали в погружениях на первых обитаемых подводных домах в Черном море[475]. В 1981 г. «Скиф» преобразовался в Экспедицию подводно-археологических работ (ЭПАР). Полевой сезон 1971 г., отметился обнаружением останков в устье балки Наумова судна начала XVIII в. Работы проводились в связи с общим планом строительства «Днепрогресса-2». При осмотре дна обнаружили торчавшие части шпангоутов и обшивочной дубовой доски с вбитыми характерными коваными гвоздями с квадратной шляпкой. Подобные гвозди изготавливались в период войны с Турцией в 1735–1739 гг.[476].

Во избежание затягивания песком раскопа (подводное течение в месте находки довольно сильное), археологи установили защитную металлическую сетку 6х2 перед объектом, после чего приступили к размывке грунта мотопомпами, располагавшимися на плоту. В ходе обмера памятника и составления плана аквалангистами было обнаружено два артиллерийских ядра, пара кремневых ружей, судовой багор и палаш с клеймом: «Санкт–Петербург. 1726»[477]. Судно выступало носом из грунта на глубине 10 м по верхнему срезу. В ходе размывки донных отложений удалось выяснить, что обнаружена только передняя часть корабля, имеющая следующие размеры: длина 6,5 м, ширина 3,5 м,

---

[474] *Шаповалов Г.И.* Подводная археология Запорожья. Достижения и перспективы // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2010. – №2. – С.4.

[475] *Шаповалов Г.И., Спинов Е.Р.* Гидроархеологические исследования у острова Хортица // СП. – 1972. – №29. – С.66.

[476] *Шаповалов Г.И.* Подводные раскопки челна – однодеревки XIV–XV веков у острова Хортица // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.71.

[477] *Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л.* О древних судах со дна Днепра у острова Хортица // Проблемы охраны и исследования...: сб.науч.тр. – Запорожье, 1987. – С.8.

высота 2,5 м. В носовой части имеется квадратное гнездо, предположительно для крепления первой мачты, на внутренней части по левому борту расположены три кованных кольца, диаметром 10–12 см, по всей вероятности, для крепления паруса, идентичное кольцо сохранилось и на носу. Кольца закреплены коваными крюками. Если взять во внимание, что на долю носовой части обычно у судов подобного класса приходится 1/3–1/4 часть от общей длины, то можно предположить размеры всего плавсредства: 4 м в ширину и 20 м в длину. В дальнейшем находку подняли плавкраном на поверхность, однако отсутствие опыта консервации и не налаженные коммуникации с соответствующими структурами привели к тому, что памятник стал быстро разрушаться от соприкосновения с кислородом. Для спасения шлюпки решили законсервировать находку в прибрежной полосе с высоким уровнем грунтовых вод на территории музея, где она и находится по сей день.

Дальнейшие изыскания запорожцев проходили не так сенсационно, но не менее продуктивно. В устье балки Громушиной обнаружили деревянные конструкции двух судов, ядра, детали корабельных мачт; в прямой видимости от бухты Музычиной найдена серебряная с позолотой дарохранительница, клейменная 1794 г.; у острова Растебинова отыскали медный кувшинчик; венчают коллекцию найденные в разных районах дюжина якорей XVIII столетия[478]. В 1990 г. археологи подняли деревянное колесо, аналогичное находкам памятников ямной и катакомбной культур[479]. Особого внимания заслуживает обнаружение энеолитического становища, отождествляемого со Среднестоговской археологической культурой, уже достаточно известной науке благодаря однотипным находкам на

[478] *Шаповалов Г.И.* Находки на дне Днепра // СП. – 1984. – №72. – С.58.

[479] *Ляшко С.Н.* О находке в р.Днепр колеса эпохи Бронзы// Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 1999. – №2. – С.167.

суше в первой половине XX в. Комплекс находится на глубине 9 м вдоль правого берега. Для выявления мощности культурного слоя закладывались шурфы, во избежание оползня грунта укрепленные четырехугольными кессонами, где стенки выполнены из оргстекла, для визуальной стратиграфии. В 1979 г. на раскопках использовалось судно «Поиск», оборудованное гидроэжектором. Близ скалы Рогоза археологи извлекли шесть целых лепных орнаментированных остродонных сосудов, зернотерки, кремневый нож, молоты, мотыги, фрагменты обработанных оленьих рогов.

В 1972 г. администрация Музея откомандировала аквалангистов на Каховское водохранилище для проверки информации археолога В.В. Отрощенко, зафиксировавшего факт передачи властям рыбаками клада монет XIV–XV вв., двух селадоновых блюд, и нескольких чаш с арабскими надписями[480]. Экспедиция продолжалась шесть лет, работать приходилось в условиях практически нулевой видимости, тем ценнее стали результаты исследований: были картографированы фундаменты построек различного назначения, мощенная кирпичными блоками площадка порядка 100м^2, 8 оснований для монтажа колонн. Поднятый с раскопа материал по праву сегодня является изюминкой музея: золотой перстень, пять серебряных гривен, более 5 000 монет разнохарактерных номиналов, бронзовые зеркала, стремена, бусы, серебряные браслеты, один из которых с арабской надписью, датируется XIV в., является единичным экземпляром в нашей стране.

К несчастью, террористический акт, совершенный летом 2023 г. привел к обмелению и гибели огромного количества археологических памятников расположенных на оголившемся дне Каховского водохранилища.

---

[480] *Бидзиля В.Ж., Болтрик Ю.В., Отрощенко В.В., Яковенко Э.В.* Работы Запорожской экспедиции // АО’1972 – М.: Наука, 1973. – С.259.

Возвращаясь к деятельности ЭПАР в 1970 гг., озвучим итоги ряда смелых проектов по поиску и расчистки от донных наносов некоторых старинных судов, проводимых по апробированной схеме: на берегу устанавливались ориентиры для привязки карты акватории. Промеры глубин позволяли составить план с изобатами и профилем дна, площадь исследовалась с помощью щупов, погружаемых в отложения не менее чем на метр, дабы удостовериться в отсутствии иных объектов и отчертить контур обнаруженного памятника. Судно помещалось в опалубку, с расчерченными полосами через каждые 20 см, что позволяло следить за уровнем вымываемого песка. Сверху опалубка накрывалась металлической сеткой с шагом ячейки в один кв.м, для более точной прорисовки. Для подъема крупных фрагментов использовались плавучий кран и надувной понтон[481].

Первый дубовый челн был обнаружен на глубине 7,5 м, его длина составляла 5,2 м, высота бортов 0,5 м, ширина 0,6 м. Радиоуглеродный анализ, проведенный в Ленинграде, отнес возраст древесины к первой половине XV в. Носовой фрагмент второго челна, обнаружен за 70 м выше по течению, отнесен к X в. Длина находки 10 м ширина 0,6 м. В челне при изготовлении были оборудованы перегородки, разделяющие судно на отсеки. Дальнейшая реконструкция показала, что при достаточном парусном вооружении суда подобного класса могли перевозить до 15 человек с грузом, не только на внутренних водных путях, но и в открытом море.

В 1984 г. на базе Музея создали Сектор охраны подводных памятников, переформированный через пять лет в Центр археологии и истории Днепра. Отрадно, что стоявший у истоков подводной археологии на Днепре, Г.И. Шаповалов, занимающий пост директора

[481] *Шаповалов Г.И.* Подводные раскопки челна-однодеревки XIV–XV вв. у острова Хортица // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.73.

музея до 2015 г., сумел вывести Центр на современный уровень, попытавшись реализовать международную гуманитарную программу «Древний путь «Из варяг в греки» – путь диалога, мира и взаимопонимания в Европе». На правом берегу Мертвого Донца расположен самый северный полис греческой колонизации – Танаис. В 1980 гг. памятник структурно входил в состав Ростовского объединенного музея краеведения. В 1977 г. В.В. Чалым заложил шурф на первой береговой террасе, к югу от центра городища[482]. В 1984 г. проходили инициативные исследования приречной части Танаиса и предполагаемой территории его речного порта силами аквалангистов Кировского райотдела ДОСААФ г. Ростова. В 1990 гг. в Танаисе работали сотрудники Варшавского Института археологии под руководством Т. Шолля, которые обнаружили останки каменно-деревянного моста[483].

Одно из старейших археологических производств расположено на озере Иссык–Куль[484]. Хронология изучения подводного культурного наследия памятника насчитывает более 150 лет[485]. В архивах сохранилось прошение губернатора Семиреченской области от 03.XI.1871 г. о необходимости приобрести в Кронштадте водолазный костюм для всесторонней исследовательской деятельности на озере[486].

В 1958 г. специалисты Киргизской археолого-этнографической экспедиции республиканской Академии наук под руководством М.Т. Айтбаева провели разведочные погружение на ранее

---

[482] *Ильяшенко С.М.* Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. – 2007. – № 2. – С.23.

[483] *Шолль Т., Равиньска А.* Пятнадцать лет раскопок Варшавского университета в Танаисе // Вестник Танаиса. –2012. – № 3. – С.49.

[484] *Зяблин Л.П.* Отчет о полевых работах Иссык–Кульского отряда Киргизской археологической экспедиции летом 1954 г. – Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1016.

[485] *Колпаковский Г.И.* О древних постройках, найденных на озере Иссык–Куль // Известия Русского Географического Общества. – 1870. – №6. – С.19.

[486] *Башкова О.* Военный губернатор Семиреченской области Г.А.Колпаковский и первые попытки подводных исследований на Иссык-Куле // По следам путешествия П. П. Семенова на Тянь-Шань: сб.науч.тр. – Бишкек, Издательство КРСУ, 2007. – С.161.

локализованных объектах, в результате чего удалось поднять на поверхность бронзовый сосуд, два бронзовых наконечника копий, нож и кузнечные щипцы[487]. В 1959 г., Д.Ф. Винник, профессиональный военный моряк, младший научный сотрудник ИИ АН Киргизской ССР, прошел курс обучения у профессора В.Д. Блаватского[488] и ознакомившись с разработанной им методикой проведения изысканий, сформировал студенческий отряд подводников в местной археологической экспедиции. Начальником водолазной станции был назначен инструктор республиканского ДОСААФ А. Матиенко. Первый полевой сезон ознаменовался серьезной научной корректировкой в топографии средневековых поселений Иссыкульской котловины, в оборот были введены ранее не известные подробности[489]. Подъемный материал состоял из каменных зернотерок, керамических осколков, каменного ножа, костей животных, фрагментов бронзового котла, строительного материала, оканчивающегося припаянной подставкой для лучшей устойчивости. Особенно тщательно был обследован небольшой безымянный островок, площадью чуть больше 40м^2, расположенный в 400 метрах от села Ойтал. На стоянке обнаружили огромное количество фрагментов станковой (декоративной) и поливной разноцветной керамики, датируемой XIII–XV вв.[490]. В районе Чон–Койсу, обнаружили остатки керамического водопровода, кирпичи: квадратные, характерные для X–XII вв. и практичные, прямоугольные, изготавливаемые в XII–XV вв.[491]. В 200 м мористее нашли два деревянных настила, из 18 жердей каждый, удерживаемые от всплытия отложениями каменистого туфа,

[487] *Плоских В.В.* Легенды об озере Иссык-Куль и затонувшие памятники веков // Проблемы русского космизма: сб.науч.тр. – М.: Межд.центр Рерихов. – 2016. – С.350

[488] *Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Кольченко В.А.* Дмитрий Федорович Винник // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – 2008. – №3. – С.98.

[489] *Винник Д.Ф.* Работы Иссык–Кульского археологического отряда в 1959 году // Известия АН Киргизской ССР. – 1960. – №3. – С.87.

[490] *Прапор С.С., Прапор В.С.* Итоги подводной археологической экспедиции на озере Иссык–Куль в 1985–2006 годах // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.29.

[491] *Зюков Б.В.* Под волнами Иссык–Куля. – М.: Географическая литература, 1962. – С.110.

расчистка отмели выявила наличие каменных строений и вымощенной площади. Работы 1961 гг. прошли в урочище Кой–Сары, где П.П. Иванов составил план развалов. Интерес к заметкам ученого обусловливается сравнительно недавним вводом в научный оборот его результатов исследований – публикация относится ко второй половине 1950 гг.[492]. За минувший период озеро обмелело примерно на 3 м, и видимые П.П. Ивановым кладки оказались на суше[493]. Аквалангистами было обследовано порядка 6 кв.км прибрежной зоны и обнаружены стенки железорудной мастерской. Результатом комплексной экспедиции стала локализация центра средневекового поселения, и благодаря находкам монет, рамки существования городища ограничили XIII–XVI столетиями[494]. В 1975–78 гг. на озере работала экспедиция Института Озероведения АН СССР. Проведенный геоморфологический анализ подтвердил предположения историков, что в XVII в. уровень поднялся не менее чем на 20 м, до отметки 1620 м над уровнем моря, и озеро стало проточным, благодаря водоразделу в урочище Кутемалды. Регрессия началась в XIX в., несмотря на известную особенность: в озеро впадает более сотни речек, но ни одна не вытекает[495].

Второе дыхание экспедиция получила после приглашения академиком В.М. Плоских аквалангистов клуба «Афалина» МИСиС под руководством доцента С.С. Прапора. В 1985 г. на дне Тюпского залива обнаружили фрагменты городища, отождествляемого со ставкой правителя усуньского племенного союза, в гуннскую эпоху переселившегося на озеро из Китайского Чигу. Помимо строительного материала, исследователи подняли на сушу бронзовое навершие булавы

---

[492] Труды Архива востоковедов Института Восточных рукописей РАН / под редакцией И.Ф.Поповой – М.: издательство Восточная литература, РАН, 2011. – С.136.

[493] *Иванов П.П.* Средняя Азия и Казахстан в XVIII в. // Архив востоковедов ИВР РАН. – Ф. 152.

[494] *Плоских В.В*. Затонувшие памятники Иссык–Куля. Исследования «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути. – Бишкек, КРСУ, 2013. – С.200.

[495] *Прапор С.С., Плоских В.М., Мокрынин В.П.* Четыре сезона подводно-археологических работ в водах Иссык–Куля // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.53.

с изображением оскала пантеры (VI в. до н.э.), бронзовый амулет, кистень, богатую коллекцию тарных емкостей: чашки, котлы, кружки, сосуды, многие экземпляры до момента обнаружения в специализированных каталогах не фиксировались, и были неизвестны науке[496]. В настоящее время Иссык–Куль стал ареной проведения комплексной экспедиции на базе КРСУ им. Ельцина. Одной из приоритетных задач подводных поисков является обнаружение раки святого апостола Матфея, которая хранилась в расположенном на берегу христианском монастыре армянских братьев. На средства спонсоров, на фондах экспедиции, в главном корпусе Кыргызско-Российского Славянского университета организован археологический музей[497].

Вопрос о памятниках ручного судостроения никогда не терял своей актуальности: при внешней схожести челнов-однодеревок, более тщательный анализ позволяет грамотно разграничить ареал распространения однотипных судов, что в свою очередь существенно дополняет данные при изучении определенных археологических культур[498]. Еще одной особенностью артефактов является необходимость комплексного подхода при раскопках, как правило часть судна погружена в воду, а выступающая часть контактирует с кислородом и подвергается солнечному излучению[499].

В 1960 г., в результате обвала правого берега Десны, напротив села Друцкое, обнажился борт ладьи, выполненной из цельного ствола дуба. Рыбаки сообщили о находке в Черниговский музей. В результате проведенных исследований удалось установить возраст находки в 300 ± 60 лет. Длина челна составляет почти 13 м, ширина варьируется в 65–85

---

[496] *Плоских В.М., Плоских В.В*. Затонувшие памятники Иссык–Куля // ВПА. – 2012. – №3. – С.81.

[497] *Березин А.А*. Перспективы изучения подводно-культурного наследия на примере музейного комплекса КРСУ им.Ельцина // Культурное Наследие России. – 2018. –№1.– С.48.

[498] *Степанов А.В*. Будет ли создан музей древнерусского судостроения? // Музей. – 2010. – №1. – С.60.

[499] *Копейкин М.Л, Кухтерин С.А*. Кирьясская Барка. Опыт раскопок, извлечения и транспортировки // ВПА. – 2015. – №6. – С.56.

см, высота бортов 80 см. Толщина днища 7 см, толщина бортов 3–5 см. В течении одного полевого сезона челн удалось полностью извлечь из грунта, и после проведения реставрационных работ, находка получила прописку в экспозиции Черниговского музея[500].

В том же году, в ходе проведения охранных археологических работ близ Воскресенской башни Новгородского кремля были обнаружены фрагменты трех средневековых лодок. Строительство башни летописи относят к 1044 г., следовательно, и обнаруженный памятник судостроения датируется первой половиной XI в. Материал изготовления лодок осина, а технология производства довольно распространенная в данном регионе. Реконструировав обнаруженные артефакты, удалось выяснить и габариты памятников: длина не превышала 6,75 м, ширина 60–90 см, высота борта порядка 55 см[501]. Однако установить точную дату происхождения челна удается далеко не сразу. Например, обнаруженный в 1954 г. у села Щучье Воронежской области, в обвале берега реки Дон челн, экспонируемый сегодня в Государственном Историческом музее относится к эпохе Неолита, и датируется III тысячелетием до н.э., что является не верным, в силу коррекции рамок неолита в центре Русской равнины в настоящее время[502]. Челн выполнен из цельного ствола дуба, общая длина судна составляет 7,5 м, а грубая обработка бортов подтверждает использование каменного инструмента, а не железного[503]. К настоящему времени, несмотря на озвученные трудности с датировкой – донская находка является одним из древнейших памятников судостроения на территории нашей страны.

---

[500] *Едомаха И.И*. Находка ладьи-однодеревки на Десне // СА. – 1964. – №1. – С.342.

[501] *Алешковский М.Х*. Ладья XI века из Новгорода // СА.–1969. – №2.– С.38.

[502] *Кашина Е.А., Окороков А.В*. Ископаемые долбленные лодки из Ликсинского района Воронежской области // Журнал Института Наследия. – 2019. – №1. – С.4.

[503] *Золотарев П.М* Находки долбленных лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы: сб.науч.тр. – Воронеж, 2005. – С.82.

В сентябре 1967 г., на месте впадения Десны в Днепр профессор Д.Я. Телегин обнаружил челн-однодеревку, имеющий длину 8,24 м, ширину 0,6–0,7 м, высоту 0,7 м. Толщина бортов 5 см, днища 10 см. При проведении подъемных работ ветхое судно рассыпалось, но в грунте, перекрывающем челн, было обнаружено девять обломков кухонной керамики Зарубинецкой культуры. Последующий анализ соотнес находку с идентичными памятниками, обнаруженными близ села Удолье в Брянской области, и в местечке Микульчице (Чехия)[504].

В 1992 г., вв Новгороде, на Троицком X раскопе, было обнаружено два судна-однодеревки, выполненные из осины. Памятники вторично использовались, как дворовые мостки, в силу чего сохранность артефакта неудовлетворительная, но соотнести с известными примерами судостроения Новгородской Руси возможным представляется[505].

На 2016 г. А.В. Окороковым, занимающегося систематизацией информации об обнаруженных челнах, зафиксировано 54 идентичных памятника на постсоветском пространстве, из них 38 на территории России. Возраст объектов датируется от мезолита до XVIII в.[506].

Таким образом, набрав стабильные обороты в систематическом изучении памятников археологии, постоянно совершенствуя технологию поиска и картографирования, применяя профессиональные методы ведения раскопок и последующей консервации объектов, советские подводные археологи оказали значительное влияние на пополнение корпуса источников. При всем многообразии дополнительных исторических дисциплин, подводная археология с течением времени показала своё высокое практическое значение, выраженное в возможности работать с широкой номенклатурой памятников.

---

[504] *Журавлева Ю.Б., Чубур А.А*. Средневековое судостроение в Юго-восточной Руси // ВПА. – 2010.– №1.– С.28.

[505] *Дубровин Г.Е*. Новгородские лодки-однодеревки // РА. – 1994.– №3.– С. 179.

[506] *Березин А.А.* К вопросу сохранения и консервации памятников судоходства // Вестник БГУ им. Петровского. – 2017. – №2. – С.42.

§ 2.2. Проблемы институционализации подводной археологии в СССР: опыт количественно-качественного анализа

Высокая технологическая составляющая проведения археологических исследований создает особые возможности для осуществления контент–анализа и наполнения категориального аппарата необходимыми критериями оценивания, с целью четкого обоснования выводов и их доказуемости. Подобная форма анализа не преследует цели переосмысления фактического материала[507]. Сформированные критерии отражают максимальное количество качественно-количественных показателей и прослеживают с математической четкостью динамику развития подводной археологии с достаточно высокой степенью информативности.

С целью качественной оценки соответствия текстового материала, критерии разбиты на несколько групп: теория и предпосылки; практическое применение; техническое накопление экспедиционной деятельности; кабинетно-лабораторные исследования. Используемые в таблице обозначения соответствуют периодизации, представленной содержанием диссертационного исследования. Первая глава более широко охватывает практическое применение методов подводной археологии, освещает научное наследие Р.А. Орбели (1.1.) В параграфе 1.2. основной технической составляющей становится изобретенный в середине столетия акваланг, там же нашли свое отражения методики, разработанные В.Д. Блаватским, а 2.1 – это вторая глава, отсылающая к археологическим разработкам пресноводных бассейнов рек и озер.

[507] *Шинаков Е.А*. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект – М.: Восточная литература, 2009. – С.72.

п/н	***КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ***	***степень выраженности***		
		выражен	*упомянут*	*поверх-ностно*
1	Участие государства в подводно-прикладных работах	1.3.	1.2.	
		2.1.	1.3.	
2	Наличие специализированных организаций для осуществления подводных работ	1.3.	1.1.	
		2.1.		
		2.2.		
3	Официально организованные экспедиции	1.3.	2.2.	1.1.
		2.1.		
4	Исследовательские цели	2.1.	1.2.	1.1.
		2.2.	1.3.	
5	Военные и разведывательные цели	1.1.	2.1.	2.2.
		1.2.		
6	Публикация материалов подводных исследований	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.	2.2.	
7	Научно-методологическая основа раскопок	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.		
		2.2.		
8	Участие исследовательских партий университетов в подводных изысканиях	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.		
		2.2.		
9	Поднятие находок, как приоритетная задача	1.1.	1.3.	
		1.2.	2.1.	
			2.2.	
10	Картографирование мест обнаружения находок	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.	2.2.	
11	Систематизация имеющихся данных	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.	2.2.	
12	Техническая составляющая подводно-археологических изысканий	1.3.	1.2.	1.2.
		2.1.	2.2.	

п/н	*КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ*	*степень выраженности*		
		выражен	*упомянут*	*поверхностно*
13	Собственное производство водолазного снаряжения	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.		
		2.2.		
14	Наличие особой водолазной школы	1.3.	1.1.	
		2.1.	1.2.	
			2.2.	
15	Централизованный подход к вопросу сохранения подводно-культурного наследия	2.1.	1.3.	1.1.
			2.2.	1.2.
				2.2
16	Работа со случайно обнаруженными находками	1.1.	1.3.	
		1.2.	2.1.	
			2.2.	
17	Планомерный поиск артефактов под водой	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.	2.2.	1.2.
18	Централизованная организация, занимающаяся подводной деятельностью	1.3.	2.1.	1.1.
			2.2.	1.2.
				1.3.
19	Возможность работать под водой только квалифицированным водолазам	1.1.		2.1.
		1.2.		2.2.
		1.3.		
20	Вовлечение общественности в процесс сохранения подводно-культурного наследия	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.		
21	Рассмотрение подводных памятников с точки зрения археологических источников	1.3.	1.2.	1.1.
22	Дифференциация методики раскопок в зависимости от подводных условий и объектов	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.2.
23	Необходимость присутствия в подводной археологии тандема историков и водолазов	1.3.	2.2.	1.2.
		2.1.		1.3.
24	Наличие учреждений для предупредительных мер охраны подводных памятников	1.3.	2.2.	1.2.
		2.1.		1.3.

п/н	*КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ*	*степень выраженности*		
		выражен	*упомянут*	*поверхностно*
25	Проведение мероприятий с целью сохранения памятников	1.3.		1.1.
		2.1.	1.3.	1.2.
		2.2		
26	Переход на автономное легководолазное снаряжение	2.2.		1.1.
		2.2.		1.2.
				1.3
27	Наличие экспериментальной группы подводников	2.1.	2.2.	1.1.
				1.2.
				1.3.
28	Определение границ памятника и их фиксация, как ключевая задача изысканий	2.1.	1.1.	1.1.
			1.2.	1.2.
			1.3.	
29	Консолидация организация, занятых подводно-прикладной деятельностью	1.3.		1.1.
		2.1.		2.2.
30	Возможность работать на открытой воде без привязки к береговой черте	2.1.		1.1.
		2.2.		1.2.
				1.3.
31	Существенное обогащение сведений о минувших исторических эпохах	1.1.	2.1.	1.1.
		1.2.		2.2
		1.3.		
32	Привязка затопленных памятников к определенным историческим событиям	2.1.	1.2.	1.1.
		2.2.	1.3.	1.2.
33	Высокая инженерно-техническая составляющая деятельности	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.2.
34	Составление локальной карты затопленных памятников	2.1	1.3.	1.1.
				1.2.
35	Возможность фактически опровергать/доказывать научные версии	2.1.	1.2.	1.1.
		2.2.	1.3.	
36	Уровень общественного интереса к проводимым работам	1.3	1.2	1.1
		2.1	2.2	

п/н	*КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ*	*степень выраженности*		
		выражен	*упомянут*	*поверхностно*
37	Локализация и картографирование подводных памятников	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.2.
38	Проведение лабораторных анализов поднятых артефактов	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.3.
		2.3.		
39	Наличие общественных организаций, координирующих подводную деятельность	2.1.		1.1.
		2.2.		1.2.
				1.3.
40	Наличие в экспедициях водолазных судов	2.1.	2.2.	1.1.
				1.3.
41	Возможность погружаться под воду при низких температурах	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.2.
42	Повсеместное распространение подводного спорта	2.1.		1.1.
		2.2.		1.2.
				1.3.
43	Усвоение научной методологии подводных погружений	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.2.
		2.3.		
44	Осуществление профессиональных раскопок под водой	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.		
45	Консервация артефактов специальными методами	2.1.	1.3.	1.1.
		2.2.		1.2.
46	Локализация мест гибели кораблей	1.3.	1.2.	1.1.
		2.1.		
47	Исследование затопленных поселений	2.1.		1.1.
				1.2.
48	Выделение узконаправленных групп в подводной археологии	2.1.		1.1.
				1.2.

п/н	*КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ*	*степень выраженности*		
		выражен	*упомянут*	*поверхностно*
49	Изучение и квалификация общей истории корабельного дела			1.3.
		1.1.		2.2.
				2.3
50	Изучение внешних (морских) акваторий	1.3.		
		2.1.		
		2.2		1.1.
51	Изучение внутренних водоемов			1.1.
				1.2.
				1.3.
52	Использование помпового оборудования для вымывания грунта	1.1.		2.1.
		1.3.		2.2
				2.3
53	Степень помощи исторической науке со стороны подводной археологии	1.1.		2.1.
		1.2.	2.1.	2.3.

Таким образом, на основании проведённого контент–анализа в отношении периодизации (наличия определённых периодов) в истории развития подводной археологии, можно сделать общий ключевой вывод об обоснованности предложенных нами этапов, которые нашли отражение в соответствующих элементах структуры диссертационного исследования – главах и параграфах.

Поскольку структура работы логично обусловлена обозначенными во введении целями и задачами, важнейшей из которых является проследить процесс становления, развития и совершенствования подводной археологии как отрасли научного знания, то и выделенные автором разделы исследования оформляют собой соответствующие

этапы складывания её в самостоятельную область исторической науки, имеющую свой предмет и метод.

Контент–анализ проводился на основе достаточного количества критериев или признаков, наличие, отсутствие, либо факт частичной выраженности, которых, требовалось проследить по всем этапам-разделам, обозначенным в тексте диссертационного исследования.

Каждый из критериев отражал один из аспектов значимых для понимания характера изменений, происходивших в подводной археологии на протяжении всего её существования, начиная со времени, когда она следовала сугубо прикладным целям, и, заканчивая современным периодом, на котором, оформившись как самостоятельная научная дисциплина, стала служить значимым фактором в подтверждении или опровержении различных исторических гипотез.

Составленная, таким образом, таблица наглядно демонстрирует, что на протяжении длительного хронологического отрезка, охватывающего античность, средневековье и большую часть нового времени, мероприятия, условно относящиеся к подводной археологии, были разновидностью практической деятельности по подъёму ценностей со дна моря, а сами водолазные работы служили, преимущественно фортификационным и военным целям.

Первые попытки подойти к изучению подводного наследия с научной стороны приходятся на границу XIX–XX столетий. Дореволюционный этап, судя по представленности признаков в таблице, заложил основы методологии подводных исследований и сформировал первый корпус научных кадров. Наиболее плодотворным – в нём впервые нашли отражение многие прогрессивные с точки зрения развития знания признаки, стал период развития археологии в 1920–1930 гг. Можно отметить, на основе анализа табличных данных, что от времени становления до окончания вышеназванного периода, развитие

подводных исследований шло поступательно вертикально, с количественным накоплением позитивных изменений, которые на этапе, рассматриваемом во второй главе, перешли в сферу качественных изменений и дифференциации научных исследований в этой области по горизонтальному типу: на изучение внешних (морских) акваторий и внутренних (пресноводных) водоёмов.

При этом, мы можем наблюдать максимальное количество прогрессивных признаков представленными, прежде всего, в морской археологии в СССР, и чуть меньшее, в пресноводных исследованиях того же временного отрезка, свидетельствующих о существенном качественном сдвиге в развитии подводной археологии как науки, синтезировавшей возможности современного технического оснащения, и самостоятельности профессиональных учёных-историков в разработке подводных памятников и определении главного целеполагания в локализации, сохранении и изучении всем доступным арсеналом научных средств и способов археологических комплексов и картографирования мест их обнаружения.

Тенденции современной научной мысли достаточно четко определяют место подводно-археологических исследований, наделяя их ролью составной части традиционной археологии, но при этом выделяя особенности дисциплины, характеризующиеся условиями проведения раскопок, и специальными требованиями к уровню подготовки кадров, и необходимого комплекта оборудования для локализации памятника и его сохранения[508]. Указанные особенности, помноженные на перспективность подводных исследований, с ростом технического прогресса рассматривают сегодня подводную археологию как самостоятельную дисциплину, со всеми присущими атрибутами.

[508] *Belov, A*. Archéologie Sous-Marine: un siècle des plongeés dans l'Histoire. Conférence donnée à Bordeaux (France) en octobre 2019 Part 2 of 2.

По мнению академика Д.С. Лихачева под термином «культурная ценность» слишком однобоко подразумевать только объекты материального значения, к данной ценности должно относить традиции и навыки, выработанные в поведении, науке, образовании и т.п.[509]. Современное развитие индустрии дайвинга сделало доступным подводные памятники для широких слоев населения. Необходим комплекс мер воспитательного характера, нацеленных на привитие определенных правил поведения, обеспечивающих сохранение уникального подводного наследия[510].

И сегодня перед археологией наука ставит совершенно четкие задачи по сохранению памятников подводного культурного наследия, с применением методов изучения и исследований, не нарушающих сложившегося природного ландшафта и фиксирующих артефакт в условиях его многолетнего пребывания. Неравномерное развитие отечественной подводной археологи в XX в. имеет много схожего с идентичным становлением зарубежных научных школ, но при этом наделено особенностью, выраженной в исключительном участии государства в осуществлении научно-исследовательской деятельности. Развитие науки, и интеграция технических открытий под практические нужды позволили рассмотреть известные страницы истории совершенно с неожиданного ракурса, ввести в оборот новый пласт фактического материала, позволяющего переосмыслить ряд существующих гипотез, и поставить новые вопросы в хронологии развития цивилизации, и совершенствовать методы исторического познания.

Актуальность проведенного исследования имеет достаточно высокую значимость: подводная археология переживает момент оформления самостоятельности по форме и методике раздела всей

---

[509] *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. Декларация прав культуры. – СПб.: Логос, 2004. – С.635.
[510] *Масленников А.А.* Восточный Крым в сердце моем. – Тула, Гриф и К°, 2009. – С.4.

археологической науки. Поставленные перед диссертацией задачи наглядно продемонстрировали недостаточность письменных источников и результатов полевой археологии при изучении затопленных памятников культурно-исторического наследия.

Монотонность исследований и невозможность ежегодно демонстрировать высокие результаты, дороговизна и трудоёмкость, помноженные на скудность архивных материалов только к концу XX в. окончательно закрепили изучаемую дисциплину в общей канве вспомогательных исторических дисциплин. Дебют подводной археологиит – «Антикиферский механизм», обнаруженный в 1900 г., был обследован, атрибутирован и представлен широкой аудитории только через полвека, в 1958 г.[511].

В ходе настоящего исследования в достаточной мере был систематизирован историографический корпус с учетом современных данных. Проанализирован библиографический аппарат и источниковая база. Приведена классификация памятников по условиям содержания, уровню сохранности и функционального назначения. Предпринята попытка привязки результатов экспедиционной деятельности к устоявшемуся фактическому историческому материалу с целью дополнения, или же опровержения. Обозначены перспективы вывода памятников подводно-культурного наследия для создания междисциплинарного направления, совместно с культурологией, краеведением и географией. Значительная вариативность аналитической традиции отечественной археологической школы в целом, выявила приоритетное направление в комплексном изучении материального наследия, не оглядываясь на место нахождения памятника: под водой, или на суше, с неукоснительным соблюдением принципов системности

[511] *Лебединский В.В*. Новые методы изучения истории. Письменные и изобразительные источники по истории Египта и подводная археология : дисс. канд. истор. наук: 07.00.03 / Лебединский Виктор Владимирович. – М.: 2000. – С.13.

и историзма. Представленный в работе контент–анализ позволяет максимально точно показать динамику развития подводной археологии. Наглядно видно, что со второй половины XX в. профессиональные археологические организации начали осуществлять исследовательскую деятельность под водой в систематическом порядке, с наметившимся расслоением на более узкие сферы изучения: затопленные архитектурные комплексы, памятники судостроения, гидросооружения, кабинетные исследования и т.д.

Рост интереса общественности к подводному наследию вызванный деятельностью профессора Р.А. Орбели и профессора В.Д. Блаватского с самого начала носил прогрессивный характер, подчеркивающий необходимость неукоснительного соблюдения правил трепетного отношения к имеющемуся историческому наследию. Политическая изоляция не предполагала практически ознакомиться с зарубежным опытом, с другой стороны она же оберегала от совершенных западными коллегами просчетов, и не позволяла развернуться «черным» копателям. Стимулирование властями гражданского самосознания способствовало высокому уровню общественного соучастия в рассматриваемых вопросах. Подчеркивая заслугу обоих историков, создавших новое направление в науке, необходимо отметить, что сформированный и апробированный исследователями базис знаний на многие годы предопределил рамки характерных правил, наиболее оптимальных для успешного занятия подводной археологией.

Р.А. Орбели провел огромную работу по формированию теоретической составляющей дисциплины: выуживание разрозненных письменных источников по истории подводной деятельности, планирование наиболее щадящих методов работ на интрузивных объектах, и предиктивное моделирование, способствующее идентификации объекта, с последующей датировкой, определение

типологических характеристик, логическое объяснение обнаружения артефакта именно в данной акватории. Проведение комплекса обязательных мероприятий, нацеленных на сохранение и музеефикацию памятника после извлечения из воды.

Диалектичный процесс подводной деятельности человека в результате изобретения акваланга предопределил более широкое распространение исследований на подводных объектах культурного значения во всем мире. Развитие методов консервации, а главное обнаружение крупных фундаментальных подводно-археологических памятников способствовало воплощению за рубежом абсолютно фантастических на первый взгляд проектов в научно-просветительских и культурно-массовых сферах[512].

Наработки профессора Р.А. Орбели способствовали оперативному созданию практической методологии с учетом имеющихся технических возможностей. В.Д. Блаватский, опираясь на постулаты предшественника, разработал и апробировал методы ведения археологических изысканий с учетом использования современного легководолазного снаряжения. Действующий под его руководством экспериментальный отряд историков-аквалангистов сформировал комплекс правил проведения экспедиционной деятельности. Последующее развитие практической деятельности значительно расширила горизонты применения методов подводной археологии: специалисты проводили работы в ночное время суток, в болотной гуще, на затопленных кораблях и пещерах, в условиях нулевой видимости, на малых глубинах и при экстремально низких температурах.

Как следствие, в оборот вводится анализ имеющейся историографической и фактологической базы. Профессор

[512] *Фазлуллин С.М.* Подводные парки, как инструмент сохранения объектов подводного культурного наследия // Юридические и методические вопросы…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.95.

В.Д. Блаватский ангажирует ряд новых для дисциплины позиций, основанных на сопоставительном анализе с элементами атрибутивного подхода. Каждый памятник, с учетом его характеристик требует к себе специального внимания[513]. При работах с архитектурными останками неприемлемы способы исследований на объекте с кораблекрушением, песчаное дно не позволит досконально обследовать находку, по правилам, используемых при погружениях на ил или камни, наконец, морская акватория имеет свою отличительную особенность по отношению к пресной. Нормативные регламенты, заложенные пионерами отрасли, актуальны и на сегодняшний день: четкая фиксация координат, с привязкой к береговым ориентирам; первичная стабилизация находок для предотвращения случайного сдвига; тщательное обследование всей прилегающей территории; разбивка объекта на квадраты для более четкой прорисовки; защита раскопа от течений и заиливания; профессиональная консервация объекта на следующий сезон; обработка находок химическими составами для предотвращения разрушения при контакте с кислородом; создание единого реестра подводно-археологических памятников, с координатами нахождения и сопроводительной картотекой; наконец, запуск образовательной программы по подготовке профессиональных кадров.

Выдаваемый на регулярной основе фактический материал способствовал признанию высокой значимости научных выводов. Стабильность 1970 гг., предопределила и качественный рост подводно-археологических изысканий. В «застойные» годы количество экспедиций выросло в десятки раз. Пропагандируемые среди молодежи романтика путешествий, открытие тайн прошлого, здоровый образ жизни, возможность научиться плавать с аквалангом привлекли в археологию тысячи энтузиастов. С высоты сегодняшних лет интересно

[513] *Блаватский В.Д.* Подводная археология её задачи // ВИ. – 1964. – №4. – С.12–16.

наблюдать профессиональный рост участников экспедиций – от безусых студентов до академических регалий. И если для добровольцев подобная деятельность носила характер хобби, то профессиональные историки составили костяк отечественной археологии, её «золотой фонд».

В марте 1982 г. ИА АН провел I Всесоюзное совещание по проблемам подводной археологии. Участвовало более 100 делегатов, представителей всех заинтересованных организаций: истфаки ВУЗов, музейные работники, научные сотрудники НИИ, руководители клубов, представители гидрографической службы ВМФ[514]. На совещании приняли решение о создании Научно-координационного совета по подводной археологии в ИА АН СССР, для упорядочивания деятельности разрозненных экспедиционных групп под руководством доктора исторических наук Г.А. Кошеленко. Структурно совет состоял из трех секций: научно-методической, технической и организационной, в него вошли многие известные подводные археологи с классическим историческим образованием. Новая организация, прежде всего, опубликовала составленную научно-методической секцией «Временную инструкцию по ведению подводной археологической разведки»[515].

В 1984 г., на II Всесоюзном совещании присутствовало порядка 200 делегатов. В ходе проведения пленарных заседаний был обобщен опыт имеющихся практических результатов, и намечены перспективы дальнейших исследований. Между тем, было поднято обсуждение серьезного противоречия, касающегося необходимости принятия нормативно-правового документа, четко регламентирующего терминологию специальности: подводный археолог-профессионал, и подводный археолог-любитель. Держатели «Открытого листа» – специалисты, под чью ответственность проводятся все изыскания,

[514] *Агбунов М.В*. Новый этап развития подводной археологии // СП. – 1984. – №71. – С.58.

[515] *Голенцов А.С., Дегтяренко Н.А.* Первое всесоюзное совещание по проблемам подводной археологии // СП. – 1983. – №70. – С.28.

ратовали за создание специализированного органа, наделенного правом присваивать квалификацию «подводный археолог», желая ограничить результаты деятельности от некоторого рода предвзятого отношения со стороны классической археологии, относящихся к подводным исследователем с заметной иронией, где обоснованием служит невозможность часто подтвердить или опровергнуть приводимые подводниками доводы относительно состояния дел на объекте, поскольку не всякий способен с аквалангом за плечами пойти на дно.

Разногласия обозначили одну из ключевых проблем дисциплины – отсутствие учебной научно-практической базы, и разработанного курса подготовки подводных археологов в рамках классического исторического образования. Избитое выражение: любители построили ковчег, профессионалы изобрели «Титаник», не способствовало снятию напряженности в вопросе. Непонимание научной бюрократией, отягощенной концентраций ресурсов на решении сторонних задач, важности развития подводной археологии существеннейшим образом тормозило процесс оформления её инфраструктуры на всех уровнях, как организационном, кадровом и научном, так и инженерно-техническом, что в результате выразилось в отсутствии национальных программ и школ подводно-археологических исследований.

На фоне модных тенденций апробирования зарубежного опыта, муссировалось предложение наделять функциями подготовки кадров организации, занимающиеся обучением подводных пловцов[516]. Дальнейшее стихийное распространение дайв-индустрии оголила главную археологическую проблему под водой: безнаказанная доступность объектов историко-культурного значения любому желающему.

[516] *Поспелов Д.В.* Программа по подводной археологии // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.57–59.

Современный подход к решению вопросов изучения подводно-культурного наследия обнажил ряд просчетов советских археологов, как в методологическом аспекте, так и в техническом.

Один из основных источников пополнения историографической базы – журнал «Советская археология», выходящий в формате ежемесячника. Последнее упоминание в издании о подводных раскопках относится к 1969 г., в статье, посвященной юбилею профессора В.Д. Блаватского, что косвенно указывает на нежелание академической бюрократии вводить в научный оборот данные подводной археологии. Еще один важный момент – необходимость проведения экспедиций зачастую исходила от самих археологов, когда непосредственно научные учреждения подобной практикой не интересовались, ожидая инициативы на местах. Как следствие, вопрос подготовки кадров остался не реализованным. На практике, руководители комплексных экспедиций, видя необходимость продолжения исследований под водой, в индивидуальном порядке проходили обучение плаванию с аквалангом. Игнорирование решения организационных вопросов вылилось в непонимание и дезорганизацию всего направления, что в конечном итоге застопорило и создание единого консолидирующего научно-административного центра.

Экономическая действительность постсоветской России конца XX в, привела к неизбежными последствиями: отток профессионалов, пробуксовка технологий на старом уровне, отсутствие коммуникаций, удручающее состояние технического оборудования, прерывание профессиональной преемственности. На фоне получаемой финансовой поддержки от зарубежных фондов коллегами из бывших советских республик дисбаланс был замечен невооруженным взглядом[517].

[517] *Березин А.А*. Перспективы изучения подводно-культурного наследия на примере музейного комплекса КРСУ им. Ельцина // Культурное Наследие России – 2018. – №1. – С.43.

Теоретическая составляющая зиждилась в рамках нормативно-правовой базы официальных условий проведения подводных изысканий. Оставалось значительное количество противоречащих положений, регламентирующих вопросы паспортизации памятников подводного культурного значения, придания данного статуса археологическим объектам; формировалось правовое поле для наделения термином «братское захоронение» и «воинский мемориал» погибшим кораблям, параллельно прорабатывалась регламентация функциональных обязанностей научно-исследовательских организаций.

Рост полевых выездов наблюдается с наступлением общей стабильности, когда стали воплощаться схемы софинансирования научных исследований государственными и частными структурами, подтверждением чего служат очевидные успехи Фанагорийской экспедиции ИА РАН, функционирующей при содействии Фонда «Вольное Дело», или созданной при прямом участии компании «Газпром», петербургской экспедиции «Тайны затонувших кораблей».

География исследований расширилась по отношению к советскому времени. Помимо традиционных черноморских очагов, заметно выросли коллеги северо-западного региона: исследования в бассейне Балтики и на новгородском Волхове приняли оттенок национального значения – благодаря текущим успехам, экспедиции стали визитной карточкой, передавая опыт зарубежным партнерам. Изучение исторического наследия рек и озер все больше входит в орбиту археологической науки[518]. Многообразие форм международного сотрудничества привело практическое применение подводно-археологической деятельности к рангу одной из составляющей международного научно-технического сотрудничества в сфере

[518] *Березин А.А.* Проведение археологических разведок в бассейне реки Быстра Сосна // ВПА. – 2016. – №7. – С.5.

культуры[519]. На фоне происходящих процессов наметились тенденции пересмотра терминологии комплексного исторического наследия без привязки к отдельным археологическим культурам.[520] Государственные ведомственные структуры с пониманием относятся к общественным инициативам с целью концентрации функций практической деятельности и обработки данных подводной археологии в специализированных методических, научно-исследовательских центрах.

В 1997 г. в Швеции на учредительном семинаре создали Мониторинговую группу по подводной археологии стран Балтийского региона, Россию представляют специалисты ИИМК РАН[521]. Высоких научно-практических результатов достигла именитая представительница России за рубежом: подводно-археологическая экспедиция ЦЕИ РАН в Александрии[522], традиционную поддержку оказывают русские археологи коллегам из стран СНГ[523]. Информационная перенасыщенность ставит перед наукой задачи селекционного отбора багажа интерпретаций исторических источников[524], где роль археологических данных только возрастает. Образовательное пространство ВУЗов России способствуют в ближайшей перспективе вырастить конкурентное поколение подводных археологов: в 2008 г. в МГГУ им.Шолохова был организован Московский подводно-археологический клуб; с 2011 г. на базе Тульского университета функционирует центр подводных

---

[519] *Шугуров М.В*. Перспективы реализации международно признанных культурных прав человека в условиях глобализации научно-технологического прогресса // Вестник СГЮА. – 2012. – №5. – С.209.

[520] *Любичанковский А.В.* Географический и культурологический подходы к дифференциации объектов культурного наследия // Вестник Оренбургского Университета. – 2008. – №6. – С.19.

[521] *Сорокин П.Е*. Международное сотрудничество по изучению, сохранению и использованию историко-культурного наследия Балтийского региона, находящегося под водой // Юридические и методические вопросы…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.119.

[522] *Белов А.А*. Большой порт греко-римской Александрии по современным археологическим данным // Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье: сб.науч. тр.памяти Т.Н.Савельевой. – М., 2009. – С.32.

[523] *Зеленко С.М., Морозова Я.И*. Первая встреча участников международной сети «УНИТВИН» (UNITWIN) по подводной археологии // Нептун. – 2013. – №4. – С.61.

[524] *Курносов С.Ю.* Становление и развитие морских музеев России: дисс…канд.культурологии: 24.00.03 / Курносов Сергей Юрьевич – СПб. – 2003. – С.3.

исследований; в 2015 г. на истфаке Воронежского университета апробирована магистерская рабочая программа «Античная подводная археология»; в 2016 г. эстафету подхватили в РГГУ, запустив на кафедре Музеологии проект по подготовке подводных археологов; в 2017 г. на базе Кубанского Университета успешно защитилась первая группа магистрантов по образовательному профилю «археология», из которой три студента избрали своей научной специализацией подводную археологию; наконец с 2018 г. студенты Севастопольского университета так же имеют возможность получить специальность «подводный археолог». Для обеспечения потребностей высшего профессионального образования создаются специальные учебные пособия, чья номенклатура постоянно увеличивается.

С 2010 г., для удовлетворения информационных потребностей и своевременного обмена опытом практикующих археологов, в Москве издается журнал «Вопросы подводной археологии».

Современная отечественная школа подводной археологии наглядно продемонстрировала собственную состоятельность в ходе проведения охранных археологических работ при строительстве Керченского моста сотрудниками специально сформированного для данного мероприятия Центр Подводного археологического наследия ИА РАН, под руководством молодого ученого С.В. Ольховского.

Параллельно, сотрудниками НИИ Природного и культурного наследия им. Лихачева был получен государственный заказ на создание Свода объектов подводного культурного наследия акваторий Отечества, к 2019 г. вышло три тома, и работа еще не закончена.

В конце 2015 г. РГО инициировало запуск проекта с целью создания федерального музея подводной археологии в Кронштадте, на базе уникального гидротехнического сооружения «Петровский док», построенного в 1752 г. Общая площадь планируемого музея превышает

22 000 кв.м. Имеющиеся эскизные наработки и план оснащения вселяют надежду, что проектируется уникальный научно-просветительский центр, не имеющий аналогов в мире, открытие которого планируется в обозримой перспективе[525].

В 2019 г. было подписано двухстороннее соглашение об организации сирийско-российской археологической миссии для совместных исследований акватории города Тартус. Со стороны России экспедицию возглавляет старший научный сотрудник института Востоковедения РАН В.В. Лебединский, штат подводного отряда формируют члены РГО, специалисты Севастопольского университета и других организаций. С археологической точки зрения – Тартус место крайне интересное, в местной акватории в разные годы работали специалисты из Англии, Японии, приезжали американцы[526]. Вне всякого сомнения – у данного проекта большое будущее.

Тем не менее, отсутствие единого административного и координирующего центра не позволяет российским подводным археологам с должным качеством реагировать на вызовы времени, чему наглядным подтверждением может служить ситуация вокруг «Фрау Марии». Двухмачтовый флейт был зафрактован в 1711 г. порученцем Екатерины II для перевозки из Голландии в Россию коллекции ценностей, включая 28 полотен живописцев, для пополнения фондов Эрмитажа и Царского села. Для пущей сохранности картины были упакованы в свинцовые тубусы и залиты герметично воском. Предостережения были небеспочвенны: в районе Аландских островов судно потерпело крушение и затонуло[527].

---

[525] *Чубинский-Надеждин* Г.В. Петровский док в Кронштадте // Журнал объединенной судостроительной корпорации. – 2017. – № 2(31). – С.44-47

[526] *Лебединский В.В*. Сирийско-российская подводная археология // Коммерсантъ – Наука. – № 7. от 30.XI.2021. – С.13.

[527] *Бабекин Д.В*. Участие Российской Федерации в международном сотрудничестве по вопросам сохранения подводного и культурного наследия // ВПА. – 2017. – № 8. – С. 6-13.

В 1999 г. финские дайверы обнаружили корабль, и подняли с него судовую печать и кассу в размере 700 русских монет различного номинала. Скрывать свою находку они не стали, т.к. имена художников и названия полотен известны, и реализовать их на черном рынке затруднительно. Свои претензии на находку заявило сразу несколько сторон: Россия, как владелица груза, Голландия, как владелица судна. Швеция, в составе которой в XVIII в. находилась Финляндия, сама Финляндия, в чьих водах обнаружили корабль, и наконец, сами дайверы-кладоискатели. Постепенно круг сузился до двух сторон: Россия и Финляндия. Эксперты оценили спасательную операция в 80 миллионов евро, президент фонда «Спасение культурно-исторических ценностей» А.М. Тарасов был готов выделить данную сумму.

Финляндия не присоединилась к конвенции ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия, следовательно, в подобных вопросах вольна опираться на собственное законодательство. В свою очередь в 1963 г. у финнов появился закон «О памятниках старины», из которого следует, что все ценности, обнаруженные в территориальных водах Финляндии, переходят в собственность Финляндии через сто лет после получения финской стороной независимости в 1918 г.[528] Воспользовавшись низкой активностью российской стороны, финны протянули время до данного срока, и вопрос закрыли…

Резюмируя работу, мы можем констатировать, что поставленные перед исследованием цели и задачи решены в полном объеме. Отечественная подводная археология, как самостоятельная историческая дисциплина, с определенной натяжкой, практически завершила свое оформление. К настоящему моменту запущенные механизмы изучения затонувших памятников истории структурированно оформили

[528] *Семенова Е.Г.* Правовое регулирование объектов исторического наследия в судебной практике (на примере судна «Фрау Мария») // Океанский менеджмент. – № 1 (24). – 2024. – С.22-25.

инфраструктуру подводной археологии на всех необходимых уровнях: организационном, научном и инженерно-техническом, поставив перед дисциплиной четкие цели и задачи.

Несмотря на отсутствие в СССР национальных программ подводных исследований и научных школ по изучению затопленных памятников истории, что безусловно существеннейшим образом замедляло развитие всей исторической науки, фактический материал, вводимый в научный оборот подводными археологами не позволял игнорировать эти данные, и более того, стимулировал на более глубокое и всестороннее изучение затрагиваемых вопросов, что в результате предопределило окончательное оформление подводной археологии, как самостоятельной исторической дисциплины уже в российский период истории. Очевидные успехи современной подводной археологии были бы невозможны без пласта исследовательских знаний, разработанной методологии и апробированных правил проведения работ пришедших из советской школы, чья научно-практическая жизнепригодность прошла самую суровую проверку – проверку временем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводная археология в СССР прошла сложный, противоречивый, но чрезвычайно плодотворный путь развития. Настоящее диссертационное исследование впервые в отечественной исторической науке представило комплексную историко-научную реконструкцию этого процесса. Итоги исследования позволяют сформулировать ряд обобщающих выводов, непосредственно связанных с положениями, выносимыми на защиту.

Проведенное исследование подтверждает, что в советский период (1920–1991 гг.) был накоплен значительный научный потенциал в области подводно-археологических исследований, который создавал объективные предпосылки для институционализации дисциплины.

Создана развернутая источниковая база: обследованы сотни подводных памятников – от античных городов Северного Причерноморья (Фанагория, Ольвия, Херсонес, Акра, Патрей) до средневековых поселений на Иссык-Куле и кораблекрушений на Балтике и Дальнем Востоке.

Разработаны и апробированы методики полевых работ: кольцевой (радиусный) поиск, разбивка раскопов под водой с деревянной рамой, использование помпового оборудования (грунтоотсасывающих установок) для размывки донных отложений, стратиграфические наблюдения, картографирование с привязкой к береговым ориентирам.

Созданы эффективные методы консервации: от использования натуральных компонентов (льняное масло, воск, канифоль) до синтетических полимеров (полибутилметакрилат – ПБМА), что позволило сохранить уникальные артефакты, включая челны-однодеревки III тыс. до н.э. – XVIII в.

Накоплен опыт межведомственного взаимодействия: академические институты (ИА АН СССР, ИИМК) сотрудничали с ЭПРОНом, ВМФ, ДОСААФ, музеями и общественными клубами.

Сформирован кадровый костяк: Р.А. Орбели, В.Д. Блаватский, Б.Г. Петерс, К.К. Шилик, В.Н. Таскаев, А.В. Окороков и другие исследователи, чьи научные биографии проанализированы в работе.

Потенциал был, но он не был реализован в полной мере не из-за отсутствия возможностей, а вследствие системных препятствий, выявленных в ходе исследования. Исследование убедительно доказывает, что главной причиной, воспрепятствовавшей институционализации подводной археологии в СССР, стала ведомственная разобщенность и отсутствие единого координационного центра.

Подводно-археологические исследования находились «на стыке» нескольких ведомств: ЭПРОН (ОГПУ/НКВД/Минобороны) занимался судоподъемом, но не наукой; ИА АН СССР имел научные интересы, но не располагал технической базой; ДОСААФ готовил спортсменов-подводников, а не археологов; музеи (Эрмитаж, краеведческие) вели эпизодические работы, не имея статуса головных организаций. Ни одна из этих структур не имела подводную археологию в качестве основной профильной задачи. Координация носила личностно-зависимый характер (усилия отдельных энтузиастов – Р.А. Орбели, В.Д. Блаватского, К.К. Шилика). Созданный в 1982 г. Научно-координационный совет по подводной археологии при ИА АН СССР, несмотря на принятие «Временной инструкции по ведению подводной археологической разведки», не получил реальных властных и финансовых полномочий и не смог консолидировать разрозненные экспедиционные группы.

Институциональная фрагментация носила системный характер и не могла быть преодолена усилиями отдельных ученых без государственного решения на уровне Совмина СССР или ЦК КПСС, которое так и не было принято. В диссертации доказано, что отсутствие системы профессиональной подготовки подводных археологов являлось ключевым системным ограничителем, не позволявшим дисциплине выйти за рамки энтузиазма отдельных ученых. Эксперимент на историческом факультете МГУ по подготовке специалистов по подводной археологии (1960-е гг.) был свернут после первого выпуска. Единственным дипломированным подводным археологом за всю историю СССР остался Б.Г. Петерс. Причина его свертывания – несовместимость с системой государственного распределения: отрасль не могла гарантировать трудоустройство ежегодному выпуску (около 30 человек), поскольку государственных учреждений, где требовались такие специалисты, не существовало. В результате руководители экспедиций (В.Д. Блаватский, К.К. Шилик, В.Н. Таскаев) вынуждены были самостоятельно осваивать подводное плавание, а основной рабочей силой оставались спортсмены-подводники (клубы «Волна» МАИ, «Катран», «Акванавт», «Скиф»), не имевшие археологического образования. Попытки создать специализированные учебные программы в региональных вузах не получили поддержки центральных академических структур.

Таким образом, кадровая проблема носила не случайный, а системный характер, будучи порождена фундаментальным противоречием между плановой системой распределения специалистов и потребностями формирующейся, но не признанной официально дисциплины.

Исследование подтверждает, что характер технической базы напрямую влиял на организационные формы подводной археологии в

СССР. В 1920–1930-е гг. тяжелое водолазное снаряжение требовало профессиональных водолазов. Исследования велись под эгидой ЭПРОНа, археологи были наблюдателями. Результаты – методологически слабые (например, ошибка К.Э. Гриневича, принявшего естественные породы за античные постройки в Карантинной бухте). К началу 1960 гг. появление первых отечественных аквалангов (АВМ-1, «Украина») и кустарное производство снаряжения (студенты МАИ переделывали огнетушители) позволили археологам (Б.Г. Петерс, А.Н.Шамрай, А.В.Кондрашов) самим работать под водой.

В период 1960–1980 гг. производилось серийное производство аквалангов, появление компрессоров, гидроэжекторов, геоакустических приборов (ЗГЛ-1), магнитометров. Созданы специализированные подводные отряды в составе академических экспедиций. Однако кадровая и институциональная инерция уже закрепила «любительский» статус подводной археологии. Изобретение акваланга создало технологическую возможность для перехода к самостоятельной работе археологов под водой, но затянувшееся внедрение (серийное производство – только со второй половины 1950 гг.) и отсутствие параллельной кадровой реформы привели к тому, что технический прогресс не был подкреплен институциональными изменениями.

В диссертации впервые комплексно проанализированы правовые и идеологические факторы, препятствовавшие институционализации подводной археологии в СССР. Так отсутствие специального законодательства об охране подводного культурного наследия приводило к тому, что памятники на дне юридически приравнивались к сухопутным без учета специфики. Имелась неопределенность статуса подводных памятников: относились ли они к ведению Академии наук (археология), Министерства обороны (затонувшие военные корабли),

Министерства морского флота (судоподъем) или Министерства культуры (музеефикация).

Отсутствие специализированной формы «Открытого листа» на право производства подводных археологических работ (использовались общие археологические разрешения). Подводная археология не была включена в плановую тематику академических институтов; экспедиции организовывались по инициативе «снизу» – самих ученых (В.Д. Блаватский, К.К. Шилик, Г.И. Шаповалов).

В силу своей специфики, подводная археология при соблюдении научных методов исследований не в состоянии обеспечить постоянный фактический результат. Для обнаружения и поднятия артефакта на поверхность могут пройти годы кропотливой работы. Погружения возможно осуществлять только в теплое время года, к окончанию, и без того короткого, полевого сезона раскопы необходимо законсервировать (закопать обратно), дабы избежать разрушения памятника под воздействием сезонных течений. Для администрации научных организаций очевидная дороговизна организации экспедиций с незначительной сиюминутной отдачей выводила подводную археологию на второстепенные роли, ставя крест на целом ряде перспективных проектов.

К сказанному не обходимо добавить и еще один непопулярный момент. Любой руководитель несёт персональную ответственность за вверенный коллектив. Студенческая практика на берегу моря, палатки, костры, гитары и погружения под воду. Очень привлекательно. Но если вдруг случится непоправимое, и в результате халатности утонет молодой человек. Каждый ректор, декан, завкафедры готовы нести моральный груз и репутационные риски? Нежелание в принципе связываться с опасным видом деятельности для подопечных влияла,

вляеет и будет влиять на развитие подводной археологии очень значительно.

Политическая изоляция СССР, с одной стороны, затрудняла знакомство с зарубежным опытом (работы Э.Линка, Ж.И. Кусто, Д. Басса, Р. Стенюи), но с другой – оберегала от активности «черных» кладоискателей, которая на Западе нанесла значительный урон подводному наследию.

Правовая неопределенность и идеологическое невнимание создавали ситуацию, при которой подводная археология существовала «на общественных началах» и не могла претендовать на полноценное государственное финансирование и институциональное оформление.

Отсутствие институционализации не означало отсутствия значимых научных результатов. Напротив, именно в советский период были заложены фундаментальные основы современной подводной археологии. Р.А. Орбели сформулировал понимание подводной археологии как особой ветви исторической науки, синтезирующей гуманитарные и естественно-технические методы, и ввел понятия «подводная археология» и «гидроархеология». В.Д. Блаватский и Б.Г. Петерс разработали и апробировали кольцевой (радиусный) метод поиска, разбивку раскопов под водой, использование помпового оборудования для размывки грунта. Лаборатория С.И. Ванина (Ленинградская Лесотехническая академия) разработала методы сохранения «мокрого» дерева, включая пропитку синтетическими полимерами. Эти методы позволили сохранить уникальные артефакты, такие как челн из Сабатиновки (I тыс. до н.э.) и Шигирский идол (XI тыс. до н.э.). К.К. Шилик первым в СССР применил геоакустические методы (звуковой геолокатор ЗГЛ-1) для поиска затопленных памятников (Ольвия, 1964 г.). Создана и успешно действовала модель «подводный отряд в составе комплексной экспедиции» (Фанагорийская,

Патрейская, Ольвийская экспедиции), которая позволяла проводить систематические исследования без создания отдельного института.

Советская подводная археология представляет собой уникальный в истории науки пример «неинституционализированной науки», которая, не имея формального статуса, собственных кафедр и устойчивого бюджетного финансирования, смогла достичь результатов, сопоставимых с зарубежными школами, а по ряду направлений (методика раскопок на затопленных поселениях, консервация археологического дерева) – и превзойти их.

Исследование подтверждает, что понимание причин, по которым подводная археология не институционализировалась в СССР, имеет прямое практическое значение для современной России, где многие из выявленных проблем сохраняются.

В современной России по-прежнему отсутствует единый координационный центр подводно-археологических исследований. ИА РАН, Эрмитаж, музеи-заповедники, РГО, общественные организации действуют разрозненно, как и в советский период. Лишь с 2010 гг. начали появляться магистерские программы по подводной археологии (Воронеж, КубГУ, Севастополь), но система профессиональной подготовки до сих пор не создана. Россия не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия (2001 г.). Национальное законодательство отсутствует, что создает правовой вакуум и благоприятствует деятельности «черных» копателей (пример с кораблем «Фрау Мария»). Идея Р.А. Орбели о создании подводных музеев и парков начала реализовываться только в постсоветский период (проект музея в Кронштадте, подводные парки в Фанагории и др.).

Советский опыт подводной археологии – это опыт упущенных возможностей, который должен быть учтен при формировании

государственной политики в области сохранения и изучения подводного культурного наследия Российской Федерации. Без извлечения уроков из прошлого современная Россия рискует воспроизвести те же системные ошибки.

Подводная археология в СССР прошла путь от первых робких водолазных спусков в 1920-е гг. до масштабных систематических исследований 1960–1980 гг., охвативших акватории Черного, Азовского, Каспийского, Балтийского и северных морей, а также многочисленные внутренние водоемы. За эти десятилетия был накоплен огромный эмпирический материал, разработана и апробирована оригинальная методика подводных раскопок, созданы эффективные методы консервации «мокрых» артефактов, сформирован кадровый костяк исследователей.

Однако, как показано в диссертации, эти достижения не привели к институциональному оформлению дисциплины. Подводная археология в СССР осталась «несостоявшейся дисциплиной» – научным направлением с богатым эмпирическим материалом и развитой методикой, но без устойчивой институциональной основы: собственных кафедр, системы подготовки кадров, профильных научных журналов (за исключением позднего «Вопросов подводной археологии», основанного в 2010 г.), законодательной базы и постоянного государственного финансирования.

Причины этого явления, выявленные в работе, носят комплексный характер: ведомственная разобщенность, кадровая проблема, техническое отставание на начальном этапе, правовая неопределенность, идеологическое невнимание, ресурсные ограничения. В совокупности эти факторы создали непреодолимый на том этапе барьер для полной институционализации.

Вместе с тем, фундаментальные основы, заложенные советскими исследователями, не утратили своего значения и сегодня. Современная российская подводная археология, переживающая этап возрождения неизбежно опирается на советское научное наследие. Извлечение уроков из советского опыта – как позитивных (методики, консервация, организационные модели), так и негативных (отсутствие координации, кадровый голод, правовой вакуум) – является необходимым условием для успешного развития этой важной области отечественной исторической науки в XXI веке.

Список сокращений

В ИВР РАН – Архив востоковедов Института Восточных рукописей

АО – Археологические открытия

АИ – Археологические исследования

ВДИ – Вестник древней истории

ВИЖ – Военно–исторический журнал

ВПА – Вопросы подводной археологии

ВС – Вокруг Света

ДБ – Древности Боспора

ЗООИД – Записки Одесского Общества Истории и Древностей

ИВ – Исторический вестник

ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной комиссии

ИПМА – Изучение памятников морской археологии

КСИА – Краткие Сообщения Института Археологии

МПИ – Морские подводные исследования

МЗХТ – архив Музея – заповедника Херсонес Таврический

НА КИКЗ – научный архив Керченского музея – заповедника

НиЖ – Наука и жизнь

ОКК – Одесская комиссия краезнатства

ПИПИКГ – Памятниковедение. Изучение памятников истории и культуры в гидросфере

РА – Российская Археология; СА – Советская археология

НА СГИАПМЗ – научный архив Соловецкого музея- заповедника

СП – Спортсмен – подводник

ТМ – Техника молодежи

ЧиН – Человек и наука

Список источников

1. Антонова И.А. Отчет о раскопках и зачистках 28, 29 и 30 куртин восточной оборонительной линии Херсонеса в 1967 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 1848.

2. Башкиров А.С. Отчет об археологических раскопках на территории древнего города Патрея на Таманском полуострове. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2386.

3. Березин А.А. Отчет о прохождении археологической практики студентами Исторического факультета, в составе подводного отряда Патрейского отделения Фанагорийской экспедиции в 2014 г. // Архив МГГУ имени Шолохова. М. – 2015.

4. Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея и подводных археологических работах в Керченском проливе в 1957 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1500.

5. Блаватский В.Д. Отчет о подводных разведках 1958 г. // Архив ИА РАН. – Ф1. Р.1. № 1833.

6. Блаватский В.Д. Отчет о подводных раскопках Фанагории в 1959 г. //Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1937.

7. Блаватский В.Д. Отчет Подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2403.

8. Блаватский В.Д. Отчет о работе археологической экспедиции в районе Херсонеса в 1960 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 775.

9. Блаватский В.Д. Отчет о деятельности подводной экспедиции 1961 г. (Ольвия). // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2596.

10. Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.Отчет о работе Азово-Черноморской подводной археологической экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1 Р.1. № 2641.

11. Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. Отчет Первой Донузлавской подводной экспедиции 1964 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2827.

12. Блаватский В.Д., Петерс Б.Г.Отчет о подводных археологических работах в районе Донузлава в 1965 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 3192.

13. Гумилёв Л.Н. Отчет по археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1961 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 2326.

14. Двойченко П.А. Письмо К.Э.Гриневичу от 17.10.1930 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 453.

15. Захаров А.А. Отчет о работе морского клуба «Волна» по поиску колоколов Соловецкого монастыря за 1977 г. // Архив СГИАПМЗ. – Т. II. Шифр 55.6/77.

16. Золотарев М.И. Подводные работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 2079.

17. Зинько В.Н. Отчет о работе комплексной постоянно действующей охранно-археологической экспедиции в 1991 г. // Научный архив КИКЗ. – опись 2. – Ед. хр. 1075.

18. Зяблин Л.П. Отчет о полевых работах Иссык–Кульского отряда Киргизской археологической экспедиции летом 1954 г. // Архив ИА РАН. – Д. № 1016.

19. Иванов П.П. Средняя Азия и Казахстан в XVIII в. // Архив востоковедов ИВР РАН. – Ф. 152.

20. Иванов П.П. Очерк по истории каракалпаков // Архив востоковедов ИВР РАН. – Ф. 124.

21. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и

охраны культурного наследия // Науч. ред. – сост. А.Е.Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. – С. 1192

22. Кадеев В.И. Подводные исследования в Херсонесе // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 1189

23. Кадеев В.И. Отчет о подводных исследованиях в Карантинной, Круглой и Песочной бухтах в 1965 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 1189а.

24. Кадеев В.И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе в 1966 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 1602.

25. Кислый А.Е. Отчет о работе подводно-поисковой группы “Корабел” при КИАМ за 1979 г. // Научный архив КИКЗ. – опись 2. – Ед. хр. 740.

26. Кислый А.Е., Шамрай А.Н. Отчёт о подводных разведках у мысов Тузла и Панагия в 1981 г. Керчь, 1981 г. Архив ВКИКМЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 767.

27. Кондрашов А.В. Отчет о проведении подводно-археологической разведки в Новороссийской бухте и Анапском районе, 1990 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 15027.

28. Кондрашов А.В. Отчет о проведении подводно-археологических разведок у мыса Панагия в 1992 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 17375.

29. Лаврухин В.Н. Рабочий журнал поисковой группы подводных работ КИАМ. // Научный архив КИКЗ. – Опись 2. – Ед. хр. 739.

30. Лаврухин В.Н. Отчёт о работе подводной экспедиции Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина за 1978 г. // Научный архив ВКИКМЗ. – опись 2. – Ед.хр. 852

31. Научно-отраслевой архив Института Археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях // под редакцией Н.А. Макарова, П.Г. Гайдукова. – М.: ИА РАН, 2010 – С.352

32. Орбели Р.А. Автобиография ученого. // Санкт–Петербургский филиал архива РАН. – Фонд 1104. – Опись 1. – Дело 126. – Лист 50.

33. Паромов Я.М. Отчет о работе по теме «Установление охранных зон археологических памятников Таманского полуострова в 1981 г». // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 8602.

34. Петерс Б.Г. Отчет о работе Азово-Черноморской подводной экспедиции ИА АН СССР в 1967 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 3437.

35. Петерс Б.Г. Отчет о работе Патрейской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 10872.

36. Петерс Б.Г. Отчет о работах Патрейской экспедиции в 1986 г.// Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 11405.

37. Рыжов С.Г. Отчет раскопок квартала «ХА» в 1987 г. / С.Г. Рыжов //Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 2771.

38. Сержантов А.К. Отчет по результатам обследования подводной части набережной Святого озера Соловецкого монастыря в 1973 г. // Архив СГИАПМЗ. – Фонд 9. – Д.11.

39. Сокольский Н.И. Отчет об исследовании парусного судна в Керченском проливе // Научный архив КИКЗ. – опись 2. – Ед.хр. 922.

40. Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1965 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 3134.

41. Сокольский Н.И. Отчет о работе подводной экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 1946.

42. Стрежелецкий С.Ф. Научный отчет о работе археологической экспедиции подводников клуба туристов ДК имени

Ленсовета в 1962 г. // Архив ФГБУК «ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Д. № 819.

43. Таскаев В.Н. Отчет о работе Таманского подводного археологического отряда в Краснодарском крае в 1990 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 13715.

44. Таскаев В.Н. Отчет о работе Таманского подводно-археологического отряда в 2004 г.// Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 26342.

45. Труды Архива востоковедов Института Восточных рукописей РАН // под редакцией И.Ф.Поповой – М.: издательство Восточная литература, РАН, 2011 – С.235.

46. Шамрай А.Н. Отчет о подводных исследованиях близ мыса Панагия // Научный архив КИКЗ. – Опись 6. – Ед. хр. 315.

47. Шилик К.К. Отчет о работе у села Заветное Ленинского района Крымской области, 1982 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 13312.

48. Шилик К.К. Отчет о работе на Таманском полуострове у мысов Тузла и Панагия в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Ф.1. Р.1. № 12312.

49. Шилик К.К., Шамрай А.Н. Отчет о работе Боспорского подводно-археологического отряда в 1982 г. // Научный архив КИКЗ. – Опись 2. – Ед. хр. 768.

50. ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923–1931): архивные документы и материалы // Сост.: Н.А. Гоц, Р.А. Лазуткин, И.В. Талыпин и др. – М.: Граница, 2015. – С. 664.

Список литературы

1. Абрамов А.П. Амфоры Милета // Научные ведомости БГУ. – 2009. – №9. – С.11–15.
2. Авдусин Д.А. Археология СССР – М.: Высшая школа, 1977. – С.267.
3. Агбунов М.В. Новый этап развития подводной археологии // СП. – 1984. – №71. – С.57–63.
4. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря – М.: Наука, 1987.– С.320.
5. Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию – М.: Наука, 1989. – С.127.
6. Айбулатов Н.А. Вижу дно – М.: Наука, 2006. – С.171.
7. Алешковский М.Х. Ладья XI века из Новгорода // СА. – 1969. – №2. – С.37–52.
8. Алиев Д.И. Исследование прибрежных и подводных памятников Каспия // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2012. – №4. – С.75–83.
9. Амелькин А.О., Попов Д.А. Археологические исследования затопленной части Фанагории // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.32–36.
10. Амелькин А.О., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е. Фанагория подводная – Воронеж, ППТР «Петр», 2003. – С.23.
11. Анисимов И.О. Международно-правовая охрана объектов подводно-культурного наследия: дисс..канд.юр.наук: 12:00:10 / Анисимов Игорь Олегович. – М., 2014. – С. 212.
12. Анисимов И.О. Проблемы охраны подводного культурного наследия в РФ // Право. Журнал ВШЭ. – 2014. – №3. –С.136–143.

13. Апалс Я.Д. Раскопки поселения на озере Арайшу // АО’1967. – М.: Наука, 1968. – С.275–277.
14. Антонова С.Г., Соловьев В.И., Ямчук К.Т. Редактирование. Общий курс – М.: Издательство МГУП, 1999. – С.41
15. Архипова Н.А. Петр Симон Паллас – ученый и путешественник // Наука Урала. – 2001. – №1. – С.13–15.
16. Аствацатуров А.Е. Жизнь и труды академики Л.А. Орбели (посвящается 130-летию со дня рождения) // Вестник РАМН.– 2012.– №2.– С.66–71.
17. Ашурбейли С.Б. История горада Баку – Баку, Азернешр, 1992 – С.408.
18. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего Средневековья (Салтовомаяцкая культура) – Киев, Наукова думка, 1990. – С.168.
19. Бабекин Д.В. Участие РФ в международном сотрудничестве по вопросам сохранения подводного и культурного наследия // ВПА. – 2017. – № 8. – С. 6-13.
20. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк – Фрунзе, Киргизгосиздат, 1927. – С.95.
21. Басс Д. Нелегкая доля археолога-подводника // Курьер ЮНЕСКО – 1972. – №5. – С.40–51.
22. Басс Д. Подводная археология. Древние народы и страны – М.: Центрополиграф, 2003. – С.202.
23. Баукова А.Ю. Деятельность Керченского историко-археологического музея в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия (50–80 гг. XX века) // Научный сборник КМЗ. – 2008. – №2. – С.78–88.
24. Башкова О.А Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский и первые попытки подводных исследований на

Иссык-Куле // По следам путешествия П. П. Семенова на Тянь-Шань: сб.науч.тр. – Бишкек, Издательство КРСУ, 2007. – С.161.

25. Белов А.А. Большой порт греко-римской Александрии по современным археологическим данным // Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье: сб.науч.тр.памяти Т.Н.Савельевой. – М., 2009. – С.32–54.
26. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л.: Гидрометеоиздат. – 1980. – С.166.
27. Белов С.А. Подводные археологические исследования на поселениях Татарский и Волна Революции //ДБ. – 2008. – №3. – С. 22–28.
28. Белоусов А.В. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. – 2008. – №1. – С.117–130.
29. Бердников В.В. Клад Наполеона («Московская добыча») // Всемирный путешественник – 2007. – №1. – С.8–22.
30. Березин А.А. Тамань – амфорный край // Дайвтек. – 2004. – №4. – С.46–50.
31. Березин А.А. Кепы. Новые данные по изучению античного памятника подводной археологии // Патрей. Материалы исследования. – 2006. – №2. – С.25–37.
32. Березин А.А. Подводная археология в исследовании систем судоходства в С. Причерноморье // Подводное культурное наследие: перспективы изучения и сохранения: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.7–12.
33. Березин А.А. Подводные Атлантиды Тамани // Октопус. – 2007. – №5. – С.118–125.

34. Березин А.А. Херсонес Таврический в период римского владычества в Северном Причерноморье в I в. до н.э.–III в. н.э. // Патрей. Материалы исследования. – 2007. – №4. – С.37–42.
35. Березин А.А. Патрей – подводная археология // Октопус. – 2007. – №6. – С.132–137.
36. Березин А.А. Данные о подводно-археологических работах в Северном Причерноморье // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.51–55.
37. Березин А.А. Подводные исследования античного городища Патрей // Музей. – 2010. – №1. – С.44–49.
38. Березин А.А. Источниковедческий обзор памятников античной эпохи Северного Причерноморья // ВПА– 2010. – №1. – С.5–25.
39. Березин А.А. Рим и Северное Причерноморье накануне «Митридатовых» войн // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №48. – С.17–35.
40. Березин А.А. Военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье в I в. // Вестник ЧувГУ. – 2012. – №2. – С.3–8.
41. Березин А.А. Изучение памятников подводно-культурного наследия в дореволюционной России // Вестник ТГПУ. – 2016. – №9. – С.59–63.
42. Березин А.А. ЭПРОН на службе гуманитарной науки СССР // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – №1. – С.37–49.
43. Березин А.А. Проведение археологических разведок в бассейне реки Быстра Сосна // ВПА. – 2016. – №7. – С.4–12.
44. Березин А.А. К вопросу сохранения и консервации памятников судоходства // Вестник БГУ им. Петровского. – 2017. – №2. – С.41–46.

45. Березин А.А. Подводно-археологические изыскания в Александрии, как объект международного сотрудничества в сфере изучения культурно-исторического наследия //Вестник МГПУ.–2018.–№2.–С.70–77.
46. Березин А.А. Перспективы изучения подводно-культурного наследия на примере музейного комплекса КРСУ имени Ельцина // Культурное Наследие России. – 2018. – №1. – С.43–48.
47. Березин А.А. Особенности периодизации в современной отечественной историографии подводной археологии // Гуманитарный вектор. – 2021. – № 3. – С.120–127.
48. Березин А.А. Подводная археология. Прошлое сохранённое морем // Познай мир истории. Популярная энциклопедия исторической науки – 2023. – № 1. – С.1–31.
49. Березин А.А. Памятники малоглубинной археологии из Патрейского городища Таманского залива // История – электронный научно-образовательный журнал. DOI статьи 10.18254/S207987840038672-8
50. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью – Казань, Университетская типография, 1850. – С.210.
51. Бертье–Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД. – Т.XIV. – 1886. – С.77–119.
52. Бидзиля В.Ж., Болтрик Ю.В., Отрощенко В.В., Яковенко Э.В. Работы Запорожской экспедиции // АО’1972 – М.: Наука, 1973. – С.259-262.
53. Блаватский А.В. Из истории одного КБ // ВПА.– 2012. – №3. – С.87–98.

54. Блаватский В.Д. О подводной археологии // СА.– 1958.– №3. – С.34–40.
55. Блаватский В.Д. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции в 1960 г. // СА. – 1961. – №4. – С.42–48.
56. Блаватский В.Д. Подводные разведки в Ольвии // СА. – 1962. – №3. – С.221 – 234.
57. Блаватский В.Д. Подводная археология её задачи // ВИ. – 1964. – №4. – С.12–16.
58. Блаватский В.Д. Подводная археологическая экспедиция в 1962 году // СА. – 1965. – №1. – С.272–274.
59. Блаватский В.Д., Кузищин В.И. Подводные разведки древней Фанагории // Вестник АН СССР. – 1959. – №1. – С.80–86.
60. Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С.120.
61. Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения // Вестник АН СССР. – 1962. – №4. – С.80–86.
62. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей – М.: Международные Отношения, 1979. – С.192.
63. Боровиков П.А. О методах поиска древних затонувших судов // СА. – 1984. – № 4. – С.256.
64. Боровиков П.А. Водолазное дело России – М.: Мысль, 2005. – С.171.
65. Боровиков П.А. Vasa. Второе рождение – М.: Нептун, 2011. – С.160.
66. Боровиков П.А. Подводная пехота – М.: Нептун, 2015. – С.296.
67. Бородянский А.В. Археологические находки в днепровском Надпорожье // СА. – 1960 – №1. – С.271–277.

68. Бунин Д. С. Археология. Методы археологического исследования. Классическая археология.: учеб. пособие – Владимир, издательство ВлГУ им. Столетовых, 2016. – С.96.
69. Буров В.А. Археологическое исследование Соловецкого монастыря (к становлению монастырской археологии Древней Руси) Ч. I. История археологических исследований // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2006. – №2. – С.5–11.
70. Буров Г.М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. – 1966. – №1. – С.155–173.
71. Быховский И.А. Петровские корабелы – Л.: Судостроение, 1982.– С.98.
72. Валеева Ю.Н. Исторические руды профессора И.Н. Березина // Приволжский научный вестник. – 2015. – №2. – С.28–31.
73. Ванин С.И. Древисиноведение – М.–Л.: Гослесбумиздат, 1949. – С. 315.
74. Варшавский А.С. Следы на дне – М.: Мысль, 1975. – С.141.
75. Вахонеев В.В. Подводно-археологические исследования в античной Ольвии: декрет Протогена и береговые укрепления эллинистического периода // ВПА. – 2013. – №4. – С.27–33.
76. Вахонеев В.В., Соловьев С.Л. Подводно-археологическая экспедиция на античном городище Акра – СПб.: Эрмитаж, 2013. – С.12.
77. Вахонеев В. В. Морская археология: учебное пособие для вузов – М.: Юрайт, 2021. – С.205.
78. Венецкий С.И. Тайны исчезнувших сокровищ – М.: Реал, 1993. – С.64.
79. Венюков М.И. Замечания об озере Иссык–Куль и реки Кошкар // Вестник РГО. – 1860. – №30. – С.22–24.

80. Винник Д.Ф. Работы Иссык–Кульского археологического отряда в 1959 году // Известия АН Киргизской ССР. – 1960. – №3. – С.87–93.
81. Винник Д.Ф. 50 лет Советской археологии в Киргизии // СА. – 1967. – №4. – С.79–92.
82. Виноградов Ю.А. К.К.Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. – 2023. – № XLVII. – С.292-331.
83. Виноградов Ю.Г. Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. – 1999. – № 4. – С.176–179.
84. Вихров В.Е., Борисов В.А., Казанская С.Ю. Сохранение древесины из раскопок Берестья // СА. – 1973. – №4. – С.277–279.
85. Волдемарс Р.А. Подводный мир Латвии. Взгляд гидроархеолога // ИПМА. 2004. – №5. – С.60–69.
86. Воронов Ю.Н.Диоскуриада–Себастополис–Цхум– М.:Наука,1980– С.98.
87. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Вианор Панджович Пачулиа – Сухуми, Алашара, 1989. – С.89.
88. Воронцов А.А, Орлов А.А. Китежская легенда // ВИ. – 1985. – №10. – С.180–186.
89. Вышкарцев Д.И. К проблемам морского наследия России // Вестник ДВО РАН. – 2011. – №1. – С.150–152.
90. Гамкрелидзе Г.А. Вопросы развития подводной археологии в Грузинской ССР // Сообщения АН Грузинской ССР.– 1986.– №3.–С.502–504.
91. Гамкрелидзе Г.А. Подводная археология на побережье Колхиды – Тбилиси, ЦАИ АН, 1990. – С.12.
92. Ганджи И.А. Подводная одиссея Виктора Квачидзе // Подводная археология – 40 лет: сб.науч.тр. – Баку, 2008. – С.7–11.

93. Гасанова С.С. Древний Дербент в описаниях // Наука и мир. – 2015. – №3. – С.129–137.
94. Гафарова Г.Н. Основоположники музейного дела в Азербайджане // Вопросы музеологии. – 2013. – №2. – С.86 – 93.
95. Геннинг В.Ф. Проблемная ситуация в современной археологии – Киев, Наукова Думка, 1988. – С.120.
96. Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН.– 2016.– №1.–С.7–18.
97. Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова – М.: Синодальная типография, 1870. – С.128.
98. Герасимов Ю.В., Горбунова Т.А. Историография археологии: современное состояние //Вестник ОмскГУ.–2003.– №2.– С.48–51.
99. Гогешвили А.Р. Снова озеро Светлояр // СП.– 1971.– №25.– С.104–111.
100. Голенцов А.С. Выборгское морское сражение и морская археология Восточной Балтики // ИПМА. – 1993. – №3. – С.7–8.
101. Голенцов А.С., Плюснин И.А., Эриксон Т. Опыт работы российско-шведской морской археологической экспедиции «Аврора» // ИПМА. – 1995. – №2. – С.40–48.
102. Голенцов А.С., Дегтяренко Н.А. Первое всесоюзное совещание по проблемам подводной археологии //СП.– 1983. – №70. – С.26–30.
103. Голотвин А.Н. Проблемы истории отечественной археологии в работах А.Д.Пряхина // Археология, этнография и антропология Евразии–2014. – №3. – С.99–104.
104. Голубев Г.Н. По следам ветра – М.: Молодая Гвардия, 1963. – С.98.

105. Горн Д.И. Самодеятельные студенческие подводные экспедиции, как эффективный путь всестороннего воспитания молодежи // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр.– М., 2012.– С.101–111.
106. Горячев А.А. Утраченные колокола Соловецкого монастыря. // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012.–С.121–127.
107. Гриневич К.Э. Исследования подводного города близ Херсонесского маяка – М.: Государственная академия искусствознания, 1931. – С.80.
108. Грот Л.П. Об имени Хельги// Исторический формат.– 2015.– №4.– С.91.
109. Груцо И.А., Баранов К.В., Гужаловский А.А. Из истории Отечественной войны 1812 года (предварительные данные подводной разведки на реке Березина) // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.66–70.
110. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии – М.: Айрис–Пресс, 2014. – С.416.
111. Дебрюкс П.А. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив, близ Еникальского маяка от горы Опук включительно // ЗООИД. – 1858. – Т.IV. – С3–85.
112. Дементьев В.С. К вопросу о становлении и перспективы развития исторической географии // Псковский региональный журнал. – 2015. – №23. – С.63–68.
113. Джафарзаде И.М. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте // Известия Азербайджанского филиала АН. – 1947. – №7. – С.3–12.

114. Джафарзаде И.М. Краткие данные об археологических исследованиях на территории Нахичеванской АССР // Известия АН Азербайджанской ССР. – 1949. – №5. – С. 16.
115. Диваков И.В. Каспийские раскопки судов //Море.–1997.–№1.– С.50–54.
116. Диваков И.В., Окороков А.В. Изучение останов судна XVIII в. на острове Кулалы в Северном Каспии // ПИПИКГ.–1991.– №2.– С.103–108.
117. Дзидзария Г.А. Восстановить утраченные страницы // ТМ. – 1968. – №10. – С.27–30.
118. Дубровин Г.Е. Новгородские лодки-однодеревки // РА. – 1994. – №3. – С.177–185.
119. Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование: автореф. дисс….д.и.н. / Дэвлет Екатерина Георгиевна – М.: 2003.– С.47.
120. Едомаха И.И. Находка ладьи-однодеревки на Десне // СА. – 1964. – №1. – С.339–342.
121. Елисеев П.А. Основоположник советской гидроархеологии // СП. – 1985. – №7. – С.56–57.
122. Енгалычев С.Ю.Озеро Светлояр//Российские недра. – 2009. – № 12. –С.6.
123. Журавлева Ю.Б., Чубур А.А. Средневековое судостроение в Юго-Восточной Руси // ВПА. – 2010. – №1. – С.25–44.
124. Зайцева Г.И., Лозовская О.В., Выборнов А.А., Мазуркевич А.Н. Радио-углеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. – Смоленск, Свиток, 2016. – С.456.
125. Запольский А.А., Тюрин В.А. Легендарному ЭПРОНу 85 лет // Морской сборник. – 2009. – №2. – С.17–27.

126. Застрожнова Е.Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.) – СПб.: Нестор-История, 2019. – С.308.
127. Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции КГУ им. Шевченко на Чёрном море 1997–1999 гг. // Восточноевропейский археологический журнал – 2000. – №.2. – С.223–234.
128. Зеленко С.М. Подводная археология Крыма – Киев, Стилос, 2008. – С.270.
129. Зеленко С.М., Морозова Я.И. Первая встреча участников международной сети «УНИТВИН» (UNITWIN) по подводной археологии // Нептун. – 2013. – №4. – С.61.
130. Золотарев М.И., Ионес Э.Б. Геоакустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических выводов в археологии: сб.науч.тр. – М., 1979. – С.19–22.
131. Золотарев О.А. Тарханкут – полуостров кораблекрушений – Тула, Борус, 2015. – С.176.
132. Золотарев П.М Находки долбленных лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы: сб.науч.тр. – Воронеж, 2005. – С.81 – 87.
133. Золотовский К.Д. Подводные мастера – Молотов, Молотовское книжное издательство, 1954. – С.200.
134. Зюков Б.В. Под волнами Иссык–Куля – М.: Географическая литература, 1962. – С.110.
135. Иванчик А.И., Петерс Б.Г. Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 году // ВДИ. – 1988. – №2. – С.119–121.
136. Ильяшенко С.М. Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. – 2007. – №2. – С.23-39.

137. Иовлева Е.А. Новый экспонат «Военной Горки» // Тамань. – 2015. – №41. – С.5.
138. Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник, как категории исторической науки: непростая диалектика //Известия Самарского НЦ РАН. – 2013. – №1. – С.184–194.
139. Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации // Новое прошлое. – 2019. – №2. – С.98–112.
140. Исмизаде О.Ш. К 70-летию Исаака Мамед Риза оглы Джафарзаде // СА. – 1966. – №1. – С.108–110.
141. Кадеев В.И. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964–65 годах // МПИ – М.: 1969. – С.342–353.
142. Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет – Харьков, Бизнес Информ, 2000. – С. 392.
143. Кадеев В.И. Годы студенческие // Харківський історіографічний збірник. – 2012. – №11. – С.224 – 237.
144. Капица С.П. Мои воспоминания – М.: АСТ, 2016. – С.300.
145. Караев Г.Н. Новые данные о месте Ледового побоища 1242 года // ВИЖ. – 1959. – №3. – С.47–55.
146. Караев Г.Н. Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища – М.–Л.: Наука, 1966. – С.241.
147. Карев В.А. Морской АСС России 50 лет // Морской флот. – 2007. – №1. – С.14–20.
148. Карасев А.Н. Оборонительные сооружения Ольвии // Краткие сообщения ИИМК – 1948. – №22. – С.25–38.
149. Кармазина О.В., Селезнев Ю.В. Разработка и использование А.О. Амелькиным методики регулярных подводных раскопок на

затонувшей части Фанагорийского городища // Подводное культурное наследие: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.45–47.

150. Каспийская экспедиция К. М. Бэра, 1853–1857 гг.: Дневники и материалы // Составитель Т. А. Лукина. – Л.: Наука, 1984. – С.557.
151. Кашина Е.А., Окороков А.В. Ископаемые долбленные лодки из Ликсинского района Воронежской области // Журнал Института Наследия. – 2019. – №1. – С.1–8.
152. Квачидзе В.А., Анищенко Е.В. Каспийская Атлантида: подводные исследования западного берега Каспия // Подводная археология….: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.96–102.
153. Квачидзе В.А., Багдасаров Р.С. Подводные находки в районе гибели старой шхуны // СП. – 1974. – №37. – С.71–76.
154. Квачидзе В.А., Румянцев П.Б. Клуб «Наяда» в подводных поисках // СП. – 1974. – №35. – С.49–51.
155. Квачидзе В.А., Мамедов Р.А. Гидроархеологические исследования поселения Бяндован // АИ’1971. – М.: Наука, 1972. – С.489 – 490.
156. Квист М.В. Исследование одного кораблекрушения. Социально-исторический этюд // Вестник ЛГУ им.Пушкина – 2015. – №4. – С.259–270.
157. Кеппен П.И. Древности Серного берега Понта. – М.: Университетская типография, 1828. – С.175.
158. Киклевич Ю.Н. Подводный Донбасс // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2009. – №1. – С.124–141.
159. Кирчо Л.Б. В.М. Массон – первооткрыватель, исследователь, организатор науки // Записки ВО РАО. – 2006. – №2. – С.27–32.

160. Кисельников А.Б. К вопросу классификации греческих и римских торговых судов // Античный мир и археология.– 2006.– №12.– С.313–333.
161. Кисельников А.Б. Грузовые суда и организация морских перевозок в Средиземноморье в античную эпоху: дисс ... канд. истор. наук: 07.00.03/ Кисельников Алексей Борисович – Саратов, 2009. – С.206.
162. Кисельников А.Б. Античное кораблекрушение, как археологический комплекс // Античный мир и археология. – 2011. – №15. – С.379–386.
163. Кларк А. Сокровища большого рифа – М.: Мир, 1967. – С.223.
164. Клейн Л.С. Археологические источники – Л.: ЛГУ, 1978. – С.120.
165. Клейн Л.С. История археологической мысли – СПб.: СПбГУ, 2011. Т.I. – С.632.
166. Клейн Л.С. Археологическая периодизация в новом тысячелетии // Российский археологический ежегодник. – 2014. – №4. – С.57–60.
167. Колли Л. П. Следы древних культур на дне морском // ИТУАК. – 1909. – №43. – С.171–226.
168. Колпаковский Г.И. О древних постройках, найденных на озере Иссык–Куль // Известия РГО. – 1870. – №6. – С.101–105.
169. Комарович В.Л. Китежская легенда (Опыт изучения местных легенд). – М.: издательство АН СССР, 1936. – С. 189.
170. Кондратов А.М. Атлантиды ищите на шельфе – Л.: Гидрометеоиздат, 1988. – С.224.
171. Кондрашов А.В. Подводные исследования у мыса Панагия // ИПМА. – 1995. – №5. – С.5–21.

172. Копейкин М.Л. Опыт организации экспонирования крупных артефактов подводной археологии // ВПА. – 2016. – №7. – С.52–60.
173. Копейкин М.Л., Кухтерин С.А. Кирьясская барка. Опыт раскопок, извлечения и транспортировки // ВПА. – 2015. – №6. – С.56–62.
174. Королев А.Б. Юбилей отечественной гидронавтики // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.422–423.
175. Корсунский Д.А.Мы ищем корабль «Садко»//СП.–1975.–№42.–С.58–55.
176. Кошеленко Г.А. О новых зарубежных работах по подводной археологии // СА. – 1970. – №1. – С. 32–38.
177. Кошеленко Г.А., Бочаров Г.Н. В глубинах седьмого континента // Декоративное Искусство. – 1960. – №6. – С.40–46.
178. Кравчук А.С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и время. – 2014. – №3. – С.190–197.
179. Крайл Б., Крайл Д. За подводными сокровищами – М.: Географическая литература, 1958. – С.90.
180. Кривошеев Ю.В., Мандрик М.В., Соколов Р.А. Дневник поездки на Чудское озеро академика М.Н. Тихомирова. 1958 год // Русские Древности…сб.науч.тр. – СПб, 2011. – С.387–405.
181. Крыжицкий С.Д. Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях – Симферополь, Деметра, 2012. – С.124.
182. Кудрявцев А.А. Древний Дербент – М.: Наука, 1982. – С.176.
183. Кудрявцев А.А., Гаджиева М.С. Подводные археологические иссле-дования в акватории Дербента // Проблемы истории,

филологии, культуры: сб.науч.тр.– Магнитогорск, МаГУ, 2002. – С.396–414.

184. Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Феодальный город Северного Кавказа (средневековый Дербент в VI–XIII веках) – Ставрополь, Издательство СКФУ, 2015. – С.307.
185. Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Подводные археологические иссле-дования средневекового порта Дербента, в свете данных арабских авторов IX-X вв. // ВПА. – 2020. – № 11. – С.97–120.
186. Кузищин В. И. Археологическое обследование подводной Фанагории // Вестник МГУ. – 1959. – №4. – С.44–48.
187. Кузищин В.И. Историография античной истории – М.: Высшая школа, 1980 – С.415.
188. Кузнецов В.Д., Ольховский С.В. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том IV.: сб.науч.тр. – М.: ИА РАН, 2016. – С.325–353.
189. Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 годах // ДБ. – 2003. – №6. – С.153–175.
190. Кузнецов В.Д., Ольховский С.В., Завойкин А.А. Подводные археологические исследования в Фанагории // Природа. – 2019. – №1. – С.57–67.
191. Курносов С.Ю. Становление и развитие морских музеев России: дисс…канд.культурологии: 24.00.03/ Курносов Сергей Юрьевич – СПб. – 2003. – С.490.
192. Кусильман М.В., Лукашов Н.В., Лукашова С.С. Картографирование подводных объектов с привязкой к государственной геодезической сети // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.238–241.

193. Кусто Ж.И. В мире безмолвия – М.: АСТ–Астрель, 2003 – С.527.
194. Лазаров М. Потерянная флотилия – Л.: Судостроение, 1978. – С.135.
195. Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города – М.: Прогресс, 1982. – С.160.
196. Лебедев Г.С. История отечественной археологии — СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. – С.145.
197. Лебединский В.В. Новые методы изучения истории. Письменные и изобразительные источники по истории Египта и подводная археология: дисс.. канд. истор. наук: 07.00.03/ Лебединский Виктор Владимирович – М.: 2000. – С.263.
198. Лебединский В.В., Пронина Ю.А. Подводно-археологическая разведка у берегов Абхазии с применением ГБО // ВПА.– 2011.– №2.– С.21–41.
199. Лебединский В.В. Сирийско-российская подводная археология // Коммерсантъ – Наука. - № 7. – 30.XI.2021. – С.13.
200. Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Двухшорстонов В.И Методика проведения подводных археологических исследований – Севастополь, СГУ– ИВ РАН, 2019. – С.31.
201. Лейцин В.Н., Дмитриева М.А. О перспективах взаимодействия Российской и Литовской инновационных структур // Балтийский регион. – 2011. – №2. – С.85.
202. Леквинадзе В.А. Оборонительные сооружения Себастополиса // СА. – 1966. – №1. – С.203–210.
203. Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга (опыт изучения) – М.: Наука, 1988. – С.125.
204. Леонтьева Т.А. Над старыми фотографиями // Родина. – 1996. – №3. – С.7–55.

205. Линде Г., Бредшнейдер Э. Из глубины веков и вод – Л.: Гидрометеоиздат, 1969. – С.286.
206. Линк М.К. Окна в море – Л.: Судостроение, 1978. – С.210.
207. Литвиненко Ю. П., Сериков Ю.Б. Подводно-археологические исследования Шигирского озера. // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.61– 64.
208. Лихачев Д.С. Раздумья о России. Декларация прав культуры – СПб.: Логос, 2004. – С.635.
209. Лобанова Н.В. Петроглифы Онежского озера – М.: Университет Пожарского, 2015. – С.440.
210. Лозовская О.В. Лозовский В.М., Мазуркевич А.Н., Климente К.И. Подводные исследования на стоянке каменного века Замостье-2 // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.38–47.
211. Лопатин В.А., Малов Н.М., Малышев А.Б., Четвериков И.С. Основы археологии (методика полевых исследований и археологическая практика) //: учебно-методическое пособие – Саратов, «Научная книга», 2006. – С.56.
212. Лукашов Н.В., Лукашова С.С. Подводные археологические исследо-вания на высокогорном озере Иссык–Куль // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.363–368.
213. Лукошков А.В., Агеев Д.М., Прохоров М.Ю., Галайда И.В. Находки затонувших судов на трассе торгового пути река Нева–Ладожское озеро–река Волхов // Подводная археология…: сб.науч.тр. – М., 2008. – С.121–129.
214. Луций С.А. Трехмерное моделирование объектов подводного культур-ного наследия // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр – Новгород, 2007.– С.52–56.

215. Любичанковский А.В. Географический и культурологический подходы к дифференциации объектов культурного наследия // Вестник Оренбургского Университета. – 2008. – №6. – С.17–25.
216. Ляшко С.Н. О находке в р.Днепр колеса эпохи Бронзы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 1999. – №2. – С.167–170.
217. Мазуркевич А.Н. Полвека раскопок и подводных исследований озерных поселений на Северо-западе России // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.80–84.
218. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.А. Исследование внутренних водоемов в Северо–Западном и Центральном районах России: проблемы изучения и сохранения подводного наследия // Юридические и методические вопросы…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.153–168.
219. Майко В.В. 70 лет Игорю Авенировичу Баранову // История и археология Крыма. – 2016. – №3. – С.461–462.
220. Максименко В. Быль о «Черном принце» //СП.– 1983.– №70. – С.48–51.
221. Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник НГУ им. Лобачевского. – 2015. – №3. – С.36–44.
222. Мангазев И.А. Мангазейский морской ход – начало Великого северного морского пути // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.249–258.
223. Манукян Ю.А. Потенциал подводных археологических исследований на территории юго-восточной Балтики // Знание. – 2016. – № 1(V). – С.151–157.
224. Мартыненко И.Э. Охрана подводного археологического наследия: международно-правовой и национальный аспекты //

Журнал международного права и международных отношений. – 2009. – №1. – С.3–7.

225. Мартынов А.А. Археологическое прошлое Соловецкого архипелага: материк–море–острова // Соловецкое море. – 2002. – №1. – С.27–36.
226. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования – М.: Высшая школа, 1989. – С.223.
227. Марченко И.Д. К вопросу о боспорских торговых судах // СА. – 1957. – №1. – С.232–237.
228. Масленников А.А. Восточный Крым в сердце моем – Тула, Гриф и К°, 2009. – С.145
229. Массон В.М. Морская археология, как научное направление // ИПМА. – 1993. – №1. – С. 3–10.
230. Массон В.М. К исторической интерпретации данных морской археологии // ИПМА. – 1998. – №3. – С.5–6.
231. Матссон–Попова С.А. Корабль «ВАСА» // НиЖ.– 2007.–№12.– С.37–43.
232. Медведев А.П. Эллинистические погребения восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.) // РА. – 2014. – №3. – С.130–139.
233. Мельник А.Н. Р.А. Орбели – родоначальник комплексного источнико-ведения // Комплексные методы в исторических исследованиях: сб.науч.тр. – М., 1987. – С.32–38.
234. Мельник А.Н. Предисловие к фрагментам из социально-богословского наследия проф. Р.А.Орбели // Социологические исследования. – 1991. – №12. – С.92–94.
235. Мельник И.К. Путешествие в прошлое. Книга первая: «Ивлия» – Одесса, Печатный дом, 2005. – С.288.

236. Мельникова О.М. Научные школы в археологии: автореф. дисс….д.и.н. / Мельникова Ольга Михайловна – Ижевск, 2004.– С.24.
237. Микляев А.М. Идол из Усвятского торфяника // СА. –1967. – №4. – С.287–291.
238. Микляев А.М. Подводные археологические исследования Государственного Эрмитажа // Museum. – 1980.– №1.– С.68–80.
239. Микляев А.М. О разведках свайных поселений // Древние памятники культуры на территории СССР: сб.науч.тр. – Л., 1982. – С.16–17.
240. Микляев А.М. Подводные исследования озера Сенницы // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.40–54.
241. Милиславский К.А. Старинная пушка найденная у о.Тендры // Вестник ОКК при Украинской АН. – 1925. – № 2. – С.67–69.
242. Миллер М.А. Археология в СССР – Мюнхен, Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954. – С.160.
243. Миргородский А.В. Крымская война на Азовском море. – М.: Международные отношения. – 2021. – С.600.
244. Михалевский А.И. Развалины караван-сарая в Бакинской бухте // Известия Азербайджанского университета. – 1930. – Том IX. – С.119.
245. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. – Саратов, издательство СГУ, – 1999. – С.680.
246. Москалев М.И. Табалдиев К.Ш., Кольченко В.А. Дмитрий Федорович Винник // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – 2008. – №3. – С.98–116.
247. Муравьев–Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году – СПб.: издательство канцелярии МВД, 1823. – С.171–226.

248. Мурадалиева Э. «Золотой» век городов Азербайджана // Кавказ и глобализация. – 2010. – № 1(II). – С.220–228.

249. Мурзин Ю.А. Амфоры острова Левке // ВС. – 1990. – №11. – С.48–50.

250. Нагиев Г.Р. Особенности фортификационной системы городов Азербайджана // International science project. – 2018. – №12. – С.7–17.

251. Назаров В.В. Во владениях Понтарха // Летопись Причерноморья. – 1999. – №1. – С.210.

252. Назаров В.В. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины – Киев, Стилос, 2003 – С.160.

253. Назаров В.В., Воронов С.А. Гидроархеологическое обследование райо-на Тендроновской косы (Черное море) // Подводная археология: Сто лет…: Сб.науч.тр. – М., 2002. – С.42–46.

254. Немировский А.И. Нить Ариадны – Воронеж, Издательство ВГУ, 1972. – С.233.

255. Непомнящий Н., Низовский А. Тайны кладов – М.: Вече, 2004. – С.410.

256. Никитин М.К., Мельникова Е.П. Химия и реставрация – Л.: Химия, – 1990. – С.304.

257. Никонов А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерйского // РА. – 1998. – №3. – С.57–66.

258. Ногид И.Л., Поздняк А.И. Консервация мокрой археологической древесины // СА. – 1965. – №3. – С.277–279.

259. Овсянникова Е.В. Сохранение морского наследия в России в музеях подводной археологии // Молодежный вестник СПбГИК. – 2015. – №1. – С.154–157.

260. Окороков А.В. Исследование гавани XVI века на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага // ПИПИКГ.– 1990.– №2.–С.133–138.
261. Окороков А.В. История изучения и охраны отечественных памятников гидроархеологии – М.: РИК ЦКПИ, 1993. – С.135.
262. Окороков А.В. История отечественной подводной археологии – М.: Кнорус, 2008. – С.145.
263. Окороков А.В. Стеклышки мозаики, которых нет на земле // Охраняется государством – 2017. – №5. – С.8–16.
264. Окороков А.В. Свод объектов подводного культурного наследия РФ – М.: Институт Наследия, 2019. – С. 224.
265. Окороков А.В, Таскаев В.Н. Подводные раскопки памятников истории и культуры. Методические рекомендации– М.: ВНИИР, 1987. – С.180.
266. Окороков А.В., Скворцов А.П. К вопросу об истории северного судостроения // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.70–80.
267. Окороков А.В., Шпикалов Е.В. Исследование набережной XIX века Соловецкого монастыря // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.110–124.
268. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III в.до н.э.) – М.: Наука, 1991. – С.256.
269. Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н. Методика археологических исследований на затопленных поселениях – М.: ИА РАН, 2011– С.30.
270. Ольховский С.В. Магнитометрические разведки в акватории Фанагории // ВПА. – 2013. – №4. – С.53–58.

271. Оноприенко В.И. Рецензия на монографию Григорян Н.А. Научная династия Орбели– М.: Наука,2002.– С.522.// Человек.– 2003.–№3.– С.173.
272. Орбели Р.А. Подводная археология // НиЖ. – 1939. – №8. – С.8–9.
273. Орбели Р.А. Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древнегреческих городов на Черноморском побережье – М.: Судоподъём, 1945. – С.150.
274. Орбели Р.А. Исследования и изыскания – М.: РечИздат, 1947. – С.210.
275. Орлов С.Н. Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде // СА. – 1958. – №4. – С.207–209.
276. Османова С.Р. Патрей – античный памятник подводной археологии – М.: Спутник, 2009. – С.79.
277. Охотников С.Б. Подводные исследования у острова Змеиного // ИПМА. – 1999. – №5. – С.35–39.
278. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) – Киев, Наукова Думка. – 1993. – С.140.
279. Островерхов А.С. Тайны Гилейского моря // СП. – 1986. – №77. – С.58–69.
280. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства. – М.: Наука, 1999. – С.245.
281. Панферов В.Н. Глоток свободы (немного о быте археологических экспедиций в 70 – 80 гг.) // История и историческая память. – 2016. – № 13/14. – С.341–350.
282. Паромов Я.М. Краеугольный камень Таманской палеографии // КСИА’2015. – М.: ИА РАН, – С.137–153.

283. Паромов Я.М. История археологических исследований на Таманском полуострове (1792-2016 гг). – М.: ИА РАН, 2023. – С.336.
284. Паркер Э. Дж. Средиземное море: подводный музей // Курьер ЮНЕСКО – Подводная археология. – 1987. – №12. – С.8–10.
285. Пахомов А.Е. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте // Известия Азербайджанского филиала АН. – 1940. – №6. – С.116–117.
286. Пачулиа В.П. В краю золотого руна – М.: Наука, 1968. – С.136.
287. Пачулиа В.П. Прикосновение к тайне // ТМ. – 1968. – №10. – С.26–28.
288. Петерс Б.Г. В поисках затонувшего судна // СП.– 1962.– №2. – С.48–59.
289. Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Наука, 1982. – С.110.
290. Петерс Б.Г., Смирнов И.В. О новейших подводных археологических работах // ВДИ. – 1961. – №3. – С.160–164.
291. Петренко В.П., Эфендиев Э.Ф. Работы на территории Эстонии и Ленинградской области // АО’1983 г. М.: ИА РАН, 1985. – С.453.
292. Петрова Э.Б. Памяти Л.П.Колли // Культура народов Причерноморья. – 2002. – №33. – С.105–110.
293. Писаревский Н.П. Археология моря. Города–корабли–поиск – Воронеж, Издательство ВГУ, 1996. – С.136.
294. Писаревский Н.П. Морской флот в античных государствах Северного Причерноморья: дисс ... докт. истор. наук: 07.00.03/ Писаревский Николай Петрович. – Воронеж, 2001. – С.420.
295. Писаревский Н.П. История античного мореплавания: проблемы, решения, перспективы // Вестник ВГУ. – 2007. – №2. – С.59–69.

296. Плоских В.М. Иссык–Куль. Путешествие в прошлое. – Фрунзе, «Кыргызстан», 1981. – С.76.

297. Плоских В.М. По следам затонувших памятников Иссык – Куля // Вестник КРСУ. – 2013. – №8. – С.80–88.

298. Плоских В.В. Затонувшие памятники Иссык–Куля. Исследования «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути. – Бишкек, КРСУ, 2013. – С.200.

299. Плюснин И.А. Элементы методики обследования затонувшего судна XVIII века в условиях низкой видимости // ИПМА. – 1998. – №3. – С.131–140.

300. Поспелов Д.В. Программа по подводной археологии // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.57–59.

301. Прапор С.С. 50 лет в подводной археологии // Нептун. – 2011. – №6. – С.56–60.

302. Прапор С.С., Плоских В.М., Мокрынин В.П. Четыре сезона подводно-археологических работ в водах Иссык–Куля // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.53–58.

303. Прапор С.С., Прапор В.С. Итоги подводной археологической экспедиции на озере Иссык–Куль в 1985–2006 гг. // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.29–34.

304. Преображенский С.Н. Кино, как метод научного исследования // Советское кино. – 1948. – №6. – С.49–54.

305. Прохорова Т.А. На службе археологии и музею: к 125-летию со дня рождения К.Э. Гриневича // Причерноморье. История, политика, культура. – 2017. – №22 «А». – С.8–22.

306. Прохоров Р.Ю. Создание фотопланов подводных объектов // Нептун. – 2011. – №6. – С.74–77.

307. Пучкова О.С. Археологический источник: состояние проблемы // Вестник Омского университета – 2001. – № 4. – С.68–70.

308. Разумов Г.А.,Хасин М.Ф.Тонущие города–М.:Стройиздат,1991.– С.250.
309. Ранюк Ю.Н. Новые находки в Херсонесе // СП.– 1966.– №15.– С.26–29.
310. Ратушняк В.Н. Рецензия на монографию «Феодальный Дербент в ракурсе новых источников» авторов Кудрявцева А.А. и Кудрявцева Е.А. // Историческая и социально – образовательная мысль. – 2016. – №3. – С.230–236.
311. Русанов К.В. Владимир Чернявский и Черное море // Морской Биологический журнал. – 2016. – №2(I). – С.70–76.
312. Савватеев А.Ю. Вечные письмена (наскальные изображения Карелии) – Петрозаводск, КарНЦ РАН, 2007. – С.464.
313. Савченко С.Н. Тайны Шигирских древностей // Мир музея. – 2004. – №8. – С.2–6.
314. Свешников А.В., Свешникова О.С. Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930 гг. // Диалог со временем. – 2010. – № 10. – С.236–256.
315. Семенова Е.Г. Правовое регулирование объектов исторического наследия в судебной практике (на примере судна «Фрау Мария») // Океанский менеджмент. – № 1 (24). – 2024. – С.22-25.
316. Сержантов А.К. К тайнам Соловецкого монастыря // СП. – 1975. – №40. – С.16–22
317. Сивков В.В., Дорохов Д.В., Дорохова Е.В., Александронец Ю.А. Па-леографические предпосылки подводно-археологических исследований в российском секторе Юго-Восточной Балтики // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.128–135.

318. Сидоров В.В. Стоянки на озере Святом у Шатуры // СА. – 1975. – №3. – С.107–117.
319. Силантьев Г.А. Экспедиция «Беринг –81» // НиЖ.– 1982.–№2.– С.80–83.
320. Симонюков С.М. Гидроархеологические исследования Госмузея БССР // Проблемы охраны и исследования..: Сб.науч.тр. – Запорожье, 1987. – С.24–28.
321. Сингатулин Р.А. О перспективе подводных археологических исследо-ваний Волжского бассейна // Археологическое наследие Саратовского края. Выпуск 4. – Саратов. – 2001. – С.142–148.
322. Скрягин Л.С. Тайны морских катастроф – М.: Транспорт, 1986. – С.110.
323. Скрягин Л.С. Затонувшие сокровища – М.: Транспорт, 2002. – С.123.
324. Следков А.Ю. Создание аквaланга – М.: Остров, 2010. – С.93.
325. Следков А.Ю., Мандрик М.В. Рубен Абгарович Орбели: к 140–летию со дня рождения // ВПА. – 2019. – №10. – С.67 – 102.
326. Соймонов Ф.И. О торгах за Каспийское море древних, средних и новейших временах // Ежемесячные сочинения об ученых делах. – 1765. – №1. – С.181.
327. Соколов О.А. Видимость объектов под водой // СП. – 1969. – №20. – С.35–46.
328. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Наука, 1971. – С.285.
329. Соловьев С.Л. История археологических исследований на Березани // Березань–Борисфен: археологическая коллекция

Государственного Эрмитажа – СПб.: Эрмитаж, 2005. – Т.I. – С.31–40.

330. Соловьев С.Л. Крым на историческом перекрёстке культур и народов // Российская история. – 2016. – №1. – С.203–210.
331. Сорокина М.Ю. В поисках затонувших кораблей // Природа. – 2001. – №1. – С.62 – 71.
332. Сорокин П.Е. Памятники «судовой» археологии в Северо–Западной России и некоторые перспективы их изучения // ИПМА. –1993. – №3. – С.21.
333. Сорокин П.Е. Изучение памятников морской археологии в Финском заливе и на Ладожском озере в 2003 г. // ИПМА.– 2004.–№5.–С. 24–42.
334. Сорокин П.Е. Международное сотрудничество по изучению, сохранению и использованию историко-культурного наследия Балтийского региона, находящегося под водой // Юридические и методические вопросы…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.117–136.
335. Спасский–Автономов К.Ф. Описание подводных зданий, находящихся на Бакинском рейде // Записки Кав. Отд. РГО – 1853.– Том II.– С. 242.
336. Спиридонова Е.К. Каспийская экспедиция академика К.М. Бэра 1853–1857 гг. // КЛИО. – 2016. – № 5. – С.77–82.
337. Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики – М.: Научный мир, 1998. – С.94.
338. Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю., Дубровин Г.Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген – М.: Научный мир, 2002. – С.152.
339. Стародымов Н.А. «Чайка» с берегов Днепра // Музей. – 2010. – №1. – С.44–48.

340. Сташевский В.Г. За амфорами на дно моря // СП. – 1966. – №14. – С.27–38.

341. Сташевский В.Г. КПДР и подводная археология // 50 лет КПДР–ФПС: сб.науч.тр. – М., 2013. – С.5.

342. Стенюи Р. Сокровища непобедимой армады – М.: Мысль,1979. – С.165.

343. Стенюи Р. Клады бухты Порту–ду–Гильерми // ВС.–1978. – №10.– С.7.

344. Степанов А.В. Будет ли создан музей древнерусского судостроения? // Музей. – 2010. – №1. – С.60–65.

345. Степанов А.В., Ольховский С.В. Комплексное обследование затопленной части Фанагории в 2013 году // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.15–18.

346. Степанов А.В., Трояновский С.В., Хирхордин О.В. В поисках великого моста: археологические исследования в 2005–2006 гг. на дне реки Волхов // История и археология Новгорода. – 2007. – №21. – С.16–90.

347. Степко Л.А. Музейная коллекция морских якорей, как носитель историко-культурного наследия народов Азово-Черноморского бассейна: дисс…канд.культурологии: 24.00.03/ Степко Лев Александрович – Краснодар. – 2004. – С.261.

348. Стемпковский И.А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае – СПб.: типография Карла Крайя. – 1827. – С.35.

349. Сыроватко А.С., Трошина А.А., Панин А.В., Бутенко А.Г., Шишков Д.В. Исследование древних ландшафтов Щуровского могильника – информация со дна реки // Подводное наследие – 2013…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.25–33.

350. Таскаев В.Н. Палеогеографическая ситуация и условия судоходства на Азиатском Боспоре в VI–II веках до.н.э. // Патрей. Материалы исследования. – 2007. – №4. – С.14–21.
351. Таскаев В.Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья – М.: Воронцовка-21, 2010 – С.170.
352. Таскаев В.Н. Методика проведения подводно-археологических работ // ВПА. – 2010. – №1. – С.45–95.
353. Таскаев В.Н., Таскаев А.В. От Донузлава до Патрея. Из истории подводных исследований // Нептун. – 2011. – №6. – С.87–91.
354. Таскаев В.Н., Блаватский А.В. Методологическая основа подводной археологии // ВПА. – 2015. – №5. – С.53–71.
355. Терещенко Е.Ю. Проблемы изучения и сохранения морского наследия Кольского Севера // Вопросы теории и практики. – 2011. – №2. – С.187–190.
356. Тесленко Д.Л. Историография археологии: проблемы структуры предметного поля // История археологии. Границы и принципы субдисциплины: сб.науч.тр. – Киев, 2013. – С.5 –14.
357. Толстыкин П.В. Античный полис Кепы – памятник подводной археологии Тамани // ВПА. – 2013. – №4. – С.59–70.
358. Томан И.Б. Первооткрыватель океанских глубин // Современные проблемы сервисы и туризма. – 2008. – №4. – С.4–9.
359. Трапш М.М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми // СА. – 1955. – №23. – С.230–235.
360. Тюленев В.А. Результаты совместных российско-итальянских подводных исследований в 1994 г. // ИПМА. – 1995. – №5. – С.40–46.
361. Тюленев В.А., Демьяненко И.В. Исследование памятников морской археологии Выборгского залива // ИПМА. – 2004. – №5. – С.35–38.

362. Уваров А.С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря – СПб.: Типография ЭЗГБ, 1851. – С.138.
363. Утевский А.Ю. Подводные исследования в системе высшей школы // Подводная археология. Сто лет…: Сб.науч.тр. – М., 2002. – С.80.
364. Фаган Б.М., Д'Корс К.Р. Археология. В начале – М.: Техносфера, – 2007. – С.496.
365. Фазлуллин С.М. Учебный курс «Подводная археология» опыт КПДР // Подводное культурное наследие…: сб.науч.тр. – Новгород, 2007. – С.62–65.
366. Фазлуллин С.М. Подводные парки, как инструмент сохранения объектов подводного культурного наследия // Юридические и методические вопросы…: сб.науч.тр. – М., 2012. – С.91–116.
367. Фанагория / Под общ. ред. В.Д. Кузнецова. – М.: Северный паломник, 2008. – С.104.
368. Фармаковский Б.Ф. Раскопки в Ольвии – СПб.: Главная типография Управления Уездов, 1906. – С.110.
369. Федотов Д.Г. Теория и устройство корабля – Северодвинск, Севмаш-втуз, 2008 – С.156.
370. Филиппов Н.М. Об изменении уровня Каспийского моря – СПб.: типография АН, 1890. – С.113.
371. Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. – 1975. – №4. – С.5–13.
372. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР – М.: Издательство Наука, 1980. – С.135.
373. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма – М.: Знак, 2006. – С.344.
374. Хакимов А.А. Открывая тайны Каспия // Уральский следопыт. – 1993. – №2. – С.25–28.

375. Халилов Э.Н., Мамедова Г.Г., Халилова Т.Ш. На дне Каспия обнаружена неизвестная крепость // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2008. – №1. – С.30–33.
376. Хасс Г. Мы выходим из моря – М.: Издательство Географической литературы, 1959. – С.143.
377. Хеберляйн Г. Подводный мир – М.: Знание, 1979. – С.136.
378. Хождение купца Федота Котова–М.:Восточная литература,1958.– С.87.
379. Холюшкин Ю.П., Витяев Е.Е., Костин В.С. Задачи археологии и методы их решения – Новосибирск, Манускрипт, 2013. – С.100.
380. Хрусталева И.Ю. Методы обработки полевой документации культурного слоя памятника Сертея-XIV // «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования». Тезисы науч.конф.. – СПб.: ИИМК, 2013. – С.21–23.
381. Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация: диссертация ... доктора истор. наук: 07.00.06/ Чаиркина Надежда Михайловна. – Екатеринбург, 2015. – С.362.
382. Чаиркина Н. М. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника на Среднем Урале в 1927 году (по материалам раскопок Д. Н. Эдинга) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – № 13 (3). – С.58–67.
383. Чернов А.А. Служба «Каспийской Атлантиды» // ВС. – 1978. – №12. – С.30–31.
384. Чернов А.А. Загадки затонувших городов – М.: Вече, 2004. – С.480.
385. Черносвитов П.Ю. Поморское судоходство как самостоятельный объект исследований // ПИПИКГ. – 1989. – №1. – С.33–51.

386. Чернявский В.И. Из исследований в Юго-западном Закавказье. Доказательства колебаний западного прибрежья Кавказа в течении исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах // Известия РГО. – 1877. – №5. – С.340–360.

387. Чикер Н.П. Служба особого назначения – М.: ДОСААФ, 1975 – С.97.

388. Чубинский-Надеждин Г.В. Петровский док в Кронштадте // Журнал ОСК. – 2017. – №2(31). – С.44-47

389. Чувилова И.В. Затонувший порт царя Ирода //Музей. – 2010. – №1. – С.34–40.

390. Шакиров З.Г. Методы фиксации в археологии – Казань, КПФУ, 2012. – С.110.

391. Шамрай А.Н. Поднято со дна Керченского пролива // СП. – 1982. – №67. – С.54–58.

392. Шамрай А.Н. Локализация узлового навигационного пункта Азиатского Боспора – Корокондамы // БИ. – 2009. – № XXI. – С.140–163.

393. Шаповалов Г.И. Находки на дне Днепра // СП. – 1984. –№72. – С.58–62.

394. Шаповалов Г.И. Подводная археология Запорожья. Достижения и перспективы // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. – 2010. – №2. – С.4–14.

395. Шаповалов Г.И. Вотивные якоря из Черного моря // СА. – 1990. – №3. – С.259–260.

396. Шаповалов Г.И. Подводные раскопки челна – однодеревки XIV–XV веков у острова Хортица // ПИПИКГ. – 1991. – №2. – С.71–75.

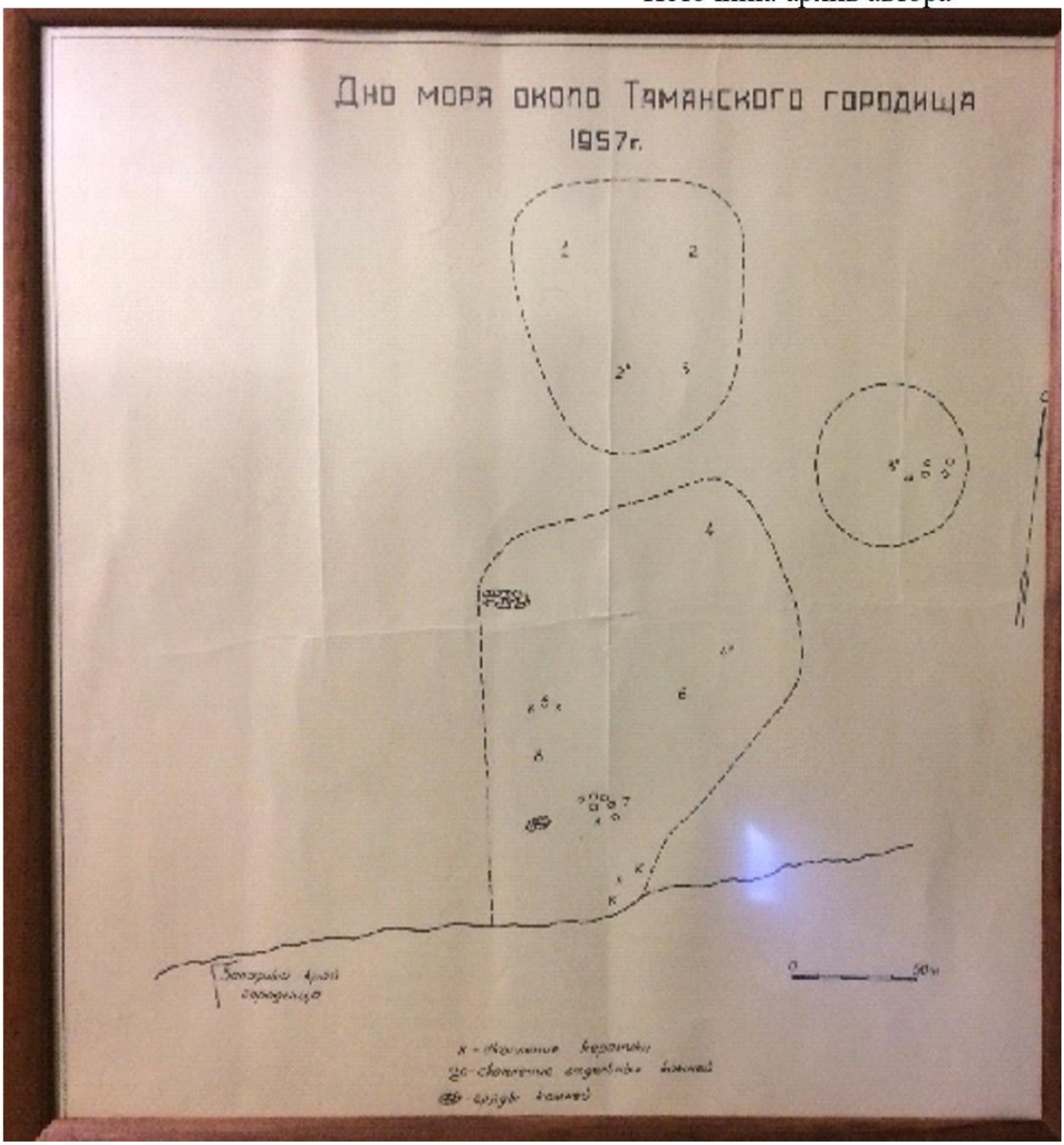
397. Шаповалов Г.И., Спинов Е.Р. Гидроархеологические исследования у острова Хортица // СП. – 1972. – №29. – С.66–70.
398. Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л. О древних судах со дна Днепра у острова Хортица // Проблемы охраны и исследования...: Сб.науч.тр. – Запорожье, 1987. – С.7–8.
399. Шапошникова Л.В. Актуальность Пакта Рериха в современном мире // Культура и время. – 2005. – №4. – С.18–22.
400. Шервашидзе А.А. Повесть о городе, взятом волнами – Сухуми, Алашара, 1967. – С.64.
401. Шервашадзе Л.А., Соловьев Л.Н. Исследования древнего Себастополиса // СА. – 1960. – №3. – С.171–179.
402. Шестаков В.П. А прошлое ясней, ясней, ясней. Воспоминания шестидесятника – СПб.: Нестор – История, 2008. – С.264.
403. Шилик К.К., Федоров Б.Г. Геоакустическое исследование подводной Ольвии // СА. – 1968. – №4. – С.126–137.
404. Шилик К.К. Подводная археология помогает восстанавливать прошлое океана // Природа. – 1976. – №12. – С.10–14.
405. Шилик К.К. Работы Боспорского отряда // АО'1984. – М.: Наука, 1986. – С.493.
406. Шилик К.К. О термине «день плавания» у Геродота // ВПА. – 2012. – №3. – С.3–37.
407. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно – исторический аспект – М.: Восточная литература.: 2009. – С.481.
408. Широкорад А.Б. Северные войны России – М.: АСТ. – 2001. – С.848.
409. Шишкин К.В. Применение аэрофотосъёмки для исследования археологических памятников // СА. – 1966. – №3. – С.116–121.

410. Шолль Т., Равиньска А. Пятнадцать лет раскопок Варшавского университета в Танаисе // Вестник Танаиса. – 2012. – №3. – С.48–62.
411. Шопотов К.А. Фрегат «Паллада» // СП. – 1991. – №86. – С.20–28.
412. Шопотов К.А. Музей подводной археологии подводно-археологической экспедиции общества «Память Балтики» // Октопус. – 2002. – №3. – С.12–20.
413. Шопотов К. В холодных глубинах Балтики–СПб.: Географ, 2005.– С.93.
414. Шопотов К.А. Найдены шведские королевская яхта «Aurora» и 44-х пушечный линейный фрегат «Zemfira» // ВПА.– 2015.– №6. – С.73–99.
415. Шопотов К.А. Открытие командорских островов (275 лет) // ВПА. – 2016. – №7. – С.71–90.
416. Шугуров М.В. Перспективы реализации международно признанных культурных прав человека в условиях глобализации научно – технологического прогресса // Вестник СГЮА. – 2012. – №5. – С.209.
417. Щеглов А.Н Морские подводные исследования // СА. – 1972. – №4. – С.279–281.
418. Эльдаров Э.М. Подводно-археологическая экспедиция РГО «Каспийская Атлантида» в акватории Дербента // ВПА.– 2017.– №8.– С.75–86.
419. Экспедиции. Археология в Эрмитаже: сб.науч.тр.под ред. М.Б. Пиотровского – СПб.: Славия. – 2014. – С.6-8.
420. Эфендиев Э.Ф. Нарва. Путеводитель – Таллин.: Периодика,1990.– С.80.

421. Belov, A. Archéologie Sous-Marine: un siècle des plongeés dans l'Histoire. Conférence donnée à Bordeaux (France) octobre 2019 Part 2 of 2
422. Catsambis A et al. The Oxford handbook of maritime archaeology – Oxford.: New York, 2011. – P. 217.
423. Ochotnikov S.B. Achilleus auf der Insel Levke // Internationale Archäologie. – Band 94. – 2006. – S.49-57.
424. Gibbings D. Adams. J. Shipwrecks and maritime archaeology // World Archaeology. – 2001. – Vol. 32, – No. 3. – P.279.
425. Green J. Maritime Archaeology: A Technical Handbook – London, 1990. – P. 120.
426. Robert Stewuit. The wreck of the pink Evstafli. A transport of the imperial Russian Navy, lost off Shetland in 1788 // International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. – 1976. – № 5. – P. 317–331.

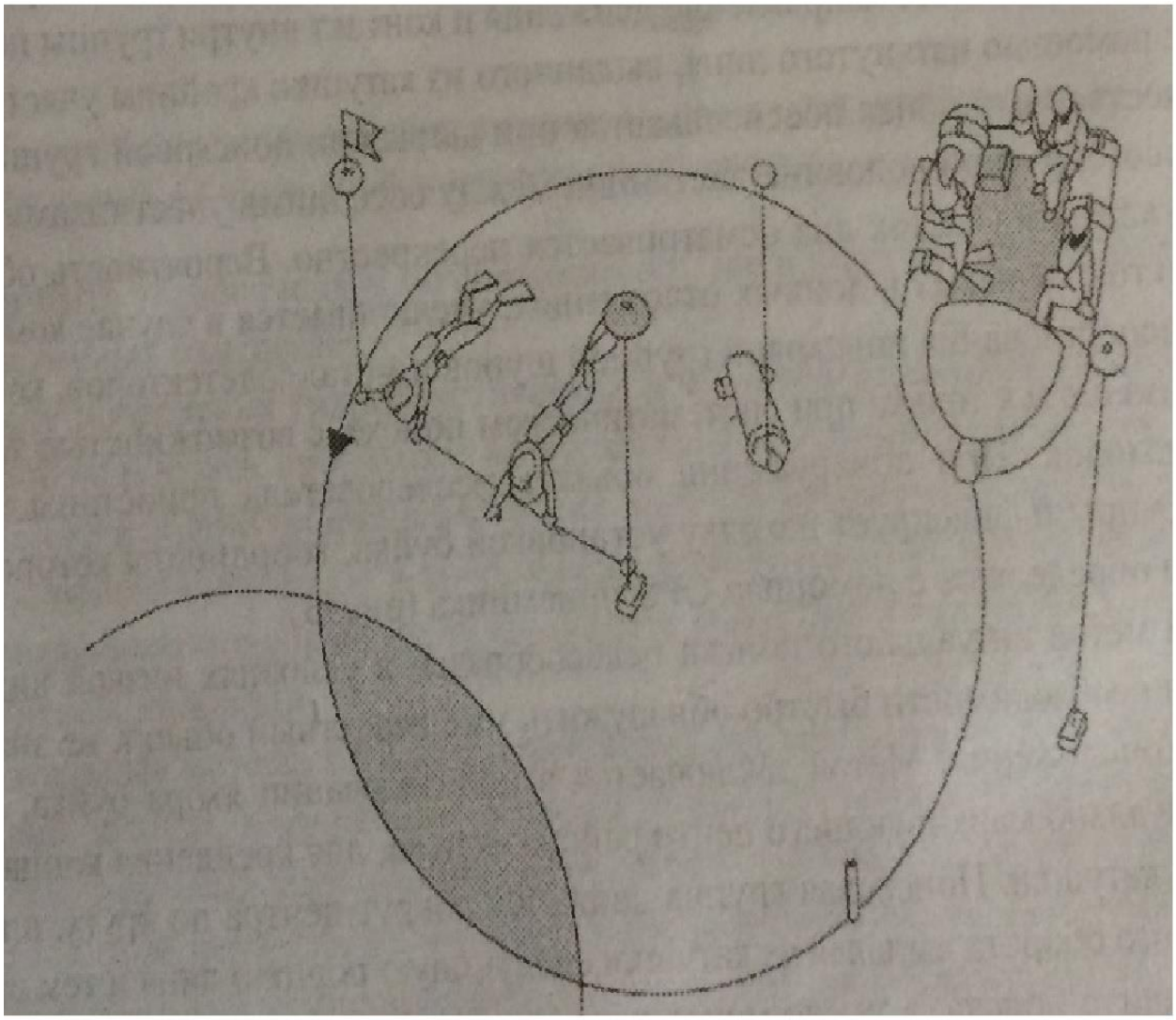
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Карта затопленных памятников Таманского залива. 1957 год. Источник: архив автора

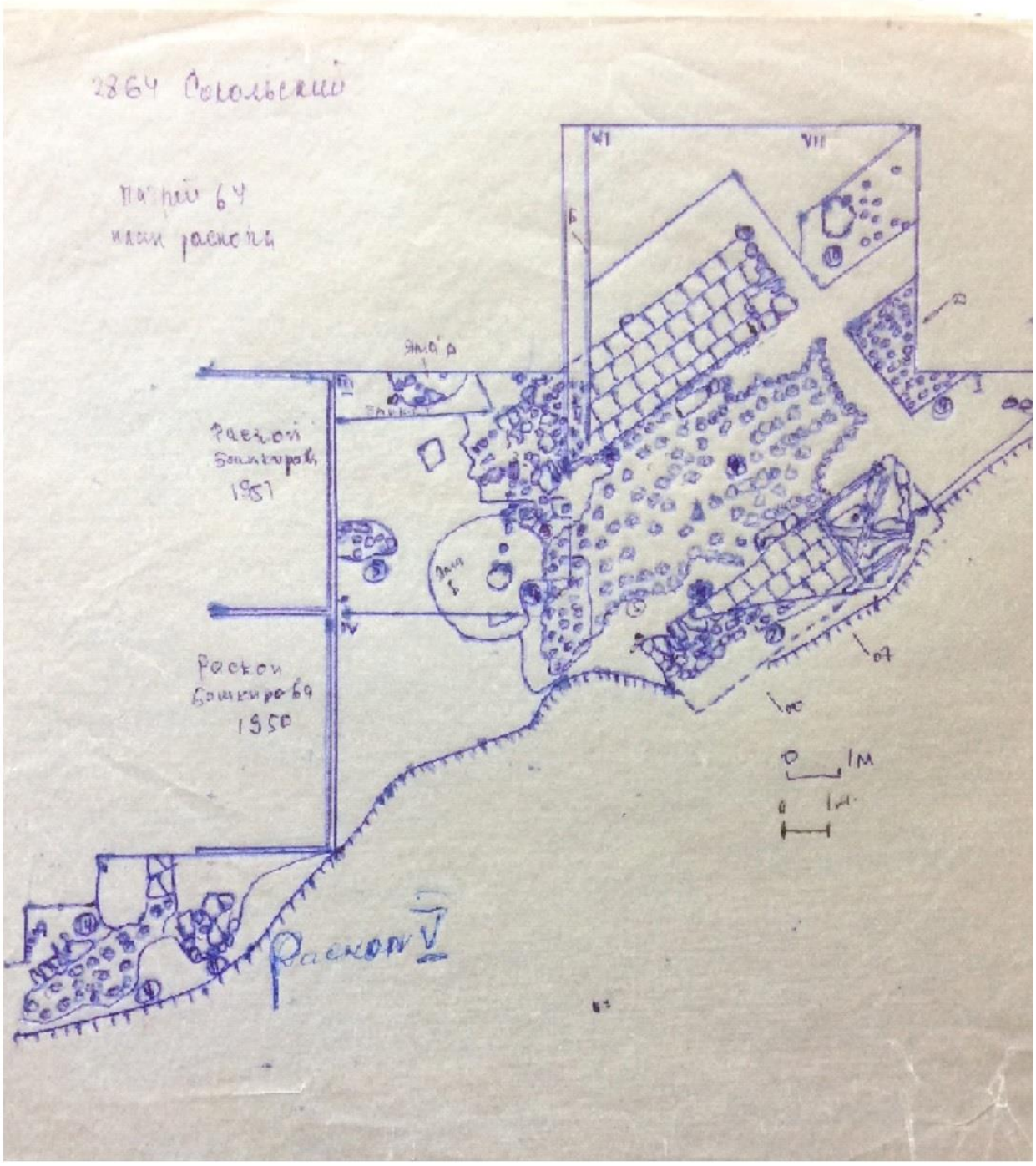


Приложение № 2. Метод Радиусного (Кольцевого) поиска

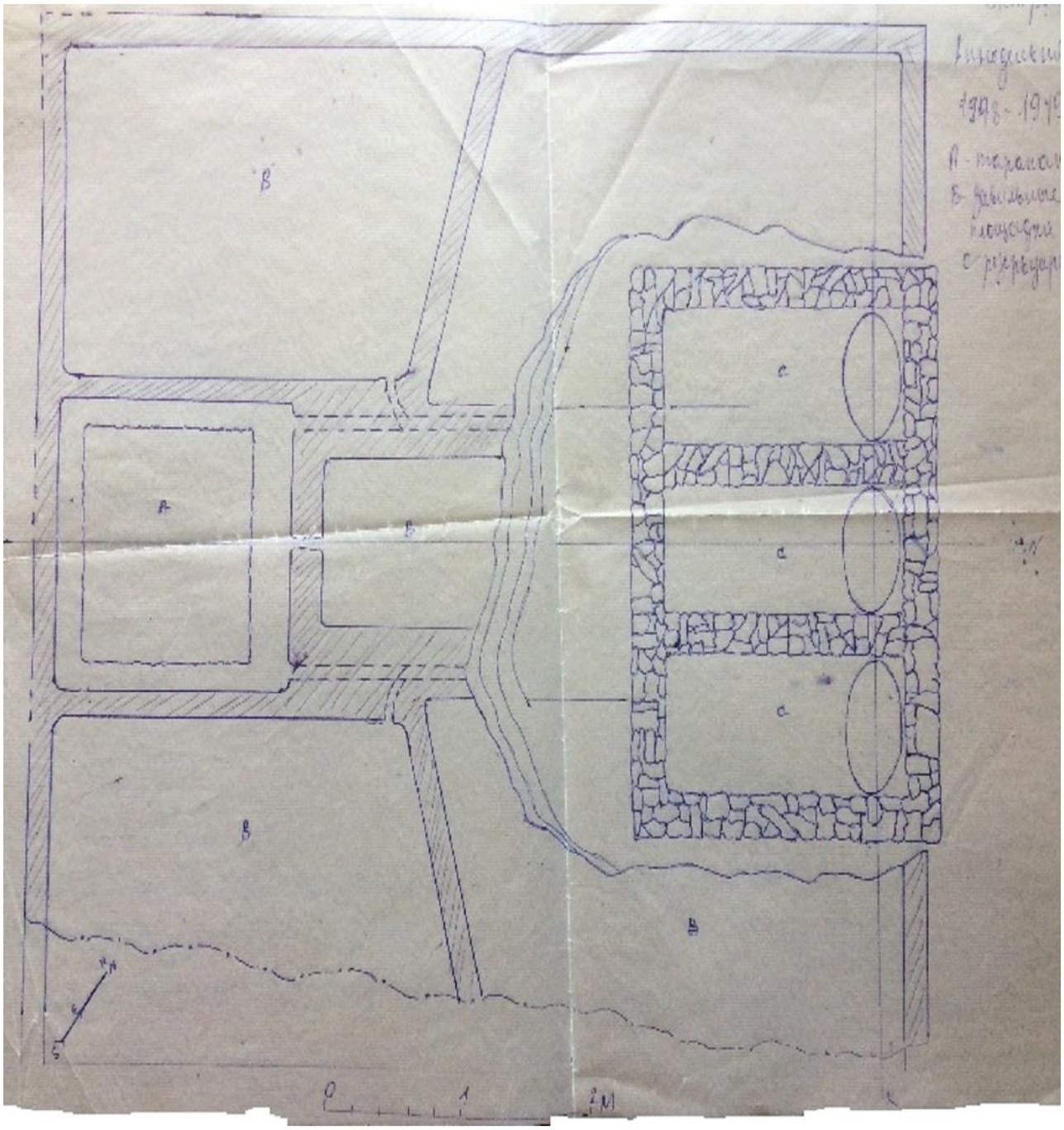
Источник: Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н. Методика подводных археологических исследований на затопленных поселениях – М.: ИА РАН, 2011 – С.30



Приложение № 3. Схема затопленных строений городища Патрей. Археолог Н.И. Сокольский. Источник: архив профессора Таскаева В.Н.



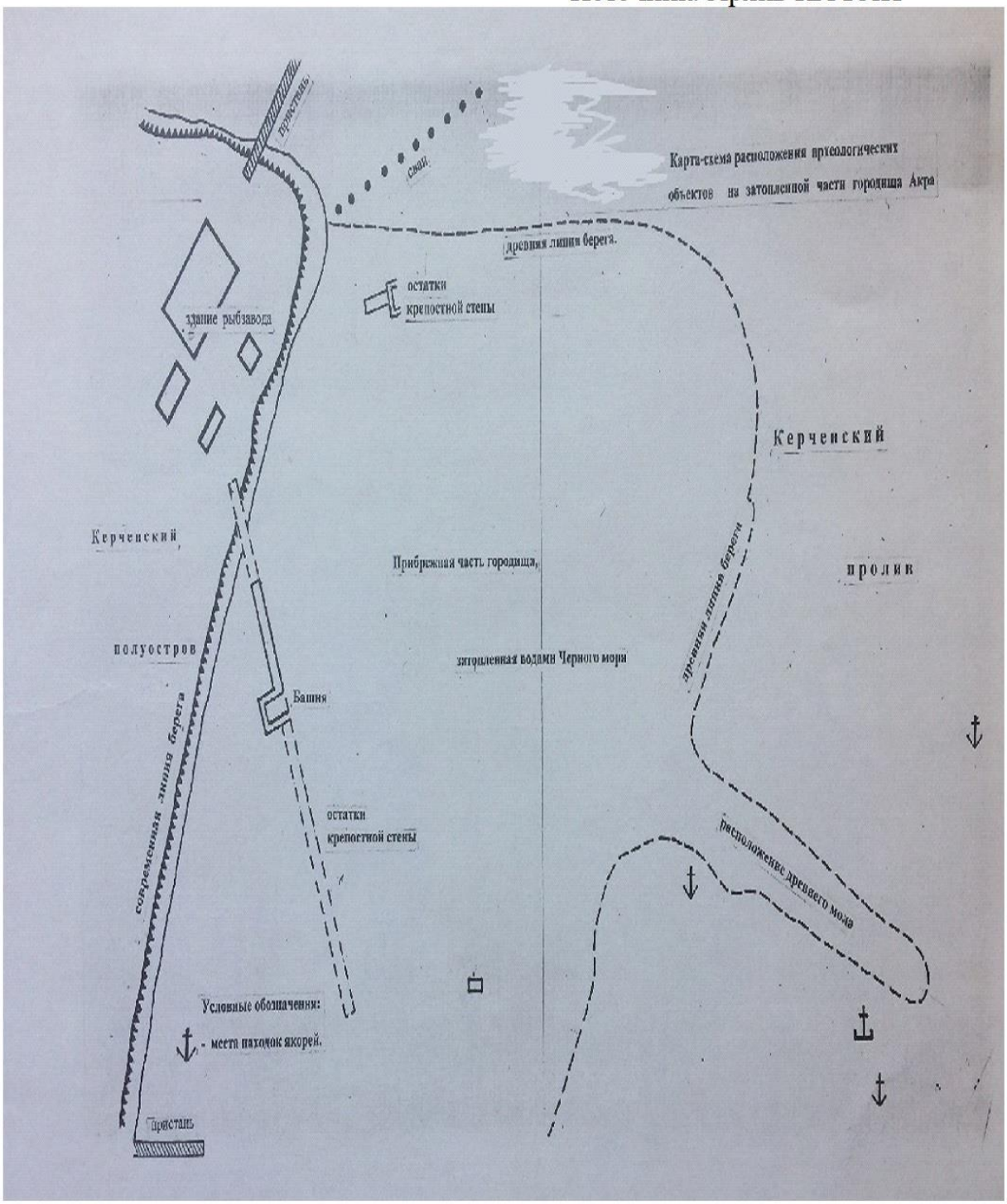
Приложение № 4. Чертеж-реконструкция затопленного строения.
Полевой сезон 1979 года. Археолог Б.Г. Петерс
Источник: архив профессора Таскаева В.Н.



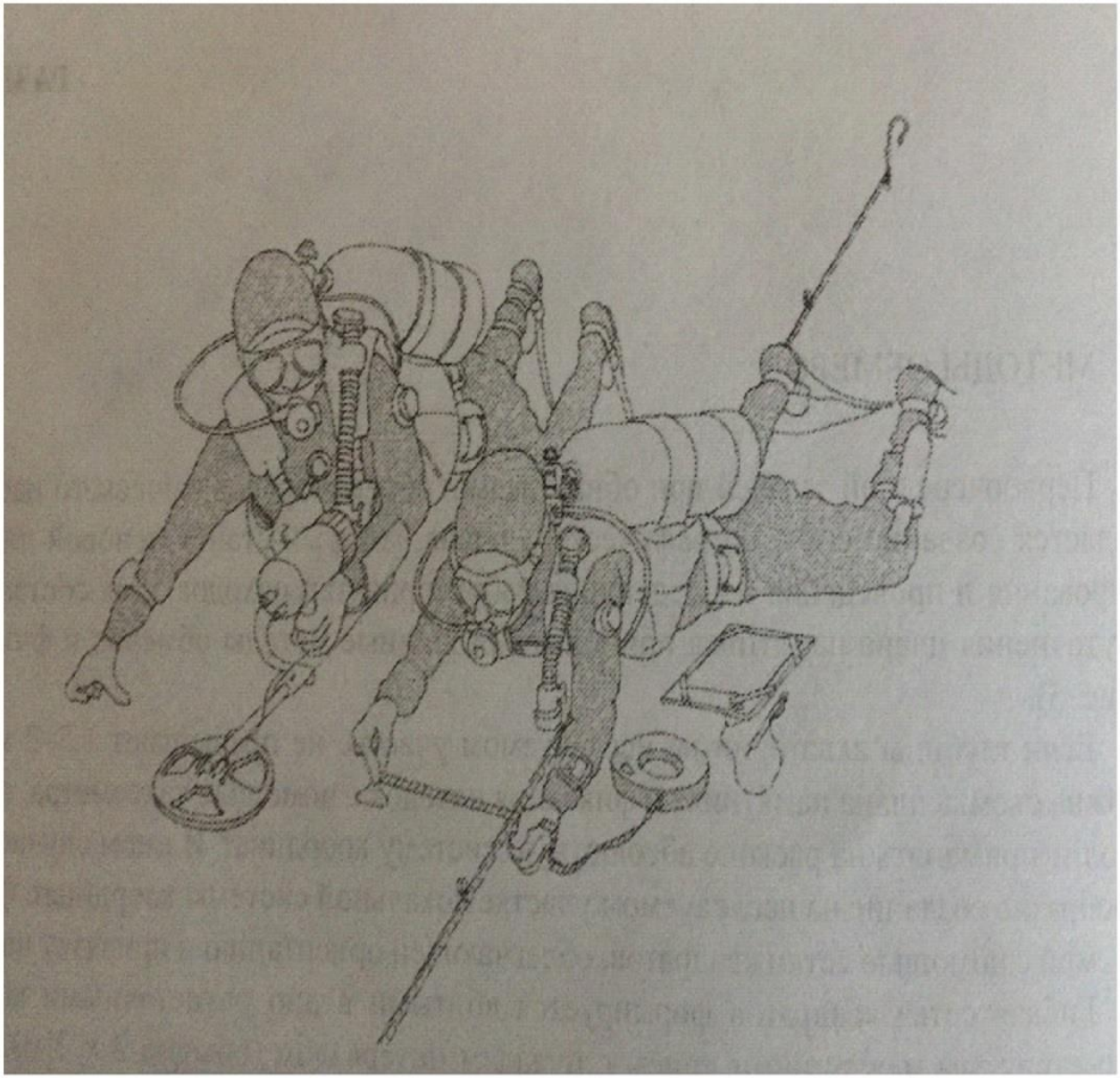
Приложение № 5.

Останки античного судна. Акватория Крыма. Археолог В.В. Вахонеев. Источник: журнал «Вопросы подводной археологии, № 7/2015.

Приложения № 6. Карта затопленной части городища Акра.
Археолог А.Н. Шамрай.
Источник: Архив ИА РАН



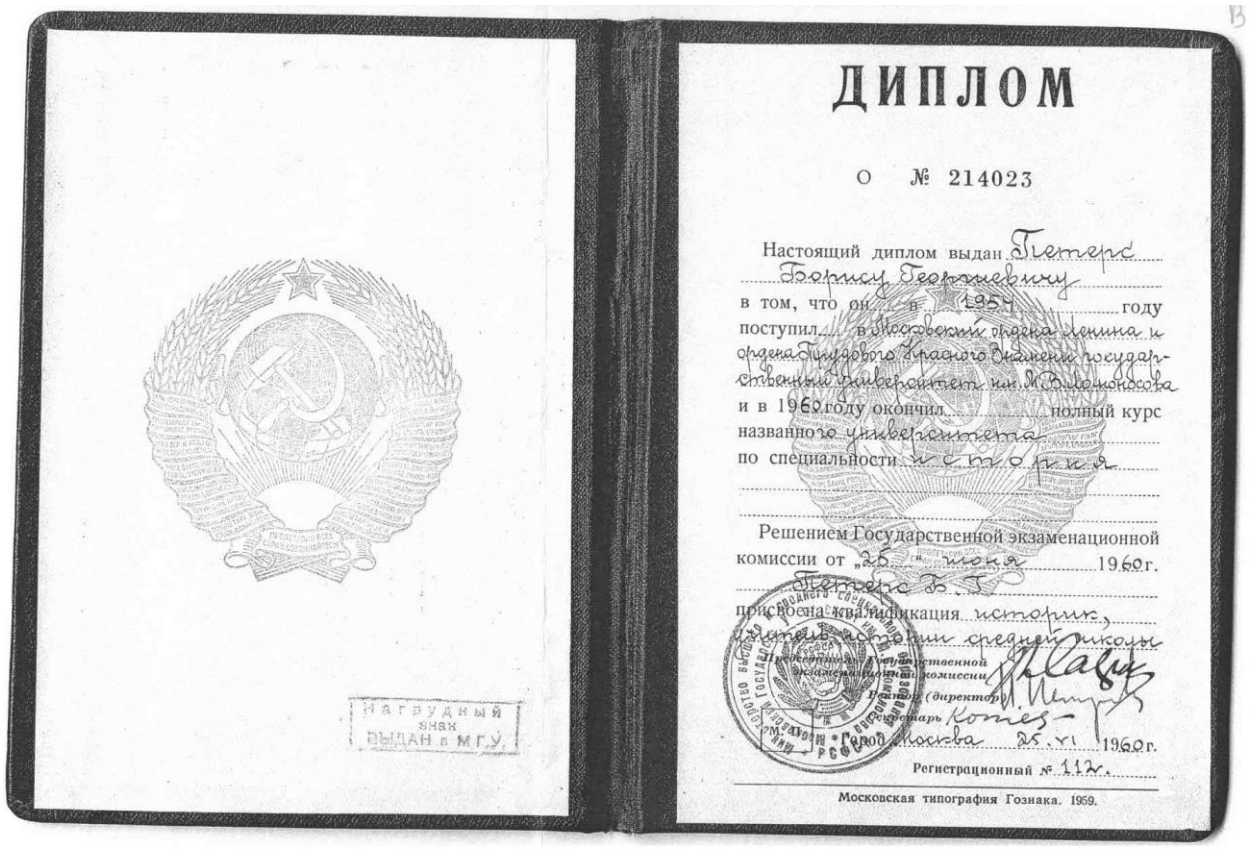
Приложение № 7. Работа с магнитометром. Источник: Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н. Методика подводных археологических исследований на затопленных поселениях – М.: ИА РАН, 2011 – С.30



Приложение № 8. Карта подводно-археологических исследование в районе Херсонеса.Археолог В.Д. Блаватский.
Источник: Архив А.В.Блаватского

Приложение № 9.

Диплом Б.Г. Петерса об окончании Исторического факультета МГУ



Нагрудный знак ВЫДАН в М.Г.У.

ДИПЛОМ

О № 214023

Настоящий диплом выдан Петерс Борису Георгиевичу в том, что он в 1954 году поступил в Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. М.В. Ломоносова и в 1960 году окончил полный курс названного университета по специальности история

Решением Государственной экзаменационной комиссии от „25" июня 1960 г. Петерс Б.Г. присвоена квалификация историк, учитель истории средней школы

Председатель Государственной экзаменационной комиссии

Ректор (директор)

Секретарь Konies

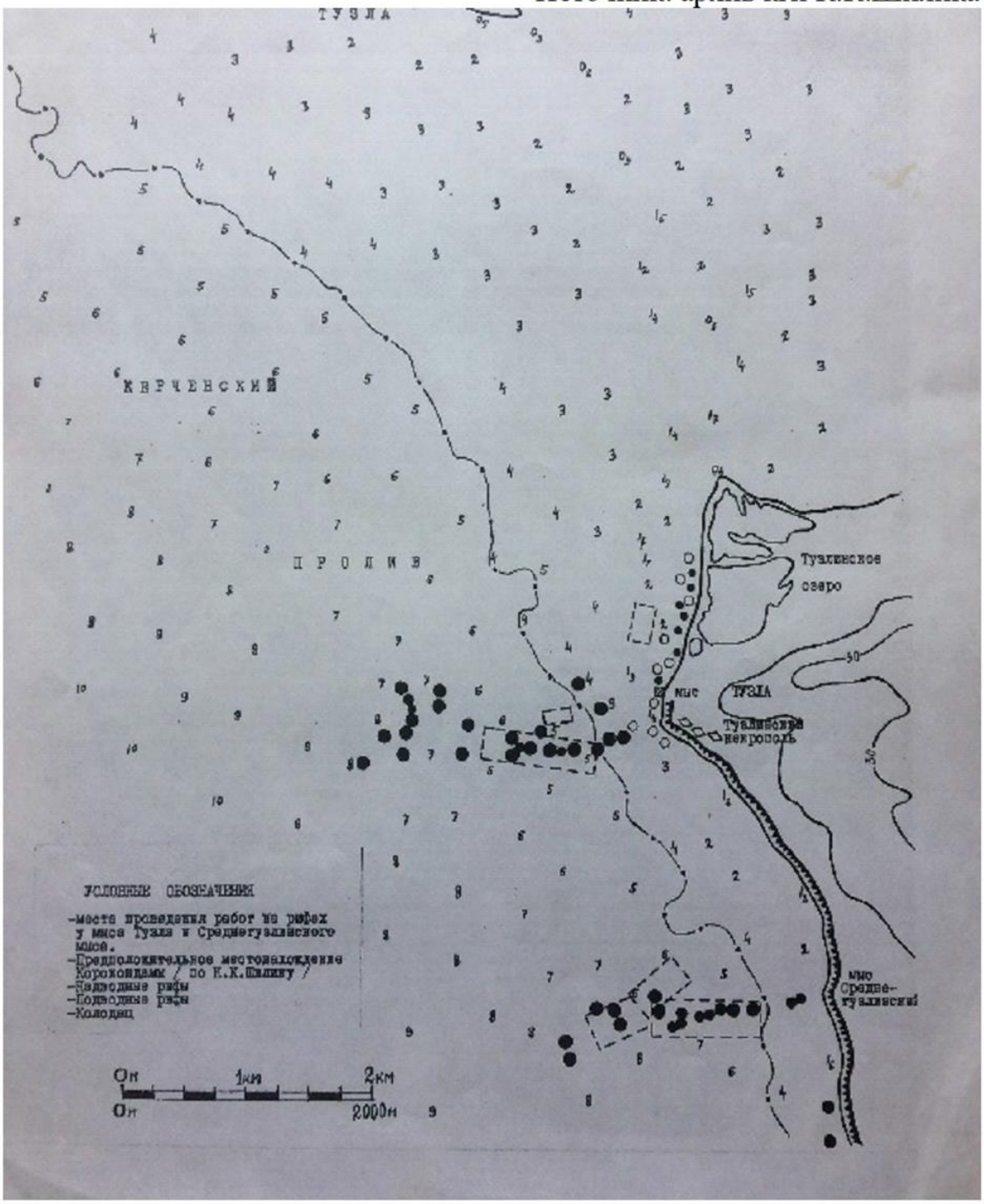
М.П. Город Москва 25.VI 1960 г.

Регистрационный № 112.

Московская типография Гознака. 1959.

Приложение №10. Фиксация объектов на раскопе.
Источник: Б.М. Фаган, К.Р. ДеКорс. Археология. В начале.- М.; Техносфера. – 2007.

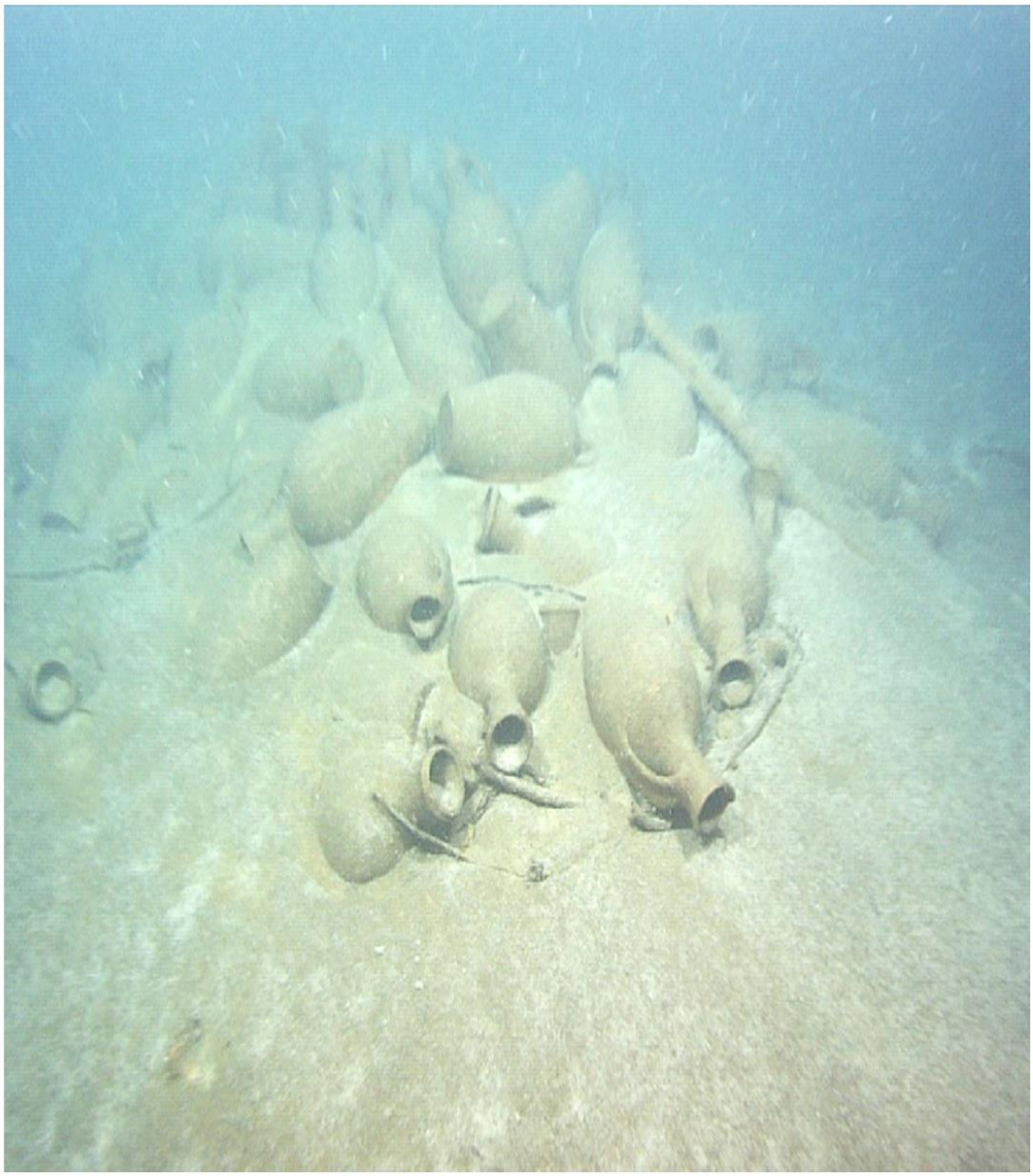
Приложение № 11. Промеры глубин акватории Керченского пролива
Археолог К.К. Шилик
Источник: архив кгн К.К.Шилика



Приложение № 12. Картографирование объекта.

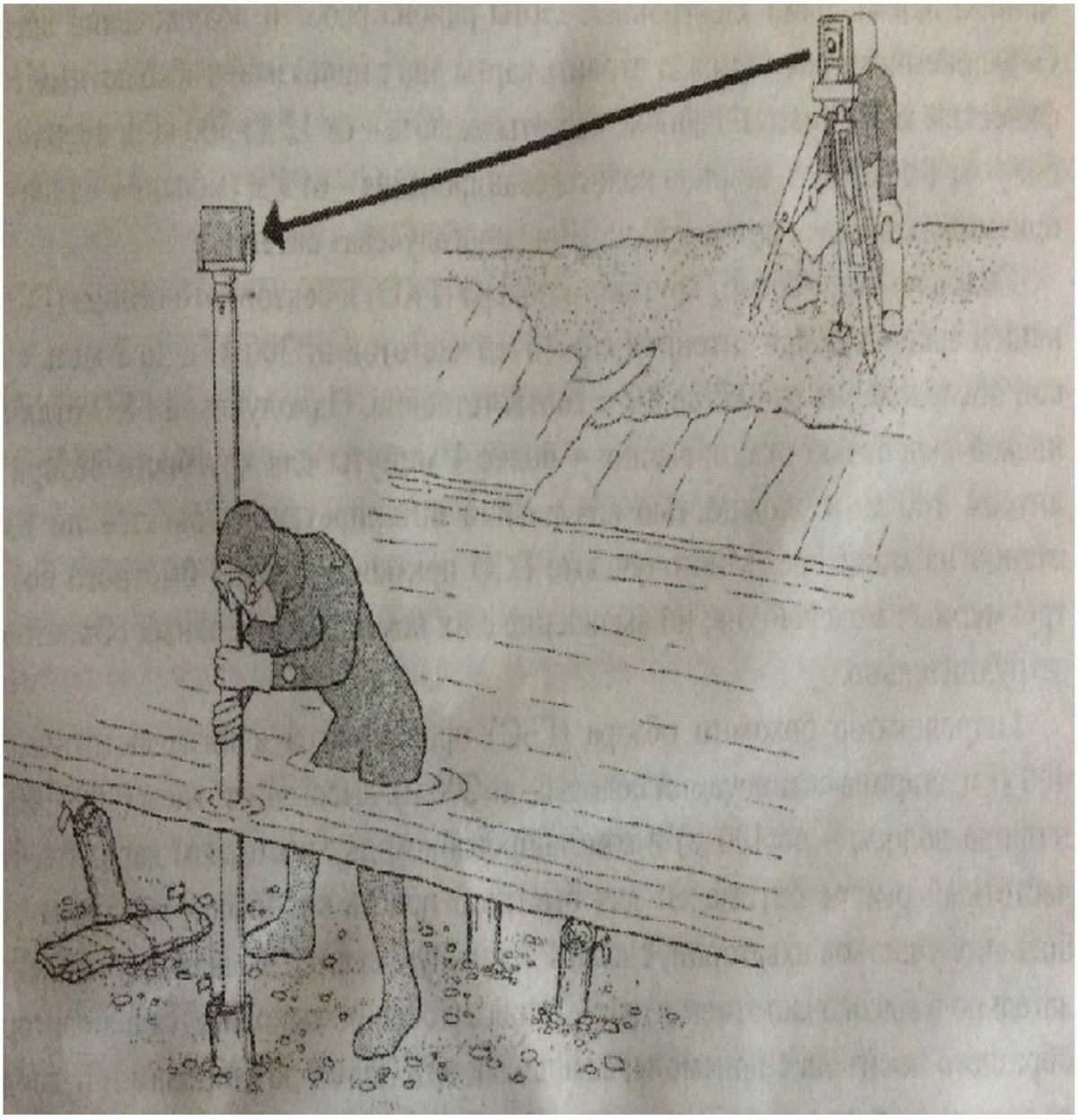
Источник: Басс Д. Подводная археология. Древние народы и страны. – М.: Центрополиграф, 2003

Приложение № 13. На дне Черного моря. Источник: В.В. Вахонеев, журнал «Вопросы подводной археологии, № 7/2015.

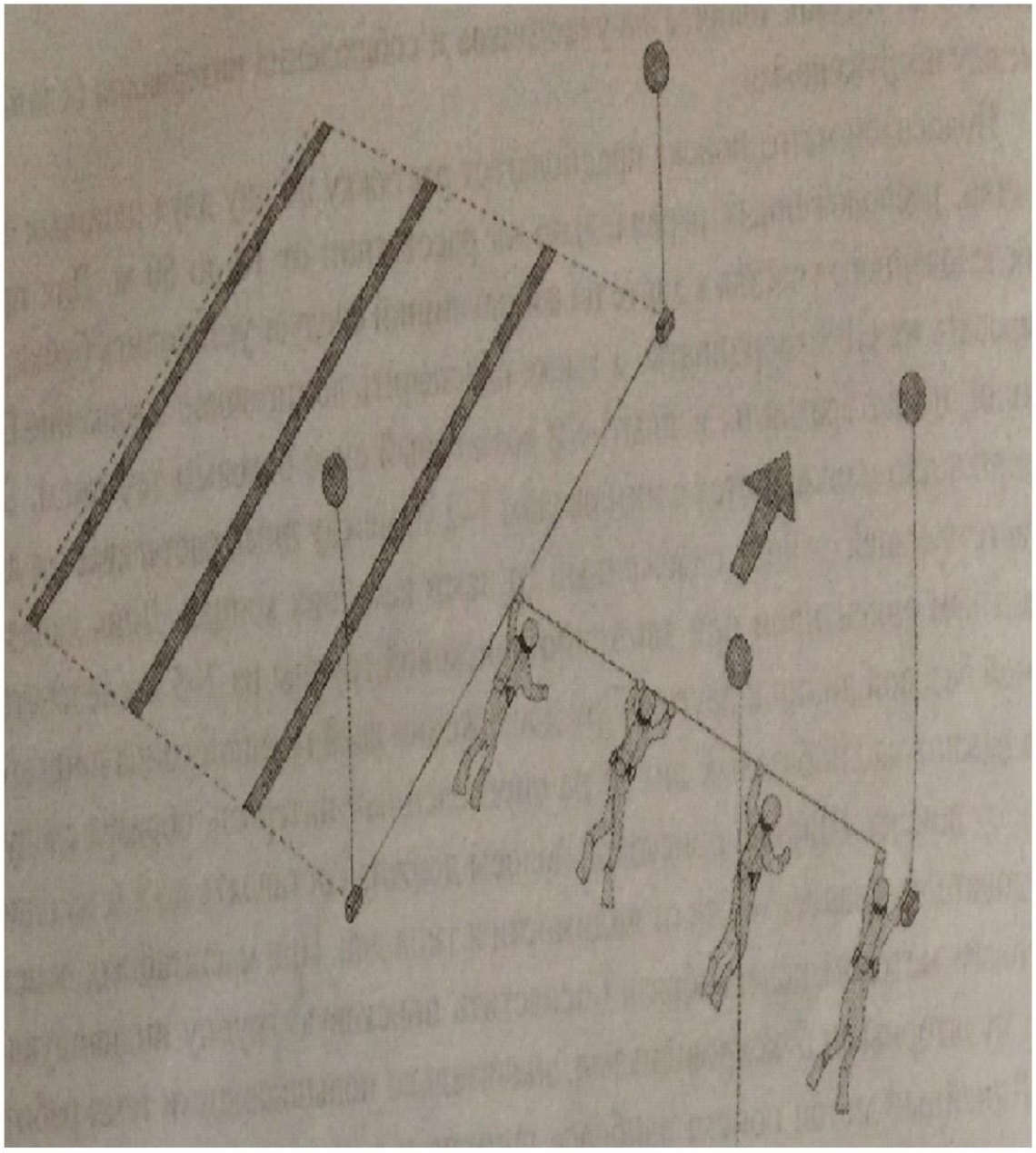


Приложение № 14. Прорисовка раскопа с метрической сеткой. Источник: Басс Д. Подводная археология. Древние народы и страны. – М.: Центрополиграф, 2003

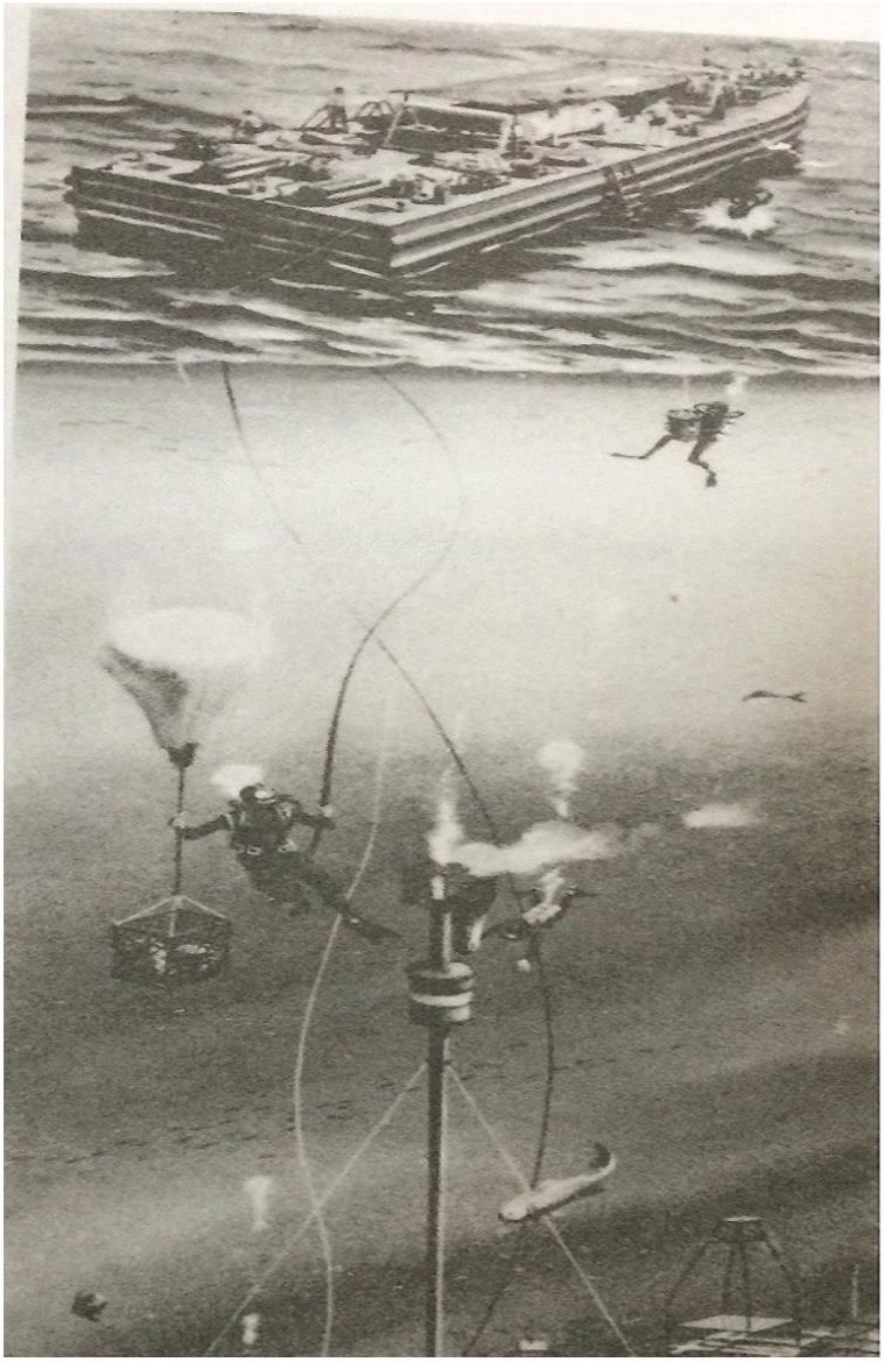
Приложение № 15. Применение тахометра. Источник: Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н. Методика подводных археологических исследований на затопленных поселениях – М.: ИА РАН, 2011 – С.30

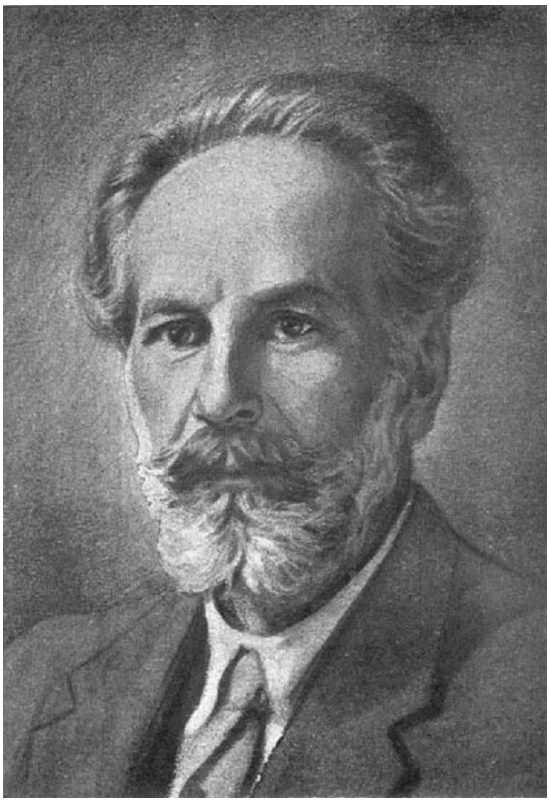


Приложение № 16. Полосовой (реперный) метод визуальной разведки. Источник: Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н. Методика подводных археологических исследований на затопленных поселениях – М.: ИА РАН, 2011 – С.30

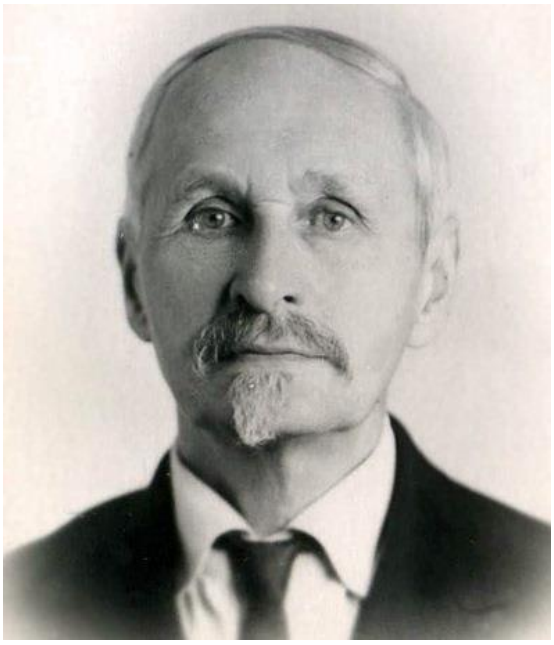


Приложение № 17. Подъем артефактов с помощью надувных шаров. Источник: Басс Д. Подводная археология. Древние народы и страны. – М.: Центрополиграф, 2003





Профессор Рубен Абгарович Орбели (1880-1943)



Профессор Владимир Дмитриевич Блаватский (1899-1980)